

Сергей Качуренко

СЕДЬМОЙ ФЛОТ

детектив

12+

Сергей Алланович Качуренко

Детектив «Седьмой флот»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42153506

SelfPub; 2019

Аннотация

Как помочь другу юности, попавшему в опасный переплет? Ведь связь с ним оборвалась много лет назад после досадного инцидента. Но на кону – человеческая судьба, а может и жизнь. Мог ли предположить отставной милицейский полковник, откликаясь на зов о помощи, что окажется в центре событий, не укладывающихся в понятия здравого смысла? Череду убийств, опасные погони, освобождение заложников, дедуктивные выкладки – такова стремительно разворачивающаяся сюжетная линия романа. А еще – многообразие суждений и метаморфозы жизненных принципов. И все это напитано жизнелюбием, иронией и юмором. Автор обложки С. Качуренко.

События, описанные в настоящем времени, никогда не происходили в реальной жизни.

Все действующие лица вымышлены. Любое сходство с реальными людьми прошу считать случайным совпадением.

Некоторые факты и ситуации взяты из жизни, но изменены – местность, время, имена людей, их нравы. Герои романа являются архетипами, то есть персонажами, смоделированными на основе общего характеризующего образа некоторых реальных людей.

*«Золото убил больше души, чем железо тел»
Вальтер Скотт.*

Глава первая

ДОХОД

Так называемая одесская трасса, связавшая столицу Украины с южной Пальмирой, напоминает европейский автобан после недавнего капитального ремонта ... весьма отдаленно и в некоторых местах.

Как бы там ни было, но мчать с ветерком по ровным участкам с односторонним движением – сплошное удовольствие. Особенно в сезон летних отпусков.

Не то, что раньше, когда нервы водителей легковушек сда-

вали на полдороги, не вытерпев длительных подъемов и бесчисленных закрытых поворотов. Движение в один ряд, обгоны запрещены, а на пути – неповоротливые фуры, груженные самосвалы и допотопные советские автобусы. Ползет многотонная каракатица в гору на первой передаче, а следом тащится километровая вереница машин с раздраженными и изнывающими от жары путешественниками.

Нынешняя комфортная монотонность временами грозит погружением в дремоту. Во избежание неприятностей полезно изменять скоростной режим или подсобраться с мыслями.

Подумать есть над чем, ведь еще вчера я никуда не собирался ехать.

Вечерний телефонный звонок застал врасплох. Долго не мог сообразить, чего от меня добивается следователь Приморской районной прокуратуры города Одессы. Говорил настороженно порой бессвязно. Ничего толком не объяснял, настаивая на немедленном приезде. Зато повторил не раз, что от моего решения зависит судьба, а может и жизнь небезызвестного мне человека.

Что оставалось делать? Конечно, соглашаться! Любимый город у моря и без того часто снится, маня к себе с юношеских лет.

Не скрою – пришлось потрудиться, отговаривая жену от намерения составить компанию. В ход пошла вся сила убеждения, и представлены неоспоримые доказательства моего

единоличного и неперемного отбытия. Благоверная, как боевая подруга, с первой минуты была готова паковать чемодан, но сдала позиции перед вескими доводами бывалого сыщика. К тому же дел у нее в столице хватало. Как всегда, обошлось без обид.

В истории со звонком настораживал явно завышенный уровень секретности и конспирации, предложенный прокурорским следователем. Содержание разговора предопределяло некомфортное положение. Если дословно передать его жене – значит дать повод для волнения, что само собой противоречит моим принципам. Если соврать – допустить еще большее нарушение.

Пришлось импровизировать на ходу. По факту вроде бы не соврал, только чуточку додумал некоторые подробности. Пояснил, будто одесская прокуратура возобновила расследование по делу двадцатилетней давности. Тогда я приложил руку к его успешному окончанию, а теперь понадобилось уточнить некоторые детали. В итоге, как принято выражаться на розыскной фене: «Соскочил вчистую».

Завершая переговоры, следователь заручился моим согласием приехать завтра после полудня и провел инструктаж с агентурной подоплекой:

– Доедете до рыбного базара перед мостом через Хаджибеевский лиман. Припаркуетесь на автостоянке и позвоните по номеру, который я пришлю завтра утром в СМС-сообщении. Получите дальнейшие инструкции.

Как вам такое?

Добрался до оговоренного места в обеденное время.

Лиман искрился яркими бликами, отражая, как в зеркале палящие лучи южного солнца. На рыбном базаре – шум-гам и привычная толчея.

Невдалеке на каменистом берегу в окружении пирамидальных тополей приютилось неказистое с виду строение – общепитовская кафешка с романтическим названием «Чайка».

Знакомое со времен совка и популярное среди дальнобойщиков заведение ничуть не изменилось за долгие годы. Все тот же бесцветный фасад с зарешеченными окнами, прозванный народом аквариумом. Узнаваемая летняя площадка со столиками под парусиновыми зонтами.

Постигая основы юриспруденции в Одесской школе милиции МВД СССР, я участвовал вместе с другими курсантами в съемках телесериала «Выгодный контракт». По сюжету кинодетектива времен брежневского застоя курсант милиции ввязался в расследование пустякового хулиганства. Интуитивно копнул поглубже и подсобил работникам уголов-

ного розыска вывести на чистую воду шайку шпионов, торговавших секретной информацией.

Некоторые эпизоды снимались на территории школы, куда курсантов сгоняли на массовку. Если же съемки проходили на одесском ипподроме или возле упомянутого кафе «Чайка» – массовка превращалась в оцепление.

Спустя тридцать лет, изнывая от жары, я маячил невдалеке от знакомой кафешки. Укрылся в тени одинокого тополя и набрал присланный накануне телефонный номер. После двух гудков приятный женский голос пригласил посетить кафе и расположиться за ближним столиком возле барной стойки.

Подзабытая конспиративная манера вызвала невольную улыбку и оживила воспоминания: «Дежавю в натуре! По сюжету кинофильма именно «Чайку» облюбовали лазутчики для тайных сделок».

Выполнив указание, подсел к столу и, дожидаясь знаков внимания, поосмотрелся. В душном помещении насчитал четверых посетителей, зато на летней площадке все столики были заняты. По-видимому, ветерок с лимана способствовал приумножению аппетита.

В зале устоялся смешанный дух табака, жареного кофе и борща. Оттого приглушенная мелодичная музыка в сти-

ле нью-эйдж немного диссонировала с кабацким антуражем. Поморщившись, прикинул:

«Уместнее был бы ненавистный шансон. В крайнем случае, кантри».

Наконец, подошла немолодая сухощавая официантка. Изобразив похожесть улыбки, подала папку с прејскурантом и удалилась. Внутри обнаружилась сложенная салфетка с каллиграфической надписью карандашом: «9-я станция Большого Фонтана. Улица Красных Зорь, в тупике. Позвонить по тому же номеру в 19.00».

На этом негласная часть оперативного мероприятия закончилась. Почуввав голодные позывы, дерзнул отыграть роль резидента по полной. Подманив официантку, заказал борщ, картофельное пюре с отбивной и кофе.

Южно-украинский борщ оказался наваристым и густым, отличаясь от столичного – немалым количеством нашинкованного сладкого перца наряду с капустой и душистой зеленью. Не меньшее впечатление произвел домашний хлеб: свежеиспеченный, ароматный, с хрустящей корочкой.

После горячего борща показалось, будто воздух в кафе раскалился. Вместо удовольствия к насыщению прибавилось тяжкое предчувствие. По-видимому, таинственность и шпионские игры навеяли тревогу, отчего никак не получалось сообразить – ввязался я в ситуацию или вляпался.

Одесса встретила бесконечными заторами на дорогах. Транспортные коллапсы для украинских городов стали привычным явлением, а в южной Пальмире даже в советские времена автолюбителей насчитывалось с лихвой. К тому же в равных долях – приверженцев советских легковушек и горделивых обладателей диковинных иномарок с правосторонним рулем. Портовый город – окно в забугорную жизнь!

Теперешнюю ситуацию можно не комментировать, лишь уточнить, что количество транспорта увеличилось в разы, а дороги остались прежние. Картина маслом, как говорят одесситы.

Лишь с третьей попытки удалось свернуть в искомую улочку. Выискивал улицу Красных зорь, а оказался в типичном поселковом проулке, примыкавшем к Фонтанской дороге. Кое-где за деревянными изгородями виднелись хатки старинной постройки, но в целом округа напоминала район Беверли-Хиллз в миниатюре. Шикарные особняки с фасадами разнообразных архитектурных направлений демонстрировали предпочтения владельцев. Порой безвкусные до абсурда.

Отыскав тенистое место, припарковал свой «черато» в тупике возле каменного забора. Не выключая кондиционер, набрал секретный номер. Знакомый женский голос попросил обождать, а спустя минуту в переулок вкатилась белоснежная спортивная «ауди». Вздрыбила пылевую завесу и эф-

фектно тормознула перед капотом моей машины. Из салона выкарабкался худосочный чернявый паренек, подошел и бесцеремонно распахнул пассажирскую дверь.

– Вы Кучер? Это я вам звонил, – молвил юношеским басом, усаживаясь рядом. – Здравсьте! Панфилов моя фамилия. Тоже Сергей.

Заглянув в удостоверение следователя прокуратуры Приморского района, я запечатлел внешность нового знакомца. Прямая челка до бровей, выступающие скулы и боксерский подбородок не умаляли открытости лица то ли греческого, то ли португальского типа.

Неброский, но элегантный гардероб подобран в узнаваемом чиновническом стиле – белоснежная рубаша с короткими рукавами и накладными карманами, летние брюки оливкового цвета с люрексом, плетеные кожаные туфли. Тоненькая змейка цепочки смотрелась на фоне шоколадного загара, будто из белого золота. Типаж одесского бюрократа подчеркивал золоченый колпачок перьевой ручки, выглядывавший из нагрудного кармана по соседству с дорогим смартфоном, и напоминавшие компас часы на кожаном ремешке.

Нелишним будет поведать о так называемом чиновническом стиле. Угадывается он легко, если наряду с одеянием, более подходящим для отдыха, присутствуют акценты,

указывающие на принадлежность человека к служебной деятельности. К примеру, молодые сыщики советских времен наряду с гражданской одеждой носили кожаные ремни от форменных милицейских брюк. Такой себе утонченный намек на весомые обстоятельства.

Позиции чиновничьего стиля укрепились в годы застоя, ознаменовавшегося тотальным дефицитом. Некоторые одесские опера боролись с данным явлением весьма специфическими методами. Прибегали к оперативным ухищрениям, дабы экспроприировать у местных фарцовщиков дефицитную одежду, контрабандные табачные изделия и другие атрибуты промысла спекулянтов.

Кроме сигарет, джинсов и виниловых грампластинок с записями зарубежной эстрады у подпольных предпринимателей можно было изъять «во временное пользование» перьевые ручки знаменитой фирмы «Паркер». Среди одесских бюрократов тех лет они пользовались огромной популярностью. Именно «Паркер» стал обязательным атрибутом чиновничьего стиля и должен был соседствовать в нагрудном кармане с пачкою американских сигарет «Мальборо» или «Кэмел».

Некоторые индивиды втискивали туда же служебное удостоверение, нарочито демонстрируя гражданам принадлежность к правоохранительным органам. Местные карманники, ведая о нехитром маневре, трактовали подобную визитку, как предостережение. Лично я не припоминаю случаев,

чтобы в советские времена у милиционера умыкнули служебную ксиву. Зато в наши дни работники правоохранительных органов заталкивают свои документы подальше и поглубже. Даже пристегивают к одежде карабинами на длинных цепочках.

Панфилов сунул удостоверение в задний карман брюк и отрапортовал:

– Обязан уведомить – навел справки о полковнике Кучере. До пенсии вы служили в столичном розыске. Теперь руководите частной юрфирмой. Источники донесли, что вам можно доверять.

– Интересно кто такие? Поведаете?

– Сами догадаетесь. Мои информаторы не только в Киеве, но и в Одессе. Достаточно сказать, кто инициировал ваш приезд.

– Кто же?

– Мой подследственный – Леонид Викторович Недоходов.

– Доход?! – вырвалось от неожиданности. – Это Ленка про меня наплел?! Стоп! Почему подследственный?

Панфилов молчал, а меня атаковали воспоминания.

Коренной одессит и сынок именитого чиновника прослыл на курсе поборником разгульной беззаботности. Проще говоря – неунывающим пофигистом и массовиком-затейником с неммым вопросом на хитроватой физии: «Что бы такое вытворить?».

Чудили мы нередко вместе, но исключительно в свободное от учебы время. Кутили в шумных компаниях, пытаюсь побороть зеленого змия посредством уничтожения. Учиняли разборки с курсантами торговой мореходки – конкурентами на танцульках в парке Шевченко. Короче говоря, исполняли фортели, за которые опять же на пару отдувались перед начальником курса.

Теперь же разухабистая дорожка памяти привела меня в закоулок, который сторонился долгие годы. Причиной тому – хранившийся за семью печатями ярлык изменщика мужской дружбы. Похоже, само Проведение подтолкнуло в тупичок, чтобы развязать заскорузлый от времени узел.

Случилась эта мерзопакостная история накануне выпуска из школы. Будущие офицеры милиции стажировались в районных отделах угрозыска. На пару с Ленькой мы оттачивали оперативное мастерство в Жовтневом районе – самый центр Одессы. За неполную декаду Доход умудрился пару раз залететь по пьяному делу. Как ни удивительно – без моего участия.

Его отозвали со стажировки и неожиданно для всех отчислили из школы и уволили из органов. Случай экстраор-

динарный! Изгоняли, как правило, за многократные нарушения дисциплины или неуспеваемость во время перевода на следующий курс. Но так, чтобы рассчитать вчистую, когда на носу выпускные экзамены – подобного не случалось. Особенно если учесть, что Недоходов-старший все еще занимал высокий пост в городском исполкоме.

Курсанты прибывали в недоумении и потрясении от жесткого решения руководства. Поползли слухи, будто всему виной личные неприязненные отношения замполита школы с Ленкиным отцом. В прошлом они служили в угрозыске, поддерживали дружеские отношения, но неожиданно-негаданно меж напарниками пробежала черная кошка.

Как бы там ни было, но замполит умело и цинично обставил инцидент и преподнес таким образом, что сами курсанты осудили поведение однокурсника. Якобы никто не желает поручиться за Дохода и тем более пойти с ним когда-нибудь в разведку. В итоге формулировка прозвучала типично: «Дебоширам и пьяницам не место в рядах советской милиции!».

С вердиктом подобного содержания нужно было увольнять чуть ли не половину курса. Конечно, были среди нас паиньки и трезвенники, но большинство не брезговало опрокинуть стаканчик и «поводить козу». Мало кто не попадался за различные огрехи, а впоследствии не изображал святошу на заседаниях суда курсантской чести.

Наиболее гадостным оказался тот факт, что замполит назначил на роль общественного обвинителя Недоходова его

закадычного кореша – то есть меня. Все случилось быстро и по-коммунистически неотвратимо. Бывалый политработник пару часов катался по мне танком, пытаюсь расколоть и склонить к написанию повинки. Урезонивал не похабить себе судьбу и не хоронить заживо перспективу карьерного роста. В конце концов, я был сломлен, но не до конца. В объяснении начеркал, что виновным себя признаю, потому что с курсантом Недоходовым всегда заодно. То есть мы с ним – не разлей вода и два сапога пара. Поэтому поведение, позорящее честь советского правоохранителя – присуще обоим.

Фатальный вывод послужил главным обвинительным аргументом в деле. Получилось, что приговор вынес курсант Кучер, о чем замполит не позабыл уведомить Недоходова.

С тех пор мы не общались и не виделись, а перед выходом в отставку я узнал, что Ленька винит меня во всех своих бедах. Отчасти я с этим согласен. Ведь мог же тогда разрулить ситуацию, переговорив с корешем по душам? Мог! Почему отморозился? Интересный вопрос...

Вот и остался на душе у Дохода швартовый узел, сковавший намертво айсберг обиды со скалой обвинений, а Кучер отыскал в лабиринте памяти нишу, куда можно подолгу не заглядывать, убаюкивая оправданиями совесть.

Я знал, что Недоходову удалось восстановиться в МВД, получить офицерское звание и дослужиться до пенсии на должности старшего опера одесского следственного изолятора. Так же как в молодости, он не хило закладывал за во-

ротник, отчего избегал сотоварищей.

Возвратился в текущий момент времени, получив тумак виртуальным обухом по голове.

– Недоходов в пьяном угаре убил бывшую жену, – известил Панфилов.

– Да ладно! Ленька не способен...

– Будто вы недавно виделись, – парировал следователь. – По делу стопудовая доказательная база. Хоть сегодня могу предъявить обвинение, но что-то удерживает. Толком не мог понять, пока вы не подсказали.

– О том, что кишка у него тонка?

– Так и есть. Леонид Викторович аж никак не тянет на роль душегуба. Вы же знаете, что бытовуха зачастую случается на фоне аффекта. Потом всегда раскаяние, охи-вздохи. В нашем случае – полный отказ! Да и мозги он не пропил вчистую. Здраво рассуждает, плачет, божится. Короче, не складываются пазлы. Адвокат никакущий, потому что бесплатный. Что есть, что его нету. Похоже, я перебрал на себя защиту Недоходова. Потолковал с ним по душам без протокола и удостоился откровений. Обрыдался мой подследственный и заявил, что напрочь потерял надежду. Зато обрел веру в Бога, молиться начал...

– Молиться?! Доход ярый атеист! Хотя... в такой ситуа-

ции не мудрено.

– Именно, – продолжил тезка. – Домолился до того, что архангел явился во сне. Прилетел и говорит – тебя с кичи вытащат Бокал со Слоном.

Я заглянул собеседнику в глаза, припомнив, что одесситы обожают розыгрыши со скрытыми камерами. Не дождав-шись признательной усмешки, осмотрелся. Панфилов понял, что со мной творится, потому терпеливо ждал. Через минуту до меня дошло, что неприемлемо шутить настолько цинично. К тому же Ленька вряд ли мог подстроить подобное, если принять во внимание наши взаимоотношения.

После минутной паузы изрек:

– Слона вы нашли, а где Бокал?

– Вчера говорил с ним по телефону. Вадим Федорович повелел, чтобы начинал Слон. Ежели надо – он подтянется.

– Повелел, значит? Ясненько, – закивал, располагая сведениями, что бывший сокурсник Вадим Федорович Бокальчук давно уволился из органов и основал свой бизнес. Позже выбился в депутаты областного масштаба и в отцы-покровители города Николаева.

– Рад, что вам ясненько, – проворчал следователь. – Зато у меня полный цейтнот.

– Это я к слову. Сам в замешательстве! Не представляю, какую роль вы уготовили для меня. В качестве кого буду участвовать в деле?

– Если честно, то без понятия. Наверное, неохота самому

лямку тянуть. Хотите, могу организовать ксиву частного сыщика? Связи имеются...

– Я серьезно. Не пойму, зачем вам рисковать карьерой? Следак-адвокат – что-то новенькое!

– Просто хочу помочь. Почему? Сам не знаю, но точно не из жалости. Не переносу, когда совесть точит! Удивлены? Тогда считайте мои эгоистичные откровения поджилочным трепетом. Типа, страшусь замарать честь мундира, потому желаю докопаться до сути чужими руками. Простите, я, наверное, чушь несу.

– Есть маленько. Никакого эгоизма в аргументации не усматриваю. Лучше так, чем скрупулезно собрать бумажки, усердно подшить дело и тупо отправить в суд.

Я замолчал, подытоживая сцену знакомства:

«Не часто приходится иметь дело с такими следаками. Хоть опыта маловато, зато предпосылок для наработки профессионализма предостаточно. Не каждый отважится при первой встрече упомянуть о совести и интуитивном несогласии. Зато вы, полковник, выказали себя заскорузлым совком, задав вопрос об участии в деле. В итоге неоперившийся законник всухую выиграл первый раунд у бывалого сыщика».

Панфилов покашлял, напоминая о себе, и спросил:

– Сколько дней можете пробыть в Одессе?

– Сколько понадобится.

– В таком случае – велкам, как говорят в Украине! Видите, напротив калитку с желтым почтовым ящиком? Вам туда.

В хозяйском доме я снял комнату. Не пентхаус, конечно, но и не бомжатник. Есть где поставить машину. О плате не беспокойтесь – вы же в командировке. Хозяйку зовут Марией. Связь со мной по тому же номеру. Сейчас уеду, а вы обождите пару минут. Убедитесь, что нет хвоста, потом заселяйтесь.

– К чему такая конспирация?

– С недавних пор страдаю манией преследования.

– Есть предпосылки?

– Похоже, пасут и слушают. Либо сверху порешили меня потопить, либо кому-то не терпится упрятать Недоходова за решетку. Городская прокуратура проходу не дает. Куратор намекнул, что собирается отстранить из-за личной заинтересованности. Наказал, чтобы дело было в суде завтра к вечеру, иначе гаплык. Хрен ему! После такого наезда я окончательно утвердился в желании помочь подследственному. Есть одна идейка...

Комнатушка, арендованная в добротном одноэтажном доме, оказалась уютной, хотя и тесноватой – немногим больше типовой ванной комнаты.

Наспех разобрав вещи, разлежся на выдавшем виды раздвижном диванчике, не побрезговав потугами допотопного, но безотказного вентилятора. Умопившись, пролистал в памяти события нынешнего дня:

«Много непонятного, зато нескучно, – безрадостно заключил. – С конспирацией разъяснилось, а вопросов прибавилось. Следака добре поприжали, но Панфилов боец! От него и я заразился неумным желанием вызволить Дохода, хотя по любому не оставил бы его в беде. Жаль, конечно, что не вышло у нас с Ленькой мужской дружбы. За мишурой куража и безответственной бравады не смогли рассмотреть того, что связывает людей крепко-накрепко. Что ж – по мере сил выправим. Сейчас главное разобраться с прессингом. Кому не терпится отправить Недоходова на нары? Неужто перешел дорогу какому-то перцу? А может, просто сливают Панфилова?».

Со двора слышался оживленный гомон под аккомпанемент развеселой музычки. Квартиранты коротали отпускное время, расписывая «пулю» в заплетенной виноградом беседке. Естественно, подпитывали игровой азарт горячительными напитками.

Рядом с хозяйским домом была обустроена пристройка для приезжих, состоявшая из трех комнат и общей кухни. Чуть дальше у забора – душевая кабинка и дощатый туалет-скворечник, а в огороде одиноко маячил ржавый мангал.

Моя комнатуха предназначалась для особых постояльцев с правом пользования хозяйской туалетной комнатой и местом для парковки автомобиля.

Домовладение отгораживалось от внешнего мира высоким деревянным забором и представляло собой приватный

мини пансионат постсоветского типа.

Хозяйка заведения – молдаванка средних лет по имени Мария, держала квартирантов в узде, прозывая гавриками. Частенько из беседки или с огорода доносился ее звучный голосок с едва уловимым бессарабским акцентом. Недавно она распекала какого-то Мишу за не выброшенный вовремя мусор и стаи мух, заполонивших из-за этого двор.

К постояльцу, протезированному Панфиловым домовладелица отнеслась подчеркнута вежливо. Ощущался конспиративный подход молодого следователя и взаимное расположение. Во время заселения Мария шепнула мне на ухо:

– Навешала гаврикам лапши, что вы мой родственник. Поэтому живете в доме. Чтоб вы знали – Сергей Давидович большой друг нашей семьи.

Имидж прокурорского работника возрастал, а его упреждительность истолковывалась, как обустройство надежного тыла. Данное обстоятельство вселяло уверенность и содействовало относительному покою жизнедеятельности. Но отнюдь не расслабляло до потери бдительности.

Ближе к полуночи посетил душевую кабинку, после чего хозяйка угостила вип-постояльца зеленым чаем с ванильными сушками.

Поболтав с ней за жизнь и подкрепившись, завалился на боковую.

Проснулся от малопонятных воплей, доносившихся с улицы.

На часах половина седьмого, а хриловатый мужской баритон, усиленный громкоговорящим устройством, увещевал обитателей проулка:

– Молоко!! Спешите порадовать организм! Покупайте свежее молоко!

«Таки да! Несомненно, я в Одессе! – пришел к выводу, сползая с дивана. – Вряд ли где-то еще услышишь такой креативный промоушн молочника».

Несмотря на раннее утро, в коморке было душно. Данное обстоятельство подстегивало выбираться на свежий воздух.

Склонившись над умывальником в саду, поплакался сам себе оттого, что вскорости не удастся занырнуть в ласковые воды Черного моря. Вместо похода на пляж предстоял визит в следственный изолятор, привычно обставленный Панфиловым конспиративной прелюдией.

В полупустом трамвае доехал до Куликова поля и перебрался к вокзалу, где было предписано отсвечивать возле входа в зал продажи билетов. Ровно в половине десятого набрал все тот же телефонный номер и услышал привычное: «Ожидайте». Подыскал место в тени, но не успел дойти до палисадника.

– Вы от Панфилова? – услышал за спиной прокуренный басок.

Оглянувшись, кивнул невысокому коренастому мужичку лет сорока. Крепыш назвался Анатолием и предложил пройтись до автостоянки. Там мы затолкались в душный салон ухоженной «семерки» с номерами последней советской серии и покатали неизвестно куда по раскаленным улицам. Предчувствие скорой встречи с Доходом заставляло сердце учащенно биться.

Анатолий искоса поглядывал на изрядно потеющего пассажира и, вырулив на Черноморскую дорогу, обнадежил:

– Потерпите. Скоро приедем, – после чего отрекомендовался и провел краткий инструктаж. – Я старший опер городского следственного изолятора. Занял место Недоходова после его ухода на пенсию. Это для справки. По легенде вы мой коллега – опер из областного СИЗО. Если дежурный спросит. Леонида Викторовича доставят в оперчасть на одиннадцать. Времени у вас меньше часа и разговаривать придется в моем присутствии. Серега Панфилов мой друг, а Недоходов – типа наставника. В общем, можете не опасаться.

Потолкавшись в заторах, ко времени добрались до изолятора. Беспрепятственно прошли в кабинет Анатолия, после чего он распорядился доставить арестованного. Не прошло и пяти минут, как двое конвойных ввели Недоходова.

Его я сразу признал, хоть годы и образ жизни, как говорится, взяли свое. Посреди кабинета стоял дебелистый дядька с одутловатым лицом и седой намокшей шевелюрой. Дерганно утюжил ладонями полы расстегнутой рубахи и размазы-

вал стоптанным шлепанцем капли воды, падавшие с волос на паркет.

– В хате, шо в пекле. Градусов пятьдесят не меньше, – прохрипел, казалось, простуженным голосом. – Обливаемся, чтоб не сдохнуть...

Запнувшись, подернул плечами, медленно развернулся и вперился в меня, не моргая. На смуглом обветренном лице проступили бледные пятна, а поросший щетиной подбородок мерно задрожал. Доход порывисто вздохнул, отвернулся и разрыдался, словно дитя.

Горький ком застрял у меня в горле. Подойдя, опустил руку на плечо и пробормотал, подыскивая слова:

– Хорош... надо держаться. Как-то разрулим. Главное ... не терять надежду.

– Я надеялся, что ты отзовешься. Загадал, если Слон придет, значит не стукач. Чтоб ты знал, я никогда в это не верил! Только по пьянке жаба душила.

– Давай сейчас не будем. На воле перетрем. Садись, рассказывай по порядку. Так, будто я вообще не при делах.

Указал ему на стул у стены, а сам уместился за рабочим столом Анатолия. Хозяин кабинета уселся на табурет, подперев спиной входную дверь.

Доход шумно выдохнул и затараторил:

– Не убивал я Людмилку! Не поднялась бы рука! Поверь, Серый! Ты ж меня знаешь, – помолчав, отмахнулся и процедил сквозь зубы. – Вернее знал когда-то. Короче – тулить не

о чем! Не помню я ничего! Два дня до этого бухой был в драбадан, но в тот день почти не пил. По утрам забрел на базар к армянам-шаурмистам. Грамм 150 на грудь принял и потух, будто повело на старых дрожжах. В подсобке у них вырубилсь. Младший армянин приволок домой и уложил спать.

Я поднял руку и спросил:

– Откуда столько знаешь? Ты ж потухший был.

– Следак рассказал.

– Получается, Люды дома не было?

– Она с работы поздно приходит. Мы давно в разводе, только живем вместе. Двухкомнатная хрущевка – никак не разъехаться. Стараюсь реже бывать дома, особенно по пьяни. Ночные смены выпрашиваю. Служу охранником на турбазе в Лесках. Извиняюсь, дозволейте закурить?

Анатолий кивнул, а я указал на пачку «Кэмел», лежавшую на столе. Выудив сигарету, Леня тяжело поднялся и отошел к окну. Прикурил, жадно затянулся и, закашлявшись, раздавил окурочек в пепельнице.

– Минздрав предупреждает! – прохрипел, возвращаясь на место. – На воле завяжу. Так вот – накануне того дня я заступил на дежурство. В обед нехило бухнул, а на вечер подвернулась халтурка на сотку гривен. На ночь снова бухнул. Утром сменился, а сменщик предложил опохмелиться. Выпили его поллитру и ближе к обеду я поехал домой. По дороге забрел на базар прикупить хавчик в холодильник. Люда была бы рада. Заодно решил с армянами отобедать. Вы-

ставил свою поллитру, принял полстакана и начал тухнуть. Даже тост не дослушал. Проснулся под утро дома поперек кровати. Вышел на кухню, а там ...

Запнувшись, он снова разрыдался. Опер налил полстакана воды из электрочайника и протянул бывшему сослуживцу. Тот залпом его осушил и в сердцах выкрикнул:

– Никогда не забуду ее лица! – перевел дух и заговорил вполголоса. – Люда лежала на боку и, казалось, смотрела в окно ... удивленно так. Подумал, что приступ – диабет у нее ... но потом понял. Я ведь знаю, как выглядит неживой человек. Шея посинела, под челюстью кровоподтек. Кругом битая посуда, объедки. Не помню, сколько времени находился в ступоре. От ужаса чуть не обмочился. Потом побежал, куда глаза глядят ... Ну, как же так, Серый?! Что я за урод такой?! Нет, чтоб ментов вызвать, чтоб по горячим следам...

– Аффект спровоцировал панику. Чего уж теперь. Дальше рассказывай.

– Бродил, как зомби по Черноморке, по Дерибасовке. Купил водяры, тормознул бомбилу и подался в Лески. Отослал сменщика и забухал в одиночку пока не вырубился. Наутро опера свинтили.

– Живо сработали.

– Соседи же видали, как армянин меня волок. Вечером Люда пришла с работы, а ночью полдома слышали крики. Картинка сложилась. Пальчики в хате только мои. В момент убийства находился дома, потом сбежал. Какие еще нужны

доказательства?!

– Слишком все гладко.

– Коню понятно! А толку?!

– Напрягай извилины, Леня! Что-то должно записаться в памяти. Ты же знаешь, что заявить в суде про амнезию – равносильно признанию.

– Не помню, хоть убей! Только знаю, что пальцем никого не тронул! Да! Мы развелись из-за моих попоек, но драк никогда не было. Я тихий, когда бухой. Из-за этого на службе терпели и продержали до пенсии. Хоть алкаш, но залетов не допускал. Спроси у Толи! Я его стажировал.

– Что, правда, то, правда, – подтвердил опер. – Леонид Викторович на службе ни-ни! По знанию дела равных ему нет. У контингента в авторитете значился. Не беспредельничал, не крысятничал.

– Понял, какой я правильный?! – Доход хмыкнул и отвернулся к зарешеченному окну. – Пацифист на всю голову, только жил не по-людски. Теперь есть время подумать. Детей не нажил, жену в могилу свел, друзей давно растерял. Зато обид и недовольства накопил – через край! Кучер – враг номер один! Сколько лет простить не могу. Недостоин я твоей помощи! Уезжай и забудь!

– Хорош скулить! Лучше подскажи, как с кичи тебя вытаскивать. Ты вроде с архангелами общаешься? Спросил бы.

– Спрашивал! Посоветовали друзьям в ножки поклониться. Тогда распахнуться врата тюрьмы.

– Вы бы по делу базарили, – присоветовал Анатолий, поглядывая на часы. – Время на исходе.

Доход спохватился и выпалил скороговоркой:

– Я говорил Панфилову, что в памяти записалось, а он головой вертит. На протокол осмотра ссылается. Мол, не написано такого. Но я же видал и руке держал! Конечно, не сразу вспомнил...

– Погоди, Леня! Ты, о чем?

– О спичках. В кухне на столе коробок лежал.

Пожав плечами, я покосился на опера. Тот поднял брови и прошептал:

– Похоже на постстрессовый синдром на фоне пьянства.

– В десятку, Толя! – гаркнул Недоходов. – Алкаш я последний! Память напрочь пробухал, только знаю, что в хате спичек не было. Плита электрическая!

– Вы толком объясните, Леонид Викторович, – стушевался Анатолий. – Сергей Иваныч не в курсе.

– Я и говорю, что спички необычные. Помнишь, Серый, при совке были коробки из древесного шпона? Цвет такой ядовитый, чернильный и наклейка олимпийская – медведь с дебильной улыбкой. Спички толстые с красными головками. В доме никогда таких не было и Люда не покупала. Я бы знал.

– Ну, и где эта реликвия?

– Без понятия! Когда убегал, на стол бросил.

В кабинете воцарилась тишина. Захотелось безотлагательно поговорить с Панфиловым, хотя слабо верилось, что спи-

чечный коробок, пусть даже раритетный – как-то повлияет на ход расследования.

Дальнейшая беседа проходила в режиме пресс-конференции. Я спрашивал, уточнял и записывал в блокнот важные для себя сведения. Узнал, где находится киоск с армянской шаурмой, кто такой младший армянин и кого из соседей лучше разговорить.

Вскоре свиданка закончилась и явился конвой. Подбодрив на прощание Леньку, вопрошающе глянул на Анатолия.

– Подбросить не смогу, – развел он руками. – Дела.

– Панфилов как-то распорядился на мой счет?

– Солнце, море, пляж. Позже позвонит. Сейчас, небось, помидоры Сереге крутят в горпрокуратуре. Я подмогнул ему продлиться.

– Ничего себе! Каким образом?

– Мафия бессмертна! Сам расскажет, мне некогда.

– Ну, хоть на волю меня выведи!

– Конвой проводит...

«Курортная программа, это здорово, – прикидывал в уме, дожидаясь троллейбуса. – Искупаюсь, погрею косточки, а заодно упорядочу информацию. Доход не поведал ничего такого, что нужно срочно проверять. Тем более – у Панфилова появилось время. Интересно, как удалось продлить срок следствия на фоне прессинга? Выведаю при встрече, а еще доложу, что убедился в невиновности его подследственно-

Глава вторая

НЮРА

Подумалось по дороге к морю:

«Ведь могли же окрестить кафешку на берегу Хаджибеевского лимана в честь знаменитого одесского пляжа? Вряд ли – уж больно распространенное для курортных городов название».

Благоустроенная зона отдыха «Чайка» знакома мне с раннего детства. В летнюю пору семейство сестры моей бабушки обитало в дачном домовладении вблизи 10-й станции Большого Фонтана. Подрастающего дитятку ежегодно вывозили поближе к морю на оздоровление и налаживание здорового питания.

Отдавая предпочтение мучному рациону, я недолюбливал фрукты, из-за чего родители и бабушка с дедом чрезвычайно расстраивались. Предкам довелось заключить со мной сделку – за новенькие ласты и маску для ныряния я обязался ежедневно съедать не меньше килограмма фруктового ассорти.

В то время улицы, ведущие к пляжу напоминали ряды продуктового рынка. Теперь ситуация кардинально изменилась. Дачников с корзинами разогнали, зато появились нагловатые охранники у шлагбаумов на въездах. Правда, не столько для наведения порядка в зоне отдыха, сколько для

пропуска престижных авто к элитному жилому комплексу, возведенного по соседству.

Прилегающие улочки сплошь застроены кафе, барами, хостелами, элитными отелями. На пляже оборудована современная игровая площадка для детей, как раз на том месте, где стояли столики и скамейки, вечно занятые любителями домино.

Вдоволь наплававшись, разлегся на горячем песке, упрятав голову в тень от зонта. Старался не думать о Доходе, наблюдая за работой местных кормильцев, снабжавших пляжников горячими пирожками в ассортименте, самсой, медовой пахлавой и иными вкусностями домашнего приготовления. Прикинул, что в отношении данного бизнеса не слышал антирекламы. Действительно не припомнилось случаев, чтобы кто-то отравился пляжной ватрушкой или вафельной трубочкой со сгущенкой. Успокоив себя подобным образом, схмячил два пирожка с абрикосами, приободлив пышногрудую тетеньку в тельняшке отказом от копеечной сдачи.

После перекуса подступила дремота, но знакомый голос живо возвратил в режим бодрствования:

– Как водичка, Сергей Иванович?

– Мокрая, Сергей Давыдович. Желаю экстренно услышать памфлет о чудесном продлении срока.

– Скорее скетч, – отмахнулся Панфилов, присев на ближний топчан. – Провернули в СИЗО оперативную комбина-

цию. Анатолий по старой памяти смульковал Недоходову гипертонический криз. Недельку теперь проваливается на больничке, а я вроде бы не при делах. Правда, в надзирающем органе угрожали оторвать гениталии, но скрепя зубами утвердили постановление.

– То ли еще будет. Мозг однозначно вынесут, хотя вам не привыкать. С этим понятно, а что это за история со спичечным коробком?

Следователь нервно хохотнул и растолковал:

– Поначалу показалась блажью на фоне белой горячки. Позже смекнул, что Недоходов не смог бы такого нафантазировать – стародавний коробок, этикетка с олимпийским медведем. Да и зачем ему? Если принять гипотезу, что убийца не он и приплюсовать спички, то напрашиваются две версии. Либо настоящий душегуб наследил по небрежности, либо специально оставил знак. Черную метку, так сказать. Последнюю гипотезу я гоню прочь, как назойливую муху, но она возвращается. Словно предвестник скорого продолжения.

– Мрачная перспектива. Может, засветить коробок в деле, чтобы не возникло вопросов потом?

– Куратор взбесится! Заподозрит, что отмазываю подследственного по невменяемости.

– Ну и пусть. Анатолия снова подключим. Опросит сокамерников и выведет рапорт, будто у Недоходова напрочь крышу снесло. Спровадите его в дурку на освидетельствова-

ние. Времени будет навалом.

– Поезд ушел, – выдохнул следователь. – Вы бы видели фэйс зампрокурора во время подписания продления. Если назначу экспертизу, дело наверняка отнимут, а самого выпрут в народное хозяйство. Это в лучшем случае.

– Не исключено, – согласился, припомнив казус, случившийся вскоре после выпуска из школы милиции. – Желаете услышать занимательную историю про судебно-психиатрическую экспертизу? Из личной практики, между прочим.

– А давайте! Разрядка не помешает.

Банальное воровство из комнаты заводской общаги стало одним из первых лично раскрытых преступлений.

Пьянчужка и дебошир умыкнул телевизор у соседа – такого же беспробудного выпивохи. В итоге был пойман при попытке сбыть краденное.

Я подготовил нужные бумаги и попытался передать дело в следственный отдел, но как нередко бывает, следователь выискал некоторые недоработки. Срок задержания подозреваемого на период доследственной проверки истекал, а санкцию на арест прокурор не утвердил бы из-за малозначительности ущерба.

Если отпустить злодея на подписку о невыезде – можно сразу объявлять его в розыск, а дело прятать в сейф до луч-

ших времен.

Следак покумекал и предложил выход:

– Он же алкаш. Состряпаешь рапорт, приложишь пару объяснений, а я назначу судебно-психиатрическую экспертизу. Пока подготовим дело для суда, он подлечится в больничке Павлова. Только есть одна трудность – наркологическое отделение переполнено. Хотя выход найдется всегда! Ты же зональный сыщик, то есть вхож в подсобки гастрономов, а завотделением павловки – женщина строгая, но падкая на дефицитные товары. Раздобудешь флакон мартини, коробку львовского ассорти и поллитру для дежурного, чтобы выделил конвой. Так и спровадишь пьянчугу в дурку. У тебя получится!

Пока он оформлял документы, я смотался в стол заказов, а после обеда состоялась намеченная оказия.

В состав конвоя входили два матерых прапорщика – Вова и Витя, а милицейским узиком правил пенсионер-водитель, которого коллеги звали Палычем. Все трое прослужили в милиции не один десяток лет и по возрасту были старше меня.

Внешне конвоиры напоминали персонажей советского мультика – двое из ларца, одинаковые с лица. Правда у Вовы имелась отличительная особенность – развеселый деревенский парень никогда не расставался с гармошкой. То была натуральная трехрядка, которую он бережно хранил в потертом кожаном чемоданчике под задним сидением в узике

Палыча.

До психоневрологической клиники имени академика Павлова добрались без приключений. С помощью дефицитных подношений удалось обаять заведующую отделением, и пока заполнялась история болезни нашего алкаша – конвой расположился на скамейке возле крыльца.

Жаркий летний день клонился к вечеру. Палыч припарковал уазик неподалеку в тени каштанов, отворив все дверцы для проветривания салона. Сам уместился за рулем и уткнулся в газету.

По аллеям больничного сквера прогуливались облаченные в серые пижамы пациенты. Не иначе как из праздного любопытства к нашей компании подтянулись с полдюжины выздоравливающих алконавтов. Диагноз определялся просто – по однотипным обрюзгшим физиям.

Завязался разговор, как говорится, ни о чем. Среди любопытствующих выделялся поджарый субъект с чертами лица побитого накануне Бельмондо. Я определил в нем жожака и насторожился, заметив нездоровый блеск в выпяленных зенках.

К нему подступил тщедушный старичок в динамовских шортах и зашептал на ухо. Глазенки «Бельмондо» засверкали пуще прежнего. Отстранив вестового, он сощурился и просипел:

– На фига в луноходе гармошка?

Услужливый Палыч не промедлил с ответом. Разомлев от

жары, потерял бдительность и чистосердечно признайся, что гармоника – вон того прапорщика с улыбкой до ушей. Да к тому же он непревзойденный виртуоз и знаток украинского фольклора.

– Пусть играет, – меланхолическим тоном распорядился предводитель выздоравливающих бражников.

Разговоры моментально стихли. Драматургическая пауза все больше напоминала немую сцену под аккомпанемент птичьих трелей и шарканье больничных шлепанцев. К лавочке подтягивались все новые пациенты.

Повторный наказ вожака прозвучал с ноткой претенциозности:

– Играй, дядя!

– Сей момент! Только башку водиле оторву, – обязался Вова и, сжав кулаки, направился к уазу.

Палыч смекнул, что сейчас его будут бить. Скоренько захлопнул дверцу, надвинул на глаза фуражку и демонстративно отвернулся.

В порядке отступления замечу, что специальная оснащённость правоохранителей тех лет оставляла желать лучшего. Не было ни резиновых дубинок, прозванных в народе «пржекторами перестройки», ни газовых баллончиков с романтическим названием «Черемуха». Создание спецподразделений типа ОМОН или «Беркут» планировалось в отдаленной перспективе.

Как назло, никого из персонала поблизости тоже не ока-

залось.

Что оставалось делать Воле? Играть. Может хоть звуки музыки привлекут внимание администрации к терпящим бедствие ментам.

Прапорщик с гармошкой наперевес и улыбкой, напоми-
навшей оскал голодного бультерьера, уселся на приостыв-
ший капот уазика и для разминки забацал польку.

Народ оживился. Кто-то пританцовывал, лихо присвисты-
вая.

– Че не поешь? – справился у гармониста предводитель.

Вола стрельнул глазами в Палыча, прокашлялся и выдал
на-гора подборку украинских народных песен. Публика под-
певала. К импровизированной сцене подтягивались все но-
вые ценители фольклора в больничных робах.

Боковым зрением я заметил двух крепких санитаров,
спешивших в нашу сторону по аллее. Обнадежился и возра-
довался, пока они не повалились на клумбу, корчась от хо-
хота.

Тем временем начались танцы. Среди пляшущих выде-
лялся раскрасневшийся Витя, неистово круживший бесфор-
менную бабенку с синюшным лицом.

Я окончательно пал духом, оценив размах коллективного
помешательства, пока не услышал за спиной старушечье бур-
чание:

– Ишь, учинили вакханалию! Может, набрать ноль два,
милок?

Обернувшись, уставился с немой мольбой на пожилую нянечку, вышедшую на крыльцо. К счастью она смекнула, что вызвать милицию нужно было полчаса назад...

На следующий день конвойный ансамбль пригласили на утреннее совещание в кабинет начальника столичного главка. Такого количества большущих звезд на погонах выдвывать еще не приходилось.

С холодком в животе я ожидал грандиозный раздолбон, и обстановка к тому располагала. Но седоусый генерал вмиг ее разрядил, имея неосторожность спросить у коллег:

– Как прикажете поступить с трубадурами?

– Отправить на гастроли ... по психбольницам, – порекомендовал кто-то из присутствующих.

Показалось, что от громового хохота закачались тяжелые портьеры на окнах. Утирая слезы, генерал замахал руками и, давась от смеха, скомандовал:

– Пошли вон отсюда!

□□□

– Зачетно выступили, – оценил милицейскую байку Панфилов и вернулся к разговору. – Кстати, коробок в квартире не нашли ни в тот день, ни позже. Недоходов соизволил о нем вспомнить аж на третий день. Я вообще хотел отморозиться, но потом все же нацелил зональных оперов. Попро-

сил, чтобы по-тихому перешерстили квартиру. Те отзвонились и доложили, что ничего похожего или интересного не нашли. Наверное, нужно было самому съездить. Кому-кому, а вам известен розыскной подход. Сыщики записали себе в актив раскрытое убийство и передали материалы в прокуратуру. Вдруг нарисовался Панфилов с какими-то спичками. Они же не идиоты, гробить себе показатели! – помолчав, он сменил тему. – Вы можете мне тыкать. Не люблю официоз в подобных ситуациях.

– Постараюсь, но не обещаю. Выканье не всегда означает установленную границу. Это всего лишь условности, хотя я за то, чтобы в официальных отношениях придерживаться протокола. Терпеть не могу панибратства, дурно пахнувшего большевистским этикетом. В конце концов, имею право удерживать кого-то на дистанции или оставлять место для сугубо деловых контактов. Особенно в отношениях с подчиненными. Лучше придерживаться избирательности, чем нарочито фамильярничать и демонстрировать окружающим, насколько ты близок с авторитетным человеком.

– Спасибо за науку! Воспользуюсь, – усмехнулся тезка и попросил. – Хоть не кличьте Давыдычем! Меня так менты подначивают. Вообще-то, в Одессе принято говорить – Давидович.

– Заметано, Сергей Давидович! Буду тыкать. Стало быть, ты тоже уверен, что Доход не выдумал историю со спичками?

– Почти. Хотя в протоколе первичного осмотра ничего по-

хожего не зафиксировано. Милицейский следователь, описывавший место происшествия, рассказал, что в кухне весь пол был усыпан всякой всячиной. Он переписал все до мелочей. Ни спичек, ни коробков в помине не было. Окурков, кстати, тоже. На плите пусто, чайник электрический. Но если мы оба верим Недоходову, то выходит, что коробок там был. Куда подевался? Кто его умыкнул? Вопрос! Что же мне теперь – вызывать и колоть всю опергруппу?!

– Это лишнее. Я бы лучше осмотрелся в квартире. Сомневаюсь, что опера нашли и выбросили улику. Скорее всего – не искали вовсе или заныкали там же, чтоб не сразу нашли. Побоялись, что коробок как-то повлияет на раскрытие. Думаю, Недоходов вцепится в эти спички, как в спасательный круг. Я тоже не исключаю, что с их помощью мы докажем его невиновность.

– Вполне возможно, – согласился Панфилов. – Жаль, не изобрели спичкоискатель! По любому надо излазить с лупой всю хату. Накажите своему помощнику...

– Кому?!

– Блин! Совсем замотался! Утром звонил Бокальчук. Уведомил, что командировал в помощь Кучеру прыткого сыщика. Вот контакт, – Давидович выудил из нагрудного кармана скомканную полоску бумаги, разровнял и продемонстрировал рядок цифр с припиской: «Нюра». – Забывайте в телефон. Бумажку не отдам. После продления конспирация троекратно усилена.

– Как угодно, – я зафиксировал номер и вопрошающе уставился на собеседника.

Следователь хмыкнул и выпалил с интонацией одесского биндюжника:

– Типа я знаю какую-то Нюру! Ваш олигарх заверил, шо это Пинкертон и Пуаро в одном обличии. Заползет в любую щель и нароет всего, что пожелаете. Так и сказал – утрет панам шнобели и покажет высший сыскной пилотаж!

«Столько лет прошло, а бокальчуковский конкретный стиль остался узнаваем, – подумалось мимоходом. – Вадим был требователен к себе и уверен, что данное качество позволяет так же спрашивать с окружающих. Как не странно – из-за этого к нему тянулись люди».

Усмехнулся и проворчал с поддельным недовольством:

– Бокал вечно со своими интригами! Теперь какая-то Нюра будет нас поучать. Я не против. Учиться всегда полезно и никогда не поздно.

Панфилов кивнул и неожиданно предложил, хитровато глянув поверх солнцезащитных очков:

– Пока Нюра не нагрязнула с ликбезом, может отужинаем по-людски? Приглашаю вечером в ресторан.

– Как же конспирация?

– Ее тоже прихватим, – отшутился Давидович, отряхивая песок со штангин. – Место и время сообщу в шифровке.

Наскоро искупался и совершил босоное восхождение

на прибрежный холм, пританцовывая на раскаленных бетонных ступнях. Миновав изгиб Ванного проулка, углубился в сквер и зашел в кафешку с привычным для Украины названием «У Вахтанга». Сытно перекусил и намерился позвонить распиаренному помощнику.

От Ванного переулка на улицу Красных зорь можно пройти по замусоренной и заросшей кустарником платановой аллее. В былые времена она служила парадным проходом от трамвайной линии к пляжу. Свидетелями тех лет оставались столетние платаны или чинары, называемые в Одессе бесстыдницами. Да еще останки парковых скамеек в виде бетонных столбцов.

Примостившись на одном из них, выудил из шорт смартфон и отыскал сохраненный номер. После первого гудка юношеский басок с хрипотцой живо расставил точки над «i»:

– Салют, Сергей Иванович! Желаю упредить расспросы. Нюра, как вы поняли – это погоняло. Фамилия моя Панюрин. Вас же кличут Слоном, хотя согласитесь, схожести маловато. Все что нужно знать по делу, мне ведомо от папы. Впредь так будем называть, сами знаете кого. Ровно через час встречаемся возле фонтана с быком. Будьте готовы поставить задачу.

– Хватка, однако, – пробухтел, взглянув на циферблат часов. – Как я тебя узнаю?

– Никак. Сам подойду. Конец связи.

Направляясь к дому, обескураженно подумал:

«С таким не заскучаем. Конкретный паренек и это весьма неплохо. Расслабиться или вольтануть точно не даст. Где только Бокал таких выискивает?».

В оговоренное время прибыл на стрелку. Благо от пансионата Марии до необычного фонтана можно доплестись за пять минут. Укрывшись в тени акаций, уселся на каменный парапет, служивший постаментом для диковинной скульптурной композиции.

Почему диковинной? Потому что нагромождение из металла и бетона, отгроханное по мотивам греческой мифологии еще в советские времена, весьма отдаленно напоминает фонтан. Разве что у подножья обустроен неглубокий бассейн авангардной формы, над которым застыла в могучем прыжке туша мускулистого быка со статуей хрупкой девушки на холке.

Следует упомянуть о некой пикантной изюминке, отодвигавшей на задний план гигантизм парнокопытного и изящность Европы.

Не ведаю, из какого металла отлит контрафорс, но с годами поверхность потемнела и покрылась зеленоватым налетом. Зато увесистое буйволовое достоинство, изображенное скульптором весьма реалистично – в любое время года было отполировано до золотого блеска.

С какой целью, спросите вы? Проведу некую параллель.

В коридоре учебного корпуса школы милиции на постаменте, обтянутом кумачом, высился бюст Дзержинского, отлитый из похожего металла. Курсанты и, скорее всего, преподаватели, проходя мимо, потирали наудачу нос железного Феликса. Из-за чего шнобель главного чекиста страны Советов блеснул, как кокарда новобранца, а суровая мина напоминала маску печального клоуна.

Думаю, несложно предположить, на какую удачу загадывали ценители монументального искусства, усердно натирая литое бычье достоинство.

Залюбовавшись пикантным фрагментом скульптуры, дернулся от телефонного звонка. Принял вызов с неизвестного номера и услышал безмятежный басок помощника:

– Нюра на связи. Звоню с одноразового и спешу поздравить – за вами хвост. Не вертите головой! Поезжайте на трамвае в сторону центра до шестой станции. Там есть базар. Ходите, покупайте чего-нибудь для видимости. Я дам знать.

Заприметив невдалеке трамвай, пробежался до остановки. Наказал себе не озираться, дабы не выказывать соглядатаям настороженность и осведомленность.

«Как давно пасут? – задался немим вопросом, запрыгнув в душный вагон. – Приняли объект в Одессе или еще на трас-

се? Понятно, почему Давидович прибегнул к жесткой конспирации. Так может, слезка по его инициативе? И не слезка вовсе, а прикрытие! Поспрошаю за ужином. Сейчас главное – не пороть горячку».

На рынке, смешался с толпой. Благо посетителей оказалось предостаточно, невзирая на послеобеденную жару. Одесситы различались от гостей пальмиры не только цветом загара, но и скоростью передвижения в сутолоке.

Застопорив ход меж прилавков с овощами, определил откуда веет запахом малосольных огурцов. Побрел на аромат, словно замороженный, предвкушая удовольствие, но не дошел. Кто-то ухватился сзади за пояс джинсов, легонько подернул и вкрадчиво зашептал:

– Это Ньюра. Не оборачивайтесь. Идите за белой шляпой.

Спустя полминуты я усиленно трудился локтями, проталкиваясь за маячившим впереди плетеным сомбреро. Неподалеку от арки входных ворот шляпа повернула за угол и нырнула в павильон игровых автоматов.

Подался следом и застыл на пороге душного помещения. Понадобилось время, чтобы обвыкнуться в полутьме. Осмотревшись, не разглядел никого в похожем головном уборе.

Парочка тинэйджеров восседали за письменным столом в дальнем углу под вывеской «Администратор». Один из них – вихрастый блондин, смахивавший на мультяшного Иванушку-дурачка, чуть заметно кивнул и показал край сомбреро, упрятанного под столом.

Я продефилировал через зал и, подойдя, осведомился:

– Нюра?

– Паша, – ответил он вполголоса. – Меняйте деньги и подсаживайтесь вон к тому автомату.

Не имея ни малейшего понятия об игровых компьютерах, выполнил распоряжение. Худощавый низкорослый помощник в распахнутой рубашке и джинсовых шортах уместился по соседству.

– Делайте, как я, – подсказал, надавливая на светящиеся клавиши. – Типа играете, а сами слушайте. Не ожидал такого крутяка! Вас пасут на двух иномарках и, похоже, они не знают друг о друге. Пускай работают, а мои люди понаблюдает. Главное, чтобы не меня вычислили.

Тиская кнопки и лихо управляясь с рычагом, я старался уловить каждое слово, не обращая внимания на перезвон и развеселые аккорды, вылетающие из утробы агрегата.

Тем временем Нюра-Паша продолжал, неотрывно глядя на монитор:

– Скоро станем соседями. Завтра освобождается комната в пристройке. С Марией уже договорился. Прикинетесь, будто меня не знаете. Не месте познакомимся. Я буду с женой.

– Взаправдашной или по легенде?

– Дашей зовут, – уклонился от ответа помощник. – Теперь о главном. Вот журналчик, – он протянул примятую брошюру с заголовком: «Дорожные кроссворды». – Внутри командировочные от папы. Там же записан телефонный но-

мер. Купите новую мобилу, наберете этот номер и сбросите вызов. Я отвечу эсэмэской. Так будем поддерживать связь. Переговоры – в крайнем случае. У меня все. Говорите, что нужно сделать?

Тихо порадовался юношескому конструктивизму и нашептал поручение:

– На Люстдорфской дороге в районе Дерibasовки есть базар. Недалеко от входа – кафешка. Армяне жарят шаурму. Нужно всех разговорить. Только по-отдельности, чтобы сравнить показания. Менты опрашивали, но кое-что мне непонятно. Уточнишь, когда и в каком состоянии появился Недоходов накануне убийства. Что ел, что пил и сколько. Может бутылка сохранилась или другая посуда.

– Руками ничего не лапать.

– Само собой! Сразу сообщишь. Еще узнаешь, как быстро отрубился Недоходов, как это проявлялось и когда его отволокли домой. После армян отработаешь хрущевку на Левитана.

– Адрес я знаю. Поголовно всех опрашивать?

– Соседей, дворника, бабушек на лавочках, мамочек с колясками. Важна любая информация. Не только о том, что видели и слышали тогда, но как вообще характеризуется Недоходов и его бывшая супруга. Какие гуляют сплетни, пересуды. Наконец, основное ...

– По-тихому прошерстить квартиру.

– Тотально! Прежде всего меня интересуют спичечные ко-

робки.

– Опять же, только фиксировать.

– Можешь присылать фотки. У меня все.

– До связи, – Нюра нахлобучил сомбреро и подался прочь.

Пару минут я баловался клавишами, потом сунул в подмышку брошюру с жалованием и покинул прибежище конспираторов. Затерялся в толчее и, не оглядываясь, побрел к трамвайной остановке.

Расположившись на задней площадке, старался не думать о слежке и тем более не высматривать подозрительных знамений. Будучи впечатленным встречей с помощником, недоумевал:

«Паша годится в сыновья, но мы говорили на равных. Будто инструктировал опытного розыска. Занимательная штука жизнь! Подает информацию для размышления там, где не ждешь. Теперь поди разберись в общепринятой теории отношений отцов и детей. Там ведь четко прописано, что яйца курицу не учат. Наверное, именно это имел в виду Бокальчук, выхваляя способности своего протеже».

В довершение припомнился случай из жизни.

□□□

У моего сына есть дружок Вовка – бывший одноклассник. После окончания девятого класса он поступил в речное училище. Семья малообеспеченная, многодетная. Как не поду-

мать о профессии? В добавок – житейские трудности: Вовкин отец не упускал случая заглянуть в чарку.

Однажды я заметил, что на привычном месте в прихожей отсутствует рюкзак сына. Димка бегал с ним на тренировки в школьную секцию баскетбола.

Строгий папаша решил разобраться и услышал ответ:

– Вовке отдал. Он в училище с кульком ходит. Вы же мне новый рюкзак купили. С ним хожу в школу, а для тренировок сумку приспособил.

Ох и подорвало меня тогда!

С физией праведного исповедника и в надлежащей позе, я поведал неразумному чаду, как нынче тяжело зарабатывать деньги. При этом не забыл подначить, что, если бы Вовкин папа не бухал – семья жила бы в достатке.

Димка смиренно выслушал и удалился, не проронив ни слова. На следующий день также безмолвно вручил мне злощастный рюкзак и глянул с таким разочарованием, что я готов был провалиться сквозь землю.

Еле дождался вечера, чтобы разрулить ситуацию, а наутро предмет разногласий был возвращен Вовке – в придачу с небьющимся термосом.

Добравшись до каморки, первым делом запустил вентилятор и разобрался с командировочными. Заодно унял при-

ступ высокомерия:

«Деньги не бывают лишними. Вот и нечего изображать неподкупного правдолюбца, брезгующего подачками николаевского мафиозо. И вовсе это не подачка, а суточные на пропитание! К тому же новую мобилку придется покупать».

Неожиданный стук в дверь застал счетовода врасплох. Засуетившись, сунул купюры под подушку и провернул ключ в замке.

– Это я, – прошептала из-за двери Мария. – С весточкой от Сергея Давидовича. В 21.00 он будет ждать вас возле арки у входа в Аркадию.

Спровадив хозяйку, набросил пляжный прикид и прошелся по двору. Глянул за угол, окинув взором свою машину. Запыленная и разогретая на солнце до температуры сауны она понуро стояла рядом со стареньким «фольксвагеном» с белорусскими номерами.

«Сегодня я точно не шофер, – мысленно заключил и ретировался к умывальнику. – Какой смысл ехать в Аркадию за рулем, коль пригласили отужинать по-людски?».

Умылся и, вернувшись восвояси, провалялся до вечера. В половине восьмого нарядился и неспешно прошелся до Фонтанской дороги, где практически сразу тормознул частника.

Смуглолицый весельчак с округлым мамоном, укрощавший подержанный, но борзый «москвич», готов был домчать меня хоть до Киева. Разумеется, не за бесплатно. Мы сговорились, что по дороге в Аркадию он завернет к ближайшему

торговому центру, в котором можно приобрести мобильник.

Неподалеку от 5-й станции бомбила свернул в проулок, попетлял по незнакомым улочкам и вырулил на стоянку крупного супермаркета.

Оставив задаток, я поднялся на второй этаж, где наткнулся на секцию бытовой электроники. Конечно же, не позабыл о слежке.

Посетителей оказалось немного, а просторное помещение с рядами прилавков позволяло поупражняться в обнаружении негласного эскорта. Озираясь, прошелся меж рядов с телевизорами, компьютерами, ноутбуками и кухонно-электронной утварью. Задержался у витрины с мобильными гаджетами, выбрал телефон без наворотов, стараясь не выпускать из вида вход в торговый зал. Убедившись, что следом никто не вошел – выдвинул версию:

«Небось, караулят на стоянке. Зачем им лишний раз светиться? Хотя могли бы поинтересоваться, что прикупил объект».

Подобрал пакет подключения, расплатился и, расставив приобретения по карманам, поспешил к выходу. Вернувшись в машину, обронил будто бы ненароком:

– Никто не беспокоил?

– Пристал тут один, – чертыхнулся водила. – Просился до центра. Я объяснил, что везу клиента в Аркадию, так он отвалил.

«Похоже топтуны, – умозаключил, стараясь не вертеть го-

ловой. – Красиво разузнали пункт назначения. Перестраховались на случай, если потеряют из виду. Точно не дилетанты. Данное обстоятельство начинает напрягать. Совсем некомфортно жить под надзором. Но больше раздражает непонимание – по какой такой причине расследование бытового преступления находится под серьезным прессингом? Да еще с оперативным сопровождением. Душегуб арестован, улики налицо – вроде бы все понятно. Так нет! В данной ситуации не помешал бы «макаров» за поясом. Обойдусь! Наверное, отвык от сыскного экстрима. Хорошо хоть интуиция не дремлет. Происходящее видится первоначальными пузырьками на поверхности закипающей гущи, а какая именно каша заваривается – покуда неясно. Возможно, мы чего-то не знаем про Дохода. Мог же он вляпаться в какую-нибудь аферу по-крупному? Залез в долги или киданул авторитетного человека? Не похоже. Тогда Ленька – банальный козел отпущения! Кто-то из вышестоящих грезит идеей свалить Панфилова и, наконец, представился удобный случай. В такую версию очень даже вписываются топтуны. Но причем здесь полковник Кучер?!».

В состоянии умственного ступора достиг оговоренного места в Аркадии, одарил чаевыми бомбилу и поискал глазами следователя.

Соблюдая конспирацию, Давидович издали кивнул, поманив за собой вглубь центральной аллеи.

Жара медленно отступала. В парковые заросли заползали

вечерние полумраки, а освещенные стежки-дорожки заполонила людская сутолока. Неторопливо и вальяжно плелись к остановкам общественного транспорта утомленные солнцем пляжники, а навстречу живо маршировали приверженцы ночных развлечений в прибрежных ресторанчиках и танцевальных клубах.

Столик в уютном закутке на террасе популярного питейного заведения «Ибица» был со вкусом и по-праздничному сервирован.

Развалившись напротив Панфилова на мягком диване, ознакомился с меню, ощутив неслабый голодный приступ. Отчего потерял самоконтроль и попросил молоденького официанта тащить всего побольше за исключением крепких спиртных напитков. Ограничился фужером полусладкого вина и вопрошающе уставился на Панфилова, который помимо не меньшего количества вкусоностей заказал 700-граммовый бутыль армянского коньяка.

– Я столько не выпью, – поспешил объясниться следак. – Помните, наш разговор об источниках информации? Один из них скоро появится. Сюрприз для вас!

Позабыв о манерах, я отмахнулся и налег на салат с крабами. На пике удовольствия услышал за спиной приглушенный тенор с насмешливыми нотками:

– Вельмишановное панство, однако трескает без меня! Пореже мечите, Сергей Иванович!!

Обернувшись, смерил оценочным взглядом невысокого упитанного дядьку в шикарном костюме, белоснежной рубашке с бабочкой вместо галстука. Хитроватая усмешка с прищуром пытливых глаз отодвигала на задний план тыквообразность крупного черепа с блестящей плешью на маковке и сивой щетиной на висках. Через секунду вычислительный центр выдал на-гора нужный импульс:

– Юрок!! Репа!! – гаркнул, подскочив с дивана. – Все так же под Жванецкого косишь?!

Юрий Всеволодович Молодязев удостоился курсантского позывного Репа из-за конфигурации и габаритов своей далеко не глупой головушки. Среди прочих одесситов выделялся типичной внешностью пересыпского фармазонщика и повадками фонтанского биндюжника. В молодые годы здорово походил на Жванецкого, а теперь и вовсе заделался двойником уважаемого писателя-сатирика.

Вышел в отставку полковником с должности заместителя начальника экспертно-криминалистического управления одесской милиции. Один из немногих сумел защититься и на вольных хлебах заделался университетским преподавом.

Репа выскользнул из объятий, отступил на шаг и залопотал в присущей Жванецкому манере:

– Одесса жила себе мирно, так нет! Притащился столичный гость, шоб он был здоров! Кстати, я задолго учуял на-

двигающуюся лажу. Как только в аптеке Вольдмана на Соборке скупили настойку боярышника, сразу поделился предчувствием с благоверной. Зоя нервно хихикнула и молвила, шо ежели то в натуре Слон, которого она помнит, будто весь этот гембель случился только вчера – пальмиру накроет дефицитом на горилку.

– Слон уже не тот, – парировал, возвратившись на место. – Встречу с зеленым змием закончил лет десять назад со счетом два-ноль в его пользу. Я сдался, но он не победил.

– Вечно ты со своими философскими заморочками, – Юрок отмахнулся, подсел к столу и устался на Панфилова. – Чего сидим?! Рискуешь остаться пожизненным аспирантом! Наливай, давай!

– Я мигом!

– То-то, мой юный друг! А ты, мой старинный друг, надумь, как втолковать Зое, шо Слон в завязке? Как объяснить, шо это не хохма типа развала Советского Союза? Прикинь, до сих пор не верит!

– Я тоже.

– Проехали! О политике ни слова! Лучше выпьем за встречу, а потом за Дохода. Шоб с кичи поскорее слинял!

После череды тостов я уплел поджаристую отбивную с овощами гриль, а Репа разобрал запеченную баранью ножку.

Захмелевший подрумяненный Панфилов улучил момент и деловито подметил:

– Юрий Всеволодович курирует мой кандидатский мини-

мум. Разумеется, консультирует по делу Недоходова. Ознакомился с экспертизами и заинтересовался телесными повреждениями на теле погибшей. Вернее, одним – ударом в шею. Моя позиция такова, что в пылу ссоры и потасовки возможно нанести подобный смертельный удар. Но если драка имела место, то должны быть другие повреждения. Таковых нет, кроме двух поверхностных гематом на запястьях. Будто потерпевшую удерживали, выверая решающий удар. Недоходов – крепкий мужик, но по натуре не драчун. К тому же далекий от всяких кунг-фу или айкидо, а удар в шею, по всей видимости, профессиональный.

– Сто процентов, – подтвердил Репа. – Сильный, хлесткий и точный. Убийца целился в сонную артерию справа под подбородок. Даже переусердствовал, будто напал на здорового мужика. От удара разорвалась трахея, а третий шейный позвонок сместился и повредил продолговатый мозг. Практически мгновенная смерть.

Я закивал и дополнил:

– В боевом курсе спецслужб есть похожий удар. Применяется для бесшумного снятия часовых.

– Есть одно – но, как говорят в Одессе. Мало-мальски грамотный адвокат, изучив заключение судмедэксперта, легко опровергнет доводы о профессиональном ударе. Задаст вопрос – мог ли физически развитый человек без бойцовских навыков случайно нанести такой удар в сложившихся обстоятельствах? Сами знаете, как ответит эксперт. Я прав, Давы-

дыч?

– Безусловно, Юрий Всеволодович. Еще хотелось бы услышать ваше мнение о коробке с медведем.

Репа вытянул растопыренную пятерню.

– Имею три версии, – огласил и принялся загибать пальцы. – Во-первых, стоит учесть состояние психики Дохода. С бодуна не такое могло привидеться. Во-вторых – не исключено, что коробок мог выпасть из кармана настоящего душегуба. То есть он наследил неумышленно. И, наконец, третья версия, которая вздыбливает остатки волос и пиликает в башке, шо заигранная пластинка. Или как та мозоль от новых итальянских штиблет, шо Зоя купила на Привозе ко дню милиции. Короче говоря – это специально оставленный знак, и в таком случае, его нужно отыскать, кровь из носа!

Он замолчал и покосился на аспиранта. Панфилов потупился в тарелку с сациви и пробурчал:

– Прямо шас позвоню старшему оперу. Пусть еще разок

...

– Отставить! – прервал его куратор и ткнул перстом в мою сторону. – Пусть лучше Иваныч позвонит своему подручному.

– В рельс он позвонит! – я вспомнил о приобретениях и спешно выбрался из-за стола. – Мобилу позабыл зарядить. Шас вернусь!

Возле барной стойки подловил прыткого официанта и увлек за собой в подсобку. Там попросил не забесплатно ак-

тивировать сим-карту, подзарядить новый телефон и незаметно вернуть.

Прошествовав к столу, подсел к Давидовичу и спросил:

– Как думаешь, тетка – пасут тебя, а меня заодно с тобой или наоборот?

– Не понял?

– Сегодня помощник срисовал за мной хвост, а по дороге в Аркадию у водилы хитро выспрашивали, куда он везет клиента.

– Обложили, гады! – процедил сквозь зубы захмелевший следак. – Щас высмотрю и повяжем!

– Заглохните, Серж! – присоветовал Юрий Всеволодович. – Вам не для этого про хвост поведали. Ты детишек еще не нарожал, а у нас со Слоном уже внуки имеются. Понятно, что имелось в виду?

– Безопасность и бдительность. Виноват! Градус в бестолковку ударил.

– Жуй-закусывай, будущий кандидат наук! Разбегаться, конечно, не будем, но фильтруем базар и филигранно водим жалами. Короче, базарим за жизнь и не даем филерам повода напрягаться.

Немногим более часа мы проговорили под добрую закуску, но раскрепоститься не получилось. Панфилов заметно скис и скоро протрезвел, а Молодязев пытался подбодрить подопечного прибаутками.

Телефон вскорости зарядился и первым делом я набрал

секретный номер помощника, зафиксированный в смартфоне. После первого гудка Нюра сбросил вызов, а спустя минуту пришла эсэмэска с текстом: «На месте и на связи. Новостей пока нет».

В половине двенадцатого Репа вызвал такси и, раскланявшись, укатил восвояси. Давидович настоял, что обязан единолично расплатиться, так как является инициатором застолья. Я особо не сопротивлялся, но все же заказал в баре по чашке крепкого латте-макиато, как говориться, «на коня». Взбодрившись кофейным допингом, мы прогулялись по центральной аллее до площади с трамвайным кольцом.

Возможной слежкой не заморачивались. Особенно Панфилов, не оставлявший без внимания ни одну симпатичную девушку. Возле автостоянки он застопорил ход и указал на знакомую спортивную «ауди».

– Хмель из башки выветрился, – заверил, расправив плечи. – До дома прокачу с ветерком!

– Давай лучше я тебя провожу. Потом доберусь такси.

– Не! Так не пойдет! Я за вас в ответе. Волына на всяк случай под сиденьем припрятана.

– Лады! Только пообещай, не провоцировать наружку на обратном пути. Чтоб без гонок!

– Сто пудов! Я ж не пацан!

До поворота на улицу Красных зорь, казалось, не домчали, а долетели за пару минут.

«Топтуны точно не ожидали ралли по ночному городу, – подумал, махнув рукой вслед удалявшемуся болиду. – Небось, не успели. Постою недолго. Вдруг нарисуются неудачливые аутсайдеры».

Пробудился не от презентации молочника, а от назойливых трелей смартфона.

«Я же супруге не позвонил! – утрашила отгоняющая сонливость мысль. – Чую, грядет виртуальная клизма для поднятия тонуса!».

Вздохнул и, не посмотрев на экран – приложил к уху.

– Будто не расставались, – услышал энергичный голос Панфилова. – Пора просыпаться.

– Я уж думал, жена с утренним нагоняем, – облегченно выдохнул и снова насторожился. – Почему сам звонишь? У нас же режим конспирации!

– Отменил за ненадобностью. Не вижу смысла, коли вас все одно пасут. Тут спозаранку Юрий Всеволодович кипишет. Видите ли, не спалось ему. Подъедет к девяти. Вы тоже подтягивайтесь в прокуратуру. Сегодня вообще утро сюрпризов! Какой-то поп вас разыскивает.

– Кличка, что ли?

– Вроде нет. Звонил референт некоего отца Александра. Не понимаю, как узнали, где вас искать?

– Чего хотел?

– Оставил номер телефона, – проворчал Давидович и раздухарился. – Вот ведь несправедливость! У попов референты! У следователя прокуратуры даже писаря нет! Так что – диктовать номерок?

– Я конспирацию не отменял. Приеду, позвоню с твоего стационарного.

– Звонить не надо. Велено прибыть в Сиреневую рощу к монастырю. Позвонить с проходной. У них своя секретность.

– Через час буду у тебя.

Безусловно, я догадался, кто такой отец Александр:

«Похоже еще один сокурсник примкнул к нашей команде. Хотя торопиться с выводами рановато. Да и срочности, как видно, никакой. Если бы невмоготу – Сан Саныч заявился бы среди ночи».

Натянув шорты, побрел к умывальнику. По двору шастало семейство отбывающих восвояси белорусов. Вместо утреннего выхода на пляж, сябры собирались в дальнюю дорогу. Загрузили свой старенький «фольксваген» до такой степени, что казалось, будто он стонет.

Зато был повод порадоваться: «Освобождается комната для моих помощников. Теперь спокойнее будет. Только бы скорее!».

Глава третья

БАТОН

Душный коридор районной прокуратуры на улице Черняховского, несмотря на утренние часы, был запружен посетителями. Зато в просторном кабинете Сергея Давидовича господствовала тишина. Еле слышался мерный рокот кондиционера, наполнявшего рабочее пространство спасительной прохладой.

Панфилов восседал за офисным столом, загроможденным электронными и компьютерными гаджетами. Молча кивнул, прижимая к уху телефонную трубку, и указал на кресло возле окна. При этом старался успевать записывать на развороте перекидного календаря.

Молодязев примостился на подоконнике с гримасой, отдаленно смахивавшей на улыбку, и салютовал запотевшим фужером с минералкой:

– Здорова, Слон! Слышал, тебя попы разыскивают? Отпевать, что ли?

– Это была шутка? – парировал, учуяв тягостную атмосферу. – Выкладывай, что стряслось.

– Убили Славу Костюченко. Помнишь, на курсе был женатик-бутуз? Компанейский такой. Пуфиком обзывали.

– Как не помнить, – ошеломленный известием я повалился в кресло.

Репа склонился и зашептал:

– Сеня-летописец первым узнал за убийство и побудку

спозаранку сыграл. Я бегом Давыдыча тормошить. Верить?! Вот как тебя заранее ощущал вблизи, так и халепу эту кормой чуял! – он покосился на Панфилова. – Серж связался с опером из Суворовского, который на место выезжал. Ну, а твоя чуйка, какие сигналы подает?

– Аналогичные. Спичечный коробок перед глазами маячит.

– У меня улыбка Чеширского медведя. Про попа, что думаешь?

– Че тут думать? Батон стрелку забил.

– В цвет!

Я испытал спокойную радость, на миг приглушившую горечь после жуткого известия, и попытался воссоздать в памяти наружность приятеля юности, который, наконец, отыскал свое...

Коренной одессит Александр Александрович Саечкин получил курсантский позывной из-за фамилии, созвучной с хлебобулочными изделиями – сайка, ватрушка, батон. Хотя в облике ничего похожего не отмечалось. Сутулый, жилистый с увесистыми кулачищами и боксерским подбородком – Сашко напоминал неандертальца с картинки в детской энциклопедии. Спросите, почему не удостоился соответствующей клички? Все просто! Во-первых, из-за развитого интеллекта, веселого нрава и гротескового чувства юмора. То есть личностных признаков не характерных для первобыт-

ных людей. Во-вторых – за неандертальца можно было ощутимо схлопотать.

Вообразив Сан Саныча в рясе, бессовестно хохотнул и поспешил выправиться:

– Прошу извинить, это нервное, – потом сызнава нырнул в закрома памяти.

Повидаться с Батоном выпало лет пятнадцать назад. Оба тогда еще тянули ментовскую лямку. Саечкин служил важняком по линии УБОП и параллельно углублял познания в юриспруденции.

При встрече я заприметил некоторые странности в его обличии и поведении. Честно признаться, заподозрил, что дружбан подсел на допинг. Телодвижения заторможенные дерганые, будто покадровая видеосъемка. Потянутая речь при напрочь отрешенном взгляде и глянцевиые глаза с расширенными зрачками.

«Да нет же! У нариков зенки иначе блестят, – пытался себя утихомирить. – К тому же мутные, будто в горячке и злющие от безысходности. У Сашка – добрые жалостливые».

Из протрации вывел громкий шепот Молодыезева:

– Наши до сих пор в шоке! От Батона всего можно было ожидать, но такого! Раньше номера откалывал, только в другую сторону. Когда дослуживал – чуть не списали по больничке. Еле дождался выслуги и сразу подался в монастырь.

Одни шарахнулись, будто от прокаженного. Дескать, башню у Санька напрочь снесло. Другие вроде бы приняли выбор, но за глаза хихикают по сей день. Только плевать он хотел! Умудрился на новом поприще бугром заделаться. После рукоположения обзавелся приходом, церковь достраивает. Нашим помогает, ежели что. Короче, как был, так и остался своим пацаном.

– Чуйка тоже прежняя. Мигом меня вычислил.

– То Сеня-летописец растрезвонил. Ты же помнишь – Пуртев еще на первом курсе заделался массовиком-затейником. Потом пока трудился в сыске – поднаторел на компьютерах. Вышел в отставку и теперь заправляет крупным интернет-магазином. Недавно создал сайт нашего олимпийского курса. Почти все зарегистрировались. Учиняем кипиши на форуме за экономику и политику. Про Дохода всех оповестили, чтоб помогли, кто чем сможет. Сегодня – про Славика весточка разлетелась.

Колкий тревожный импульс заставил задаться вопросом: «Что такого сказал Юрок? Будто током шандарахнуло! Ну, конечно же! Олимпийский курс! В 80-м году школу милиции откомандировали в Москву для охраны порядка на олимпиаде. Оттого и прозвали курс олимпийским».

Поднял глаза и пробормотал:

– У медведя точно дебильная улыбка. Вот тебе и олимпийский курс.

В наступившей тишине слышалось, как лопаются пузырь-

ки в фужере с минералкой.

– Значится, наклейка на коробке не случайная, – выдохнул Репа.

– Сто пудов, господа полковники! – подал голос Панфилов, отложив телефон. – Предчувствие нас всех не обмануло.

– Жилы не тяни! – гаркнул куратор на аспиранта.

– Я и говорю, что заказуха. Выстрел в грудь и контрольный в голову. ТТ с глушителем брошен рядом с телом. По-терпевший приехал поздно с работы на поселок Котовского. У него там частное домовладение. Собирался загнать машину во двор, да не успел. Джип так и остался перед воротами. Жена проснулась посреди ночи, выглянула в окно... Дальше понятно. На закуску поведаю про медведя с дебильной улыбкой. В ладонь Костюченко вложен спичечный коробок с наклейкой «Олимпиада-80».

Молодые издал то ли свист, то ли стон и прохрипел:

– Водки хочу!

– Коньяк сойдет? – Давидович потянулся к сейфу.

– Отставить, Серж! Бесконтрольно вырвалось. Последнее дело – набухаться при таком раскладе! Разве неясно, что какой-то шлимазл бросил нам вызов?! Не тебе, Давыдыч, а нам – бывшим курсантам олимпийского курса. Посему, расслабься – пасут не тебя.

– Уже дошло. Найти бы коробок...

– Во-во! Шо там твой подручный, Слон?

– Трудится. Должен отсемафорить.

– Тогда разбегаемся. Поеду к Пуртеву. Объявим полундру для экс-олимпийцев. Ты нанеси визит его преосвященству. Ждет ведь. Может, Батон чего подскажет. Будущий кандидат наук остается на хозяйстве.

Купленный накануне телефон известил о принятом СМС-сообщении. Немедля зачитал обнадеживающий текст, который мало-мальски приподнял расположение духа:

– Коробок в поддоне под плитой. Похоже, спецом заныкали. Водочную бутылку старший армян припрятал. Он тоже в тот день вырубился. Операм сказал, а те послали. Подробности при встрече. Заселяемся к Марии.

Панфилов вскочил и азартно потер ладони.

– Не зря мне русалка снилась! – сообщил, усмехаясь. – Помчусь изымать вещдоки.

– Жениться тебе пора, – проворчал Репа.

– Успеется, – отмахнулся следак и протянул мне клочок бумаги. – Номерок не забудьте. И разузнайте лично для меня – на фига попам референты!

Сиреневая роща на шестнадцатой станции Большого Фонтана – знакомое с юношеских лет место.

Последний раз довелось побывать в монастыре лет пятнадцать назад. Тем летом мы отдыхали с женой в Одессе, и в один из церковных праздников Оля настояла на паломниче-

стве. Я не испытывал восторга от подобной экскурсии, потому выпросился обождать ее в сквере за воротами. Батон подвез нас из центра на своей машине и составил мне компанию на скамейке.

Я пытался острить, маскируя неловкость, и долдонил о нынешнем веянии – демонстрировать направо и налево причастность к духовности. Саечкин молча кивал, а потом неожиданно попросил:

– Ты только не мешай ей, брат! Пускай своё отыщет.

– Что значит «своё»?! – завелся я с пол-оборота. – Чего ей по жизни не хватает?! Муж пить бросил, в семье достаток. Дети вроде бы правильными растут.

Сашко обнял меня за плечи и растолковал:

– Поиск своего – это соответствие разнообразных внешних проявлений внутреннему состоянию психики и духа.

– Ты, прям, со мной, как с умным базаришь! Давай замнем до поры...

Нынче в монастыре явные перемены. Возведены новые въездные ворота с колокольной, отреставрированы храмовые постройки. Облагороженная территория утопает в зелени, и совсем нет мусора. Вероятно – в таких местах люди стараются вести себя цивилизованно. Подтягиваются, как бы изнутри к невидимой границе меж мирским и мистическим.

У распахнутых настежь ворот на обычном кухонном табурете восседал тучный нестриженный дядька. Я поздоровался и спросил:

– Пропустите к отцу Александру? Сейчас только позвоню

...

– Неча трезвонить! Обожди тута, – привратник тяжело поднялся и пошкандыбал в сторожку. Отворив дверь, гаркнул в темноту. – Выходь, Данька! Заявился твой гость.

На пороге показался худой светловолосый парнишка в сером подряснике. Издали поклонился и поманил за собой.

«Откуда знает, что я, это я? – подумал, поспевая следом. – Вот ведь дурацкий вопрос! Он же референт у бывшего опера».

Обойдя колокольню, зашагали вглубь тенистой аллеи, но тут позади раздался грозный окрик привратника:

– Куда в бесовском одеянии?! Не пущу!! Побойтесь Бога!

Обернувшись, увидел служителя, затворявшего ворота и ощутил на себе изучающий взгляд лысого атлета в спортивных шортах и растянутой футболке. Препираясь с привратником, тот обнимал за талию сухопарую девицу в облегающем платьице с декольте, которая таращилась на меня поверх солнцезащитных очков.

«Неужто сопровождение? – предположил, ускорив шаг. – Тогда зачем скандалить, привлекать к себе внимание? Мне тоже незачем трактовать события вокруг, как преследова-

ние. Нечего дергаться, даже если это наружка! Пусть себе работают».

Поспевая за послушником, залюбовался ухоженной территорией с подстриженными кустами, цветущими клумбами, побеленными бордюрами. Золоченые купола с устремленными ввысь крестами переливались на солнце, а подражавшие им корабельные сосны – тянулись верхушками в небо, пронзая раскидистые кроны лип и каштанов.

Казалось – жара отступила, обернувшись невидимым покровом, позволявшим дышать полной грудью и обонять цветочный аромат.

Провожатый свернул на узкую аллею, выложенную тротуарной плиткой. Тенистый тоннель из сплетенных ветвей тянулся вглубь фруктового сада. То и дело приходилось кланяться, чтобы не задеть головой зрелые яблоки, персики и налитые грозди винограда.

Средь зарослей показался бревенчатый сруб, напомнивший карпатскую часовню. На ступеньке крыльца с резными перилами сидел Сан Саныч, облаченный в черный подрясник. Хитро улыбался и покачивал головой.

Довелось немедля признать ошибку:

«Напрасно я потешался, вообразив Батона в облачении. Скорее в ментовском прикиде он выглядел смехотворно. Вылитый дядя Степа в обмундировании с чужого плеча. Предомной – эталон священнослужителя без малейшего намека на мамон, присущий сану и возрасту. Налицо строевая выправ-

ка, к тому же гладко выбрит и коротко стрижен».

– Как правильно к тебе обращаться – батюшка иль святой отец? – пропыхтел, оказавшись в стальных объятиях.

– Вякнешь подобное, буду звать рабом Божьим! – пробашил Сашко и обернулся к послушнику. – Понаблюдай, Даниил, чтоб нелегкая филеров не принесла. Мы на поляне по-толкуем.

Обогнув сруб, оказались на опушке леса. Свернули на тропу и, прошагав полсотни метров в зарослях малины, вышли на поляну. В тени старой яблони стоял дощатый стол с лавами, врытыми в землю.

Усевшись напротив друг друга, помолчали, разглядывая созревавшие на столе яблоки. Первым заговорил Саечкин:

– Удивлен? Не робей – выкладывай, как есть.

– Не так, чтобы очень, но контраст неслабый. Был опером – заделался священником.

– Еще и монашествующим. Удостоился рукоположения в процессе карьерного роста.

– В ментовке тоже мог выбиться в начальство.

– Мог, но верх одержали иные импульсы.

– Импульсы, говоришь? Вот, значит, как это называется.

– Неужто испытывал подобное?!

– Типа того, – кивнул, припомнив череду болезненных позывов, после которых отвернуло от горилки.

– Поделишься?

– Можно. Поначалу ощущал еле слышные сигналы, по-

хожие на далекий звон колокольчика – беспокойство, уныние, тоску. Трактовал их, как предостережение о ненормальном состоянии психики, которую привык раскрепощать алкоголем. Постепенно перезвон перерос в набат, сотрясавший воспаленные мозги – временами хотелось выть от безысходности.

– Понимаю, о чем ты. Со мной, правда, вышло иначе, но тоже по нарастающему вектору. В этих импульсах нет ничего сверхъестественного. Просто Всевышнему крайне необходимо достучаться до каждого из нас.

– Больно же и страшно.

– Как есть. Кому-то сразу обухом по головушке, с кем-то иначе – долгие уговоры, ненавязчивые намеки.

– Со мной особо не панькался. Пару раз предупредил, а потом долбануло так, что сквозь матрац на пол закапало.

Сан Саныч усмехнулся и подметил:

– Слава Богу, до подобного не дошло. Наверное, я покладистый. Хотя был прецедент, когда из кабинета могли прямиком в дурдом отвезти.

– Расскажешь?

– Сiju, подшиваю розыскное дело. Никого не трогаю. Вдруг будто вывернуло всего наизнанку. Дыхание застыло, шевельнуться не могу, а стены кабинета разъезжаются и растворяются в темноте. Чувствую, куда-то проваливаюсь, а свысока начальник меня изучает. Принесло же, как раз в тот момент. Тормозит за грудки, что-то лопочет. Я,

как та мумия египетская – ни гу-гу! Шеф подумал, что бухой в хлам. Обнюхал, а запаха нет. Повезло, что мужик адекватный. Гембель подымать не стал – отволок к себе в кабинет и по-тихому вызвал скорую. Эскулап меня облапал и говорит, что с такими симптомами они отвозят клиентов в дурку. Шеф еле упросил оформить вызов, будто у меня гипертонический криз. Короче насовали уколов и отвезли домой.

– Подфартило с начальником. Могли комиссовать.

– Нашлись доброжелатели! На следующий день в управу заложили. Что тут началось?! Гонцы стаями налетели. Начальнику объявили служебное несоответствие, меня отправили на военно-врачебную комиссию. Представляешь – полтора года до пенсии?!

– На раз бы всучили белый билет.

– Стопудово! Но случилось нечто диковинное. Обошел я всех врачей, как тут звонят из регистратуры. Говорят, чтобы повторно прошел психиатра. Ну, думаю – амба! Дотошный еврейчик в той комиссии самый главный. Делать нечего – пошел сдаваться. Мозгоправ взглянул на меня сурово и неожиданно объявил, что я не псих и здоров, шо буйвол. Таковым будет вердикт комиссии. Потом тихонько добавил, мол, реактивные ступоры, наподобие твоих – к медицине отношения не имеют. Ступай в церковь и потолкуй с разумным священником.

– Ничего себе! Я думал, что психиатры все чуть-чуть того.

– Значит, не все. Пару месяцев меня в маятнике качало.

Думал – в какую конфессию податься? Какая из них правильная? Где искать разумного священника? Напряг извилины и понял, что Всевышнего конфессиями разделить нельзя, а священники – всего лишь люди на службе у Бога. Какая разница, кому из них душу излить? Если у тебя зуб заболит, ты же не станешь собирать досье на дантиста. Пулей помчишься к первому попавшему. Так и здесь – если веришь, что Бог вразумит, то Он вразумит через любого священника. Главное – понять суть сказанного, а не отдельные фразы с интонациями. Набрался решимости и побрел в ближайшую церковь. Захожу, а возле алтаря два попа меж собой переговариваются. Поздоровался и выложил им все без утайки.

– Экстримал!

– Не было более мочи внутри носить. Поп, который помоложе, обратно к врачам отослал, а дедок седовласый вывел на улицу и надоумил идти в монастырь. Я оторопел! Неделю ходил, шо булыжником стукнутый! Проснулся однажды, побрился, вышел на улицу и – не понял, как оказался в обители. Слава Богу, попался мудрый наставник. Подсказал, как трансформировать неясные состояния в молчаливый молитвенный диалог. Как не отвернуться от мира и людей. Как научиться слышать и понимать голос Бога.

– Вот оно что, – проворчал я обескураженно. – Оказывается, тот набат в бестолковке следовало понимать, как приглашение к диалогу. Я-то думал, что крыша съезжает. Разве нельзя было со мной по нормальному поговорить?! Без вся-

ких ужасных гадов и кикимор.

Саечкин прыснул от смеха и попросил:

– Подробнее с этого места, пожалуйста.

– Однажды, после череды праздничных застолий заступил я ответственным по управлению. То есть первую трезвую ночь коротал на службе. Происшествий не было, потому улегся в кабинете на раскладушке. Только начал засыпать, как вдруг ощутил, будто электрический ток гуляет по организму. Конечности затряслись, скрючились. Мозги застопорило паническим страхом. Стены, пол, потолок растворились, типа, как ты рассказывал. Короче, завис вместе с раскладушкой в кромешной тьме, и стали на меня прыгать ужасные страшилища о рогах и копытах. Клацали челюстями, царапались, пытались ухватить за горло скользкими лапами. Вонь разъедала глаза, в ушах – жуткий высокочастотный визг, будто спугнули стаю летучих мышей-вампиров. И тут я понял, почему люди страшатся смерти. Потом вдруг осознал, что беззвучно молюсь... Нет! Истошно ору внутрь себя, призывая и выпрашивая Бога. Мол, если ты есть, то помоги, а коль поможешь – завяжу с бухлом. Через минуту глюки исчезли, мышцы расслабились, дыхание выровнялось, а вскоре провалился в мертвецкий сон без сновидений. В кабинете было не жарко, но под утро проснулся мокрый, как хлющ. Подумалось – неужто обмочился? Ощупал подушку, а она тоже насквозь мокрая. Чуток отлегло, но пришлось подхватываться и собирать постель. Потом весь день ходил, как

зомби.

Рукоположенный монах беззвучно, но открыто и бессовестно ржал. Дождавшись финала, оправдался:

– Извиняй, дружище! С тобой покруче обошлись. Видать, постановили не тратить время на уговоры, чтоб мозги алкоголем не пожгло. Зато вразумили.

– Не до конца. Я попытался выполнить обет, но сорвался уже через неделю. В итоге пришлось дважды пересмотреть триллер с кикиморами. Каждый раз заканчивалось молитвами и обещаниями. Конечно, Бог помогал, а я нагло обманывал. Потом становилось стыдно, как воришке Альхену из «Двенадцати стульев». В конце концов – здорово на себя разозлился. Из-за слюнтяйства объявил голодный бойкот. Как ни странно, диета вперемешку со злобой послужили сдерживающим фактором, но окончательно завязал, пообщавшись с ясновидящей.

– Как-нибудь расскажешь, – Сан Саныч посерьезнел, взглянул на часы и растолковал. – Если вкратце, то все, что с нами происходило, именуется сердечным призывом. Чуть ли не каждый день в монастырь приходят люди, испытывавшие подобное. Далеко не все могут постигнуть происходящее с ними, но со временем убеждаются, что Бог милосерден и человеколюбив. Познают, насколько велика разница между истинной любовью и нашим представлением о ней.

– Интересно, Доход с тобой согласится? – заартачился я. – Или как это сопоставить с тем, что случилось с Костюченко?

Слыхал, небось?

Саечкин закивал, а я попытался воссоздать в памяти наружность Пуфика.

Славик прослыл неправильным одесситом из-за того, что не куражился почем зря и не выпендривался. Выделялся спокойной рассудительностью, великодушием и гостеприимством. Женился до поступления в школу милиции, а на первом курсе стал отцом. Оттого в казарме почти не ночевал, хотя в наряды хаживал исправно.

Семья Костюченко не бедствовала, потому сокурсники были частыми гостями в просторном доме на окраине поселка Котовского. Родители Славика – приятные работающие люди, радушно принимали шумные компании, а миниатюрная жена-хохотушка знала и умела рассказать уйму одесских анекдотов.

Запомнился ползающий по дому Пуфик-младший с пустышкой во рту, а еще – теплота и уют, позволявшие отдохнуть душой.

Вскоре после выпуска до Киева долетело известие, что Костюченки родили дочурку.

Первенец Андрейко подрос и выучился сыскному делу. В районном угрозыске занял место отца после его ухода в отставку.

Словно разгадав мои мысли, Саечкин печально изрек:

– Тяжко сейчас семье. Андрей с батей крепко дружили, а Лиза вообще души не чаяла. Крестница моя. Полная противоположность брату. Тот – сорвиголова, а сестрица – тихая, скромная, рассудительная. Обучается банковскому делу. Частенько ко мне заходит. Собираюсь поехать, выказать соболезнование. Составишь компанию?

Не дожидаясь ответа, выудил из-под полы подрясника увесистый смартфон, поводит пальцем по экрану и, приложив к уху распорядился:

– Через десять минут подъезжай к воротам.

Ничего не оставалось, как молча плестись следом.

Больше часа колесили по улицам Одессы на белоснежном бусе с табличкой «Служебный» за лобовым стеклом. Стриженный парнишка-водитель в наутюженной белой рубашке уверенно маневрировал в бесконечных заторах.

Расположившись в пустом салоне на галерке, успели о многом поговорить. Батон поведал, что частенько общается с Семеном Пуртевым, Репой и еще несколькими сокурсниками.

– Поначалу всех, будто волной смыло, – изрек, печально усмехаясь. – Решили, что пулю башкой поймал. Со временем, правда, обвыкли, хотя не все. В стороне остались те, кто застрял в совковой категоричности. До сих под их колбасит

не по-детски. Моей вины в том нет – они сами так порешили. У подобных индивидуумов комплекс всеобиженности налицо. Или на лице. Рыщут в поисках внешнего врага денно и ночью с уверенностью, что весь мир против них ополчился. Возомнили себя великими мучениками. Зато готовы поучать всех подряд, как правильно жить. Вот только сами не живут, как учат. Доход не из их числа. Ленька из-за попок начал деградировать, но совесть бесповоротно не пропил. Если бы еще со злопамятством и спесью вовремя разобрался. Олух Царя Небесного!

– Намекаешь на инцидент перед выпуском? Я приложил к тому руку...

– Погодь, пока договорю, – пригрозил перстом Саечкин. – Успеешь оправдаться. Я о том, что Доходу следовало сразу все прояснить. Можно же было разрулить без заносчивости. Будто фамилию свою оправдывает – Недоходов. Может для того и позывной дали с обратным смыслом. Авось дойдет?!

– Похоже, дошло.

– Кабы не было поздно! Ленька захаживал ко мне ранней весной. Возжелал поплакаться в жилетку. Тебя не позабыл упомянуть. Все свои беды свел к позорному исключению из школы, будто жизнь после того остановилась. Я ему говорю, мол, неразумно так думать и небезопасно. Можно в такое болото угодить, что потом не выберешься. Он только зубами скрежетал. Думаю, из-за спеси и гонора тормознули нашего Дохода похлеще, нежели тебя. Теперь говори, что накипело.

Вмиг ощутил, как заняло под ложечкой. Лицо стало мокрым от пота, будто какой-то пакостник плеснул ушат воды на раскаленные камни в парной.

– Вина на мне, – пробурчал и услышал свой голос, будто со стороны. – За то, что не поговорил с ним вовремя. Я ведь не сразу узнал, что Ленька меня обвиняет. Пуртев сообщил лет семь назад. Тогда и надо было разрулить. Может, не случилось бы...

– Отпускаются тебе грехи, – пробасил Сан Саныч с обстоятельным видом. – Принялась исповедь. Не было фальши и перекладывания вины.

– Не знал, что прощение настолько облегчает терзания. Осталось с Доходом утрясти.

– Успеется. Только не перебирай излишней ответственности. В данной ситуации нет абсолютно правых и виноватых. Каждый внес свою лепту, равно, как случившееся касалось каждого из нас. Пока непонятно – кого в какой мере. Время подскажет, тогда и выяснится, почему Всевышний свел нас воедино спустя столько лет.

– Согласен. Непосильно быть ответственным за все.

– Вот и ладно. Теперь о деле поговорим. Слышал, будто следят за тобой, а еще дознался о новых вещдоках.

– Откуда?! Я сам только узнал! Хотя, чему удивиться? Это ж Одесса!

Саечкин рассмеялся и успокоил:

– Не переживай! Ваша со следаком секретность не нару-

шена. Чтоб ты знал, у меня своя конспирация и топтуны свои. Не сижу, сложа руки, уповая только на молитву.

Наконец, подъехали к дому Костюченко. В округе царил горестная тишина, усиленная безмолвным присутствием множества людей. У запертых ворот выстроились в ряд легковушки, а чуть поодаль, словно на стороже стояли милицейский УАЗ и карета скорой помощи. Возле калиток и на лавочках кучковались соседи.

В ухоженном дворе припомнилось застекленное крыльцо под красной черепицей. Навстречу поспешал милицейский капитан, схожий телосложением с поджарым Батоном. Не сдерживая слез, бросился в объятия священника.

– Как же так, дядя Саша?! – только и смог вымолвить, уткнувшись в рясу.

– Крепись Андрюша, – ответил Саечкин. – Отыщем душегуба! Познакомься с полковником Кучером. Тоже из наших. Он тебя помнит еще с пустышкой.

Капитан отстранился, протянул для рукопожатия пятерню и позвал в дом.

За порогом накрыло довлеющей прострацией. Подойдя к родителям Славы, бормотал шаблонные фразы, подумывая, как поскорее выбраться на свежий воздух. Подальше от гнетущего покрова, сотканного из скорби и боли утраты.

Супруга Костюченко и тоненькая чернобровая дивчина с белым, как стенка лицом – изо всех сил старались держаться. Жена говорила чуть слышно с кажущимся спокойствием.

Уверила, что помнит меня из-за прозвища, несвойственной внешности. Потом обессиленно выдохнула и разрыдалась, обняв дочурку. Дальнейшее стерлось из памяти.

Опомнился во дворе, повстречавшись с Молодязевым. Репа торопился в дом, а следом, чуть прихрамывая, шел седоусый мужичок, прятая глаза за зеркальными стеклами окуляров. Хоть не сразу, но я признал Сеню Пуртева.

Мы сдержанно обнялись, а тем временем двор заполонила добрая дюжина бывших сокурсников. Учитывая обстоятельства, встреча получилась по-деловому нешумной.

Потом снова образовался временной вакуум и продлился до момента, когда раздобревшие «олимпийцы» затолкались в монастырский бус. Кто-то предложил помянуть Славика, а заодно отметить встречу.

Галдящая ватага высадилась на Соборке, после чего Сан Саныч пожелал приятного времяпровождения и укатил в обитель. Начались прения.

Двое сослались на занятость и, распрощавшись, удалились. Оставшиеся определились с питейным заведением, а по дороге откололись еще трое, огласив различные предложения. В результате до уютного ресторанчика вблизи Сабанеева моста дошли пятеро.

Я уместился на диванчике рядом с Молодязевым, а Летописец занял место тамады во главе стола. Напротив, на мягких стульях с высокими резными спинками расположились шепотной низкорослый Зуи и долговязый сухопарый Проф.

Шуру Самчукова смолоду обзывали Профессором или сокращенно – Профом. Невзирая на жару, он пребывал при полном параде. Импозантный дядечка в роговых очках с толстыми линзами, в безупречном костюме при галстукe и алебастровой сорочке – вправду походил на уважаемого деятеля науки. Александр Сергеевич таковым и являлся, только зарекомендовал себя профессором оперативных наук. Особенно по части тактических разработок и многоходовых разведывательных комбинаций. Стратег и аналитик высочайшего уровня! Врожденная хваткость позволила Профу всего через пару лет после окончания школы милиции обрести известность и авторитет среди оперсостава Одессы-мамы. Продолжая службу в областном аппарате угрозыска, носил полковничьи погоны, но мало кто знал наименование его должности.

Усевшись рядышком в бусе, я насмелился спросить, но получил лаконичный ответ:

– Шо попало.

К угловатому плечу Самчукова тулился Виктор Петрович, носивший несвойственную для советского милиционера фамилию – Зимбер. За неумную верткость и непоседливость он удостоился позывного – Зуй.

Если бы в советские времена популяризировали произведения Булгакова – Зимбера неизбежно прозвали бы Швон-

дером. Отнюдь не из-за схожести характеров, а вследствие внешнего подобия с Семеном Карцевым, сыгравшим роль председателя домкома в кинофильме «Собачье сердце».

Он появился на свет в семье провинциального околоточного, обслуживавшего участок в курортном пригороде Одессы. Скорее всего, вместо погремущек батя забавлял Витька милицейским жезлом, в результате чего до выхода в отставку Зуй прослужил в отделе дознания ГАИ. На вольных хлебах возглавил крупную юридическую фирму, но друзья-товарищи знали, что это лишь видимая часть айсберга. Отставной полковник весомо котировался на одесском авторынке и мог порешать любой вопрос.

С Летописцем мы общались чаще, чем с остальными, невзирая на молчаливость и некоторую обособленность. Сеня Пуртев боготворил книги, читал их денно и нощно, выказывая задатки журналиста и литератора. В курсантские годы сочинял статьи для стенгазеты, славился рефератами по криминологии и правоведению, за что и удостоился надлежющего позывного.

Он первым нарушил тишину за столом, всматриваясь в экран смартфона:

– Внимание, господа! Я тут по сайту шарюсь, коменты по убийству Пуфика вычитываю. Стремная, однако информация проскочила.

– Можно без ораторской преамбулы?! – пробухтел Зуй.

– Вишня умер. Еще в прошлом месяце.

– Взводный?! – Молодызев округлил глаза. – Что случилось?

– Вечером заснул – утром не проснулся. Так написано.

Остановка сердца.

– Кто сообщил? – справился Самчуков, поправляя очки.

– Аноним. Кто-то под таким ником зарегистрировался на сайте. Только вчера, кстати. Утром я выложил сообщение о гибели Костюченко, а пять минут назад появился комментарий про Вишню.

Теряя терпение, я поднял руку:

– Анонима можно вычислить?

– Вряд ли. Похоже, айди-адрес заблокирован.

Довлеющая тишина за столом, напомнила немую сцену из гоголевского «Ревизора». Через минуту Репа прокашлялся и деловито заключил:

– Рыба воняет от головы, как говаривал начальник нашего курса.

– Ты, о чем? – обронил Зимбер.

– Вся эта хрень могла начаться с Вишенцева. Потом приструнили Дохода. Следующим оказался Славик.

– Намекаешь на серию? – насторожился Проф. – Коробки с медведями только в Одессе фигурируют. Аноним написал, что у Вишенцева сердце остановилось. Думаешь, Недоходов и Костюченко как-то связаны? Имели общий бизнес?

– Да бросьте вы, Шура! – опередив Репу, выкрикнул Семен. – Какие из них компаньоны?! Последние десять лет Славик с Доходом точно не пересекались.

– Серийную версию придется отработать, – настоял я. – Хотя согласен, что смерть взводного как-то не вписывается. Во всяком случае, пока.

– Во-во. Коробок надо поискать, – Юрий Всеволодович заговорил полупшепотом. – Следак изъясил новые вещдоки по делу Дохода. Мы-то думали, что Лёнька сбрендил по пьяни, а он и вправду видал коробок с олимпийским медведем на этикетке.

– Слава прокурорским! Спасибо – до суда не довели! – желчно подметил Зуй.

– Отставить кипиш! – Репа повысил голос, зыркнув на критикана. – Не смей наезжать на подшефного аспиранта! Лучше за галстуком присмотри, шоб не заляпать фрикасе!

– Приторможенный у тебя аспирант, – не унимался бывший гаишник.

– Менты не лучше! Коробок, похоже, опера заныкали. Только сие недоказуемо. Зато появился довод в пользу серии. В коробке Дохода насчитали семь целых спичек с красными головками и один обломок. Эксперт говорит, что спички раритетные. Сейчас таких не выпускают. Коробок Костюченко аналогичный, только в нем шесть целых спичек и один обломок.

– Интересное кино получается! – оживился Летописец. –

По идее в коробке Вишенцева должно быть восемь спичек...

– Погоди, Семен! – не дал я досказать и поинтересовался у Репы. – Эксперт осмотрел бутылку?

– Химики изучают остатки водяры. Есть подозрение, что алкоголь с примесью. Армянин тоже вырубился почти на сутки.

После такого известия бывалые одесские сыщики стали наперебой делиться эпизодами из собственной практики. Наконец, поднялся Самчуков и, обращая на себя внимание – постучал вилкой по фужеру.

– Дозвольте слово молвить?! – испросил, прокашлявшись. – Дела подождут! Предлагаю тост за старую гвардию! Кто знал, что спустя много лет доведется встретиться при таких поганных обстоятельствах? Тем не менее, мы готовы к решительным действиям! Только не хочется верить, что кто-то из наших заварил эту кашу. Короче, разберемся. Виват, панство!

После того, как «гвардейцы» усугубили – Проф наклонился ко мне и зашептал:

– Что за история с топтунами? Всяческие хвосты в пределах области, это мой хлеб. Почему же я не в курсе?! Недоработку принимаю на свой счет, а ты береги нервы. Отныне за тобой будет глаз да глаз, – повысив голос, обратился к присутствующим. – Надеюсь, все в деле?

– А то! – отозвался Летописец.

– Шо за вопрос, Шура?! – поднял брови Зуй.

– Даже обидно! – насупился Репа.

Александр Сергеевич ухмыльнулся и продолжил:

– То слушайте сюда. Ваш статус в деле – неофициальный.

Будете фланировать на кошачьих лапах и туда, куда я скажу.

Скрытно, бесшумно, неосяземо, но решительно! С этой ми-

нуты наша секретная операция обретает кодовое название:

«Седьмой флот»!

Пенсионеры одобрительно закивали, услышав устарев-

ший розыскной термин. Все помнили, что в структуре со-

юзного МВД профильные главки значились под порядковы-

ми номерами. Седьмое управление занималось секретными

оперативными разработками в стане неприятеля, а на слен-

ге именовалось седьмым флотом. По аналогии с седьмым

флотом ВМС США, призванным реализовывать секретные

форс-мажорные операции по всему миру.

Ближе к полуночи я добрался до временного пристанища

на такси. Захотелось постоять у калитки.

Ласковый ветерок доносил низкочастотное буханье все-

нощной дискотеки на «Чайке». С противоположной стороны

– распускались и таяли в небе разноцветные зонтики фейер-

верков над Аркадией.

Во дворе минипансионата жизнь протекала своим чере-

дом. В беседке под гроздьями винограда заседала шумная

компашка. По гоготу и обрывкам фраз несложно было заключить, что подогретые алкоголем отдыхающие неистово режутся в карты.

В располагающей к отдохновению обстановке не верилось, что где-то поблизости затаились соглядатаи. События прошедшего дня казались давно минувшими, и я впервые всецело осмыслил, что оказался на черноморском побережье в самый разгар знойного лета.

Послабление бдительности длилось недолго.

Добравшись до опочивальни, привычно осмотрелся и понял, что в каморке побывали посторонние. Контрольки оказались не на месте – чемоданный замок-молнию кто-то старательно застегнул. Я же всегда оставлял несколько зубчиков до ограничителей. Второй признак – полотенце, якобы брошенное в спешке поверх лежавшей на стуле одежды. Злоумышленники не могли знать, что после осмотра вещей нужно подвернуть уголок полотенца так, чтобы он оказался под футболкой.

Тем не менее, я пришел к выводу, что орудовали профессионалы. С виду обстановка оставалась ненарушенной и, конечно же, ничего не пропало.

Хозяйка пансионата требовала, чтобы постояльцы перед уходом оставляли ключи от комнат в аптечном шкафчике на веранде. Ценные вещи и документы можно было сдавать на хранение. Для этих целей в хозяйской зале был приспособлен массивный сейф, выполнявший функцию подставки под

телевизор.

Золота-бриллиантов я в поездку не брал, а ключ от каморки прилежно вешал в шкафчике на гвоздик. Оттого принял решение немедля поговорить с Марией, нацелившись на ее звонкий голос, доносившийся из беседки.

Заприметив важного постояльца, хозяйка обрадованно запричитала:

– Идите к нам, Сергей Иваныч! – потом обратилась к присутствующим. – Это родич мой по мужу из Киева. Большой начальник! Здесь по работе, заодно отдыхает.

Краснолицый упитанный мужичок моего возраста вытер о футболку ладони и, поднявшись, отрекомендовался:

– Борис. Очень приятно! – потряс мою руку и покосился на сухощавую блондинку с обгоревшими на солнце плечами. – Мы с Тамарой из Питера, а рядом с ней – Раиса из Донецка. Отдыхает сама!

Он сделал ударение на последнем слове и выразительно повел бровью.

Я же лишился дара речи, изумившись наружностью злачной женщины бальзаковского возраста. Должен признаться, что такого попугайского смешения цветов и стилей ранее наблюдать не доводилось. Короткая стрижка в стиле «панк» представляла собой ядовитую палитру из ярко-оранжевых, каштаново-шоколадных и огненно-красных пятен. В целом же смысл ретроградной композиции оставался секретом неизвестного цирюльника. Из-под палитры выглядыва-

ло пухлое личико, покрытое толстым слоем кофейной штукатурки с кругами малиновых румян. Причем полные губки бантиком и обводка округлых изумленных глаз имели одинаковый темно-фиолетовый окрас. Типаж искательницы курортных приключений подчеркивал цветастый сарафан в старорусском стиле с атласным рюшем, глубоким декольте и тонкими бретельками.

Борис тем временем продолжал вещание, подмигнув белобрысой веснушчатой девчущке:

– Это Даша, а тот, что ее тискает – Паша. Молодожены из Херсона. Проставились по причине медового месяца. Присоединяйтесь к честной компании!

– Благодарю! Вынужден отказаться. Весь день на ногах и жара измотала. Завтра непременно исправлюсь, – заверил, поманив за собой Марию. – Похищаю на минуту хозяйку.

Дошагав до крыльца, негромко сообщил:

– Кто-то рылся в моих вещах.

– Господь с вами! – перекрестилась Мария и сдвинула брови. – Обождите! Вот же прохиндеи! Паспортистка приходила, а с ней менты... простите – милиционеры в штатском.

– Откуда знаете, что менты?

– Петровна сказала. Паспортистка. Она регулярно захаживает проверять книгу регистрации, а менты проводят рейд по нелегалам. Расспрашивали меня про жильцов. Я об вас молчок! Сергей Давидович наказал.

– Долго были?

– Минут двадцать. Петровна быстро управилась, а сосунок в штатском меня задолбал! Тиранил лекцией о паспортном режиме.

– Где?

– Тут в беседке. С ним двое юнцов были. По двору шастали. Могли к вам в комнату залезть. Я показала, где ключи висят. Вот гады! Завтра пойду к начальнику паспортного стола! Такой гембель устрою! Хоть ничего не пропало?

– Вещи на месте и ходить никуда не надо. Я переговорю с Сергеем Давидовичем.

Отпустив хозяйку, прихватил из комнаты туалетные принадлежности и отправился к умывальнику. Предполагал, что Нюра изыщет повод выйти на переговоры и не ошибся.

– Теперь вы под присмотром, – из-за куста прошептал помощник. – Про ментов знаю. Уверен, что приходили из-за вас.

– Разберемся. Кстати, я под тройным присмотром. Добавилась местная наружка. Имей это в виду. Спасибо за коробок и бутылку!

– Ерунда. Вы в курсе, от кого и за что получил Недоходов поллитру?

– За какую-то халтуру по месту работы. От кого не ведаю.

– Я тоже. Знаю, за что именно с ним расплатились. Доход армянину похвастался, пока не потух. Какие-то крутельки приехали в Лески. Попросили припарковать на базе джип, а заодно помыть.

– Задешево отделались.

– Стольник сверху подогнали. Стал бы Недоходов за флакон корячиться. Ладно, пойду я.

– Погоди! Вы точно молодожены?

– Ступайте отдыхать, Сергей Иванович. Дело сделаем – раскрою тайну.

Той ночью я дрыхнул без задних ног.

Глава четвертая

БОКАЛ

Пробудившись без четверти шесть, ощутил приток сил с пополнением резервов оптимизма. Понял, что сызнова уснуть не удастся и засобирался на прогулку. Пока не так жарко.

Бодрость духа укреплялась личностным фактором, не позволявшим растратить за пару минут суточный запас энергии. Речь о состоянии внутреннего эфира, который виделся чистым, словно горный хрусталь. К сожалению, не всегда так бывает.

Порой проснется индивид отдохнувшим, потянется в постели и призадумается – стоит ли пыхтеть на утренней пробежке, иль отдать предпочтение прохладному душу? Одновременно может пробудиться так называемый внутренний червячок, проявления которого у каждого персональные. У

кого-то – тлеющие издавна обиды и невысказанные претензии. Кто-то ожесточился на олигархов и руководителей страны из-за растущих цен и тарифов. Возможно, даже испытывает тремор из-за потенциального захвата земли пришельцами.

Червячок приступает к сверлильно-бурильной работе, и запас дневной энергии стремительно утекает в образовавшийся жупел. В итоге, добравшись до места работы или учебы, человек уподобляется дырявому воздушному шарик, из которого улетучился воздух.

«Утренние часы располагают к раздумьям, – констатировал, выйдя за калитку. – Насущные проблемы еще не оседлали руководящее кресло в аналитическом отделе мозга. Так пусть же главенствуют воспоминания, не угнетающие приподнятый настрой!».

Шествуя по знакомым с детства улочкам и проулкам, я наблюдал за собой, как бы со стороны и безмолвно подтрунивал над мальчишеским задором:

«Вроде бы солидный дядька, а не может приструнить распирающее изнутри ребячество. Едва сдерживается, чтобы не махнуть через забор за персиками! И махнул бы, если бы не ранние курортники, марширующие растянутым строем на пляж».

Припомнил, как с раннего детства родители прививали дитяти любовь к морскому омовению спозаранку. Папа ни

свет, ни заря убегал в столовку занимать очередь, а мама хватала меня в охапку и мчалась на пляж, чтобы успеть расстелить полотенца поближе к воде. Вскоре весь берег пестрил простынями и ковриками, а пробираться к морю доводилось узкими стежками, обжигая босые ноги в раскаленном песке.

Захотелось пройтись знакомым с детства маршрутом, проложенным не напрямик, а через десятую станцию Фонтана. Манило особое место – поворот Ванного переуллка на улицу Ляпидевского, откуда море видится издалека.

Раньше я всегда добежал сюда первым, чтобы уведомить родителей или прародителей, к чему им следует подготовиться. Коль на море штиль, то состоится заплыв на пару с дедом к волнорезу для сбора мидий. А вечером – готовка на костре знаменитого черноморского плова с морепродуктами.

Если же море вздыблено волнами с пенными бурунчиками – предкам можно было посочувствовать. Особенно маме и бабушке. Никакими ухищрениями не удавалось выловить малолетнего ныряльщика из воды хоть на пару минут.

– Ты уже синий, как пуп! – вопила бабушка, выманивая меня на берег литровой банкой с варениками.

Остановившись на заветном пяточке, убедился, что море спокойное и мечтательно помыслил:

«Занесло ж меня в дебри воспоминаний с утра порань-

ше! Ну и что? Нельзя же сутками думать о деле. Море манит! Полный штиль. Еще бы денек выдался таким же спокойным».

Купальщиков и любителей утреннего загара оказалось не много. Зато рыбаков на пирсах и волнорезах – пруд пруди. Шаланд и яхт на морской глади я насчитал больше десятка.

Выйдя на берег, наполнил легкие пьянящим воздухом с примесью аромата прелых водорослей.

«Испытанный природный релаксант для моей Оли, – поностальгировал улыбаясь. – Жаль, нет ее рядом. Обычно наплавается, надышится дурманом, а потом заявляет, дескать, наотдыхалась – пора уезжать. В шутку конечно».

Искупавшись, побродил босиком по бетонному пирсу. Позаглядывал в рыбацкие ведерки с утренним уловом.

Возникла идея о завтраке. Непостижимым образом посыл докатился до Сиреновой рощи и возвратился, преобразовавшись в телефонный звонок. Приняв вызов, услышал знакомый голос послушника Даниила:

– Утро доброе! Батюшка ожидает к завтраку. Авто прибудет за вами к восьми.

– Отличненько. Обожду возле фонтана «Похищение Европы».

Ускорившись, протрусил до временного приюта.

Приоделся и, заметив в беседке Пашину макушку – побрел на запах свежесваренного кофе.

– Какие будут директивы? – осведомился помощник, кивнув на парующую кастрюльку. – Хлебните горяченького. Дашка только заварила. Щас бутерброды принесет.

– От кофе не откажусь, а позавтракаю в монастыре. К восьми скрытно сопроводите до быка. Хвостов должно прибавиться.

– Уже срисовали. Бойцы пытаются отфильтровать, где свои – где чужие.

– Пусть на рожон не лезут. Сбор информации и только. Потом проанализируем.

– Окей. Даша вас проводит.

На углу Фонтанской дороги приостановился и огляделся. Позади на предупредительном расстоянии семенила рыжеволосая девчушка с объемными кулками в руках. Как видно направлялась к мусорным бакам, расставленным вдоль забора за поворотом. Оттуда просматривался сквер с фонтаном, километровый отрезок трамвайных путей и обе остановки.

Возле фонтана еще разок осмотрелся. Обратил внимание на двух юнцов в модных спортивных костюмах. Сидя на бетонном парапете, они негромко переговаривались. Чуть поодаль стоял новехонький скутер с рифлеными покрывками на миниатюрных колесах.

«Похоже, контрнаблюдение, – предположил, спрятавшись в тень. – Конспирация подобающая. Вот и монастырский бус подруливает».

Молодязев первым добрался до Сиреновой рощи и успел приступить к трапезе. На пару с Батоном они расположились в леске за столом, уставленным глиняными мисками и расписными чашками. Аппетитно пахло салатом из свежих овощей, картофельным пюре и рыбными котлетами.

– Остыло уже, – завидев гостя, проворчал Саечкин. – Садись, заправляйся поплотнее, ибо путь тебе предстоит неблизкий.

– Во-во! – подхватил Репа. – Братия постановила командировать Кучера в Скадовск. Сам же давеча заикнулся.

Обалдевши от известия, промямлил:

– Благодарствую за оказанное доверие. Лишний раз убеждаюсь, что инициатива наказуема.

– Зато с Бокалом повидеаешься. Его преосвященство любезно предоставил карету до Николаева.

– Очень остроумно, ваше высокодурство! – парировал Сан Саныч.

– Не дуйся! Я ж по-свойски, – оправдался Юрий Всеволодович. – Прямо пошутить нельзя. Неужто обиделся, отче?

– На обиженных кадила падают, сын мой.

Я перестал жевать и поинтересовался:

– Как такое возможно?

– Элементарно, Ватсон, – растолковал Батон. – Самолично созерцал картину маслом! Диакон с кадилом храм обхо-

дил и вдруг обрывается цепь. Тыдыщ!! Толстому дядьке прямо по кумполу. Он так обрадовался! Битый час крестился, а потом похвастал, что благодаря гематоме на темечке простил теще все ее козни.

– Может, меня кадилом оприходуешь? – попросил Молодязев. – Пора кое-чего из бестолковки повытряхивать.

– Нет проблем. Только сначала потормоши следователя, чтоб Дохода вызволил. Опасаюсь, как бы мозги у Леньки не поплавились.

– Скоро освободят. Давидович ждет заключения экспертизы по остаткам водки. Пообещали до вечера накрапать. Постановление об изменении меры пресечения уже готово. Со спичками проблема. Прокуратор серийную версию напроць отмел. Буратино стоеросовый!

– Никуда не денется, – заверил я и выказал согласие с предстоящей командировкой. – В Скадовск, так в Скадовск! Раздобуду улику, тогда прокурор согласится объединить эпизоды. По логике Летописца, если Вишенцеву первому подкинули коробок, то в нем должно быть восемь спичек и обломок. Получится, что в черном списке чистильщика девять человек с Вишней во главе.

– Почему ты отморозка чистильщиком обозвал? Он же Дохода не грохнул, – пробурчал Репа. – Жена помешала, что ли?

– Скорее всего, – ответил вместо меня Саечкин и подстегнул. – Позже докумекаем. Карета ждет! Поспешай, Слон! Ду-

шегуб нас на несколько шагов опережает.

– Я готов, только заскочу по дороге в апартаменты. Сумку с бельишком прихвачу и бодигардов предупрежу о командировке.

– Меня до центра подбросите, – засобирался Юрий Всеволодович.

– С Богом! – Саечкин поочередно нас перекрестил.

Белобрысый парнишка-водитель умело правил монастырским бусом, демонстрируя завидное спокойствие. Битый час прорывался сквозь транспортные заторы до Куликовского поля. На углу Преображенской и Малой Арнаутской притормозил по просьбе Молодязева.

– Бокалу привет и не вздумайте там расслабляться! – наставлял на прощанье Репа. – Чую, смерть комвзвода таки впишется в нашу серию, и продолжение последует – типун мне на язык! Ладно, бывай!

До Николаева домчали за два часа с небольшим. В дороге я успел подремать и припомнить былое.

После вступительных экзаменов новоиспеченные курсанты взялись за учебу. Курс был поделен на взводы, а взводы – на отделения. Командиром нашего первого взвода назначи-

ли Вову Вишенцева. Многим казалось, что неказистый деревенский паренек, отслуживший срочную службу в стройбате, не дотягивает до руководящей должности. Прежде всего, из-за чувства юмора, которое прихрамывало на обе ноги. Оттого на первых порах Вишне пришлось несладко, ведь большинство подчиненных были одесситами. Но вскоре ситуация изменилась – всего за один семестр он сумел добиться всестороннего признания и расположения.

Не обращал внимания на юморные подколки, не психовал, не обижался. Если надо – просил о помощи, не опасаясь потерять авторитет. Доказал конкретными делами, что генетически наделен навыками военачальника, за что удостоился почетного звания «отец-командир».

Вишенцев мог виртуозно навесить лапшу на уши, отстаивая подчиненных, но срывался и выходил из себя, когда ему врали. Особенно, если неумело и нагло. Нерадивые курсанты оказывались в списке неблагонадежных, лишаясь права на согласованные с комвзвода самоволки и прочие неуставные мероприятия.

– Уставы писаны для разгильдяев, – любил повторять Вишня. – Не хотите по-людски – будете жить по уставу.

Денно и ночью он являл собой образец внешнего вида – наутюжен, подстрижен, безупречно выбрит. Подтянут и осанист, как придворный гренадер, но только когда облачен в милицейскую форму. В несуразно сидевшей гражданской одежде Вова казался блеклым и немодным. Без изюминки что

ли.

У прочих сокурсников наблюдалась обратная тенденция. Многие обожали приодеться по тогдашней совковой моде. Рассекали по городу в расклешенных слаксах или джинсах, цветастых рубашках и плечистых пиджаках с накладными карманами. Выхвалялись итальянскими туфлями на высоких каблуках, купленными у бессарабских смуглянок на Привозе.

Будущие сыщики предвзято относились к милицейскому обмундированию и уставному внешнему виду, а преподаватели всячески боролись с модными веяниями, хотя и безрезультатно. Науськивали младших командиров, а те повиновались, но завуалированно саботировали наказания.

Однажды на утреннем построении Вишенцев объяснялся перед начальником курса:

– Одембелели, товарищ полковник! Не буду же я их сильно стричь?! Побьют!!

Преподы грозились снижать оценки за длинные прически, ссылаясь на требование замполита школы, но дальше угроз дело не шло.

Следует заметить, что с преподавательским составом нам здорово подфартило. В прошлом большинство из них служили в оперативных подразделениях. То есть были окопными практиками, как принято выражаться.

Начальник курса Антон Петрович Новохатов слыл легендарным одесским опером по линии ОБХСС (отдел борьбы

с хищениями социалистической собственности) времен хрущевской оттепели. Вероятно, поэтому считал себя непревзойденным психологом и физиономистом. Практически все курсантские прозвища устоялись с легкой руки Новохатова вследствие метких юморных характеристик.

– Позывной – дело привычное для сыскарей, – разъяснял он на собрании курса.

– Мы, прям, как урки! – возмутился кто-то из ретивых комсомольцев. – Клички, нецензурщина, воровская феня!

– Привыкайте, сынки! – урезонивал бывалый опер. – Получите эполеты и окажетесь с уркаганами на одном толковище, только по разные стороны баррикад. Клички сыщикам потребны для дела. Удобно в общении и показательно, типа сжатой характеристики. На передовой или в тылу неприятеля без позывного тяжело управлять ситуацией. Главное, чтобы погоняло соответствовало конкретной персоне.

Новохатов был вне конкуренции по искрометным наброскам психологических портретов. Однажды на построении курса он охарактеризовал на одном дыхании дюжину курсантов:

– Я опер по сути, а не по должности. Оттого ведаю, где у каждого из вас припрятан секретный тумблер. С его помощью можно легко вывести из душевного равновесия, только для каждого потребен определенный временной зазор. Вишенцева могу взбесить одним взглядом. На Молодыева и Зимбера уйдет три-четыре минуты словесных пререканий.

С Бокальчуком и Недоходовым придется попотеть – минут семь. С Кучером – семь с половиной. Но!! От одного только вида курсанта Саечкина я выхожу из себя молниеносно!

Хохотали мы тогда до слез.

Своим позывным я тоже обязан Новохатову. Сдружившись на первом курсе с крымчанином Сашей Кухаренко, мы пристрастились к прогулкам по старой Одессе в свободное от учебы время. То есть в экстренных случаях нас вряд ли могли застать в расположении школы.

– Где эта вечно слоняющаяся парочка?! – негодовал начальник курса во время тревожного построения.

В итоге ко мне прилепилось погоняло Слон от слова слоняться, а Кухаренко нарекли Слоником из-за меньшей комплекции.

Монастырская «карета» доставила седока к центральному автовокзалу Николаева.

Размеры постройки и вычурный фасад впечатлили несоответствием. Стиль зодчества отвечал эпохе развитого социализма, а размах свидетельствовал о возведении объекта в честь какой-то немаловажной совковой даты. Вот только завершенность подкачала – или времени не хватило или стройматериалы растащили. Как бы там ни было, но вышло, как в футболе – разбег на рубль, а удар на копейку.

Проводил удрученным взглядом бусик и остался один-одинешенек посреди людной площади. Бесспорно, отдавая отчет, что одиночество – всего лишь иллюзия. Как выяснилось позже, в ту самую минуту объект наблюдения, то бишь меня, «тащили» три группы сопровождения, не связанные между собой.

Далее предписывалось созвониться с Нюрой.

– Стойте, где стоите, – деловито распорядился помощник. – Ничему не удивляйтесь и на время забудьте, что бывший мент.

– Бывших не бывает, – парировал в ответ.

Сунул мобилку в карман и помыслил, предвкушая изумление:

«Умнейшие мужики придумали сотовую связь! Я в Николаеве, Нюра загорает на «Чайке», а такое впечатление, будто стоит неподалеку за углом. Интересно, с какой стати я должен временно потерять память? Похоже, скоро узнаю».

Невдалеке проскрипел рифлеными крышками джип «Тойота Прадо». Не успела серебристая махина застопорить ход, как из утробы выкатилась троица богатырей в модных костюмах при галстуках. Изнывая от жары, геркулесы с бритыми затылками и помятыми ушами осмотрелись поверх солнцезащитных очков, после чего самый верткий подгреб ко мне.

– Проследуйте за мной, Сергей Иванович, – прогудел, кивая на джип. – Мы от Вадима Федоровича.

Сопроводил к машине и указал на место рядом с водителем. Сам затиснулся вместе с братками на заднее сидение.

Около получаса кроссовер колесил по незнакомым улочкам областного центра. Затем городской ландшафт изменился и стал напоминать центральную улицу небедного села. С обеих сторон потянулись глухие каменные и кирпичные заборы, за которыми виднелись фасады особняков, напоминавшие хижины имущих одесситов на улице Красных зорь.

Не сбавляя скорости «Прадо» вкатился сквозь распахнутые ворота во двор трехэтажного коттеджа и лихо тормознул у помпезного крыльца.

На верхней ступени стоял Вадим Федорович Бокальчук и улыбочиво шурился, приглаживая вздыбившуюся на ветру седую шевелюру. Белоснежная рубашка и брюки с молочным отливом контрастировали с загорелой физией, но вполне соответствовали упитанному облику народного избранника областного масштаба.

Повстречав Бокала на многолюдной улице, я, бесспорно, признал бы близкого по духу сотоварища. Невзирая на то, что от молодцеватой подтянутости мало что осталось.

– Надо же кто к нам пожаловал! Пан отставной полковник! – джазовым баском пропел Вадим. – Однако наел корпуленцию!

– Ты тоже не балерун, – ответил, преодолев дюжину гранитных ступеней.

Бокальчук подал руку и, притянув к себе, заключил в ра-

душные депутатские объятия. Закачался, словно боец сумо, приговаривая:

– Здорова, Кучер! Как я рад тебя видеть!

– Сжался! Не от жары, так от радушия загнусь.

– Подумаешь, неженка! Ладно, живи, – разжав захват, он отступил на шаг.

Мне же бросилась в глаза едва заметная скованность жестов, присущая скрытой нервозности. Но тут же вспомнилась одна из знаменитых бокальчуковских аксиом о том, что анализировать настроение кого-либо без понимания причины и с позиции высокомерия чревато накоплению желчи и предвзятости.

Тем временем Вадим распахнул украшенную витражами входную дверь и первым шагнул за порог.

– Прошу в пристанище толстосума! – обронил с печальной усмешкой.

Оказавшись в просторном холле, обставленном добротной мебелью и вазонами с комнатными растениями, оглядел вычурный интерьер. Венецианская штукатурка, имитировавшая розовый мрамор, придавала гостиной вид торжественности. Оттого неуместно и гнетуще смотрелась коллекция причудливых масок из глины и дерева, занимавшая дальний угол с камином. Личины с выпученными глазами и перекошенными ртами изображали то ли божков ацтеков и майя, то ли кровожадных духов африканских племен.

«Раньше не замечал за Вадимом подобного пристра-

стия, – подумалось мимолетно. – Он зачитывался книгами по кинологии, но на первом месте всегда была музыка. В основном классическая. Еще до службы в армии закончил музучилище. За показной жесткостью угадывалась романтичность натуры. Категоричность казалась наигранной, но считалась неотъемлемой чертой сыскного норова».

Бокал уместился в глубоком кресле, указав гостю на диван, обитый мягкой кофейной кожей. Сходу лимитировал встречу, глядя на каминные ходики:

– Выкроил полтора часа. Маловато, конечно, но отобедать успеем. Заодно кое о чем перетрем. Стол скоро накроют. Поднимайся на второй этаж – первая дверь справа. Там душ, туалет и все такое. Сделаю пару звонков и позову.

После визита в ванную комнату, я коротал время, стоя возле окна. Внизу раскинулся сад с ухоженными фруктовыми деревьями и аккуратными клумбами. Меж ними – резная альтанка под черепичной крышей в китайском стиле. Внутри двое крепышей в белых перчатках и длинных фартуках сервировали обеденный стол.

«Обслуга и охрана как у Вито Карлеоне! Небось, электроники кругом понатыкано, – констатировал, припомнив хобби Бокальчука. – Где же овчарки? Наверное, не может себе позволить ввиду занятости. Домашнему питомцу нужен уход и постоянное внимание, а человеческое тепло развивает повадки преданного друга. Потому не пожелал использо-

вать псин в качестве сторожей. Другое дело в ментовке...».

Вспомнилась ситуация, когда служебно-розыскная собака участвовала в задержании вооруженного бандита и сыграла роль координатора.

Гангстерская оказия с потешной развязкой случилась на закате эпохи совка.

Служба наружного наблюдения, именуемая в народе топтунами, какое-то время «тащила» опасного рецидивиста, совершившего вооруженный разбой. Недавно освободившийся отморозок подстрелил милиционера отдела охраны во время неудавшегося налета на магазин. После чего скрылся.

Личность разбойника установили и дознались, что оружие при себе он не носит. Потому пустили «хвост» с целью раз-
узнать, где припрятан пистолет.

Тайник обнаружили на чердаке пятиэтажной хрущевки в центре Печерска, где в квартире на верхнем этаже обитала беременная сожительница рецидивиста с мамой. Топтунам оставалось дожидаться, пока он заберет с чердака ствол, чтобы поймать с поличным.

Так и вышло, но опытному бандюгану удалось оторваться от преследования и запереться в квартире.

Начались переговоры, в ходе которых он заявил, что сородичей взял в заложники, потребовал автомобиль и пол-

ста тысяч советских рублей. Сотрудники наружки запросили подмогу из местного райуправления.

Тогда в системе МВД не было отрядов особого назначения, а тем более – штурмовых антитеррористических подразделений. В экстренных случаях функции милицейского спецназа возлагались на личный состав районных управлений. В оружейной комнате РУВД хранились комплекты специального снаряжения, рассчитанные на пятерых смельчаков. Дежурный офицер экипировал первых попавшихся под руку сотрудников, формировал группу захвата, назначал командира и посылал на место происшествия.

В комплект амуниции входили: стальная армейская каска, неподъемный титановый бронежилет и автомат Калашникова калибра 5,45 мм.

По-видимому, разработчики бронежилета были уверены, что в милиции служат исключительно атлеты. Потому и сварили неподъемную сорокакилограммовую жилетку, в которой среднестатистическому правоохранителю удавалось передвигаться разве что на четвереньках. Присесть вообще не мог, равно, как втиснуться в кабину милицейского уазика. Единичным уникамам удавалось простоять в доспехах целых десять минут.

В тот день я допоздна засиделся в кабинете. Собрался домой, но был пойман дежурным и назначен старшим группы захвата, сформированной из четверых сотрудников, входивших в состав суточного наряда.

Свалив снаряжение в задний отсек уазика, мы помчались на адрес. По прибытию экипировались и с одышкой вылезли на верхний этаж.

Двух молодых милиционеров и водителя Палыча я оставил внизу, наблюдать за окнами и контролировать вход в подъезд. Сам же возглавил штурмовую группу в составе дежурного сыщика Пети-афганца и прапорщика Вовы-баяниста с позывным Цицерон.

На пару с Петей мы заблокировали входную дверь в квартиру с заложниками, а Вова занял позицию прикрытия в пролете между этажами.

Рецидивист истерично вопил за дверью, матерился и угрожал всех завалить. Соседи по лестничной клетке стыдили негодя и уговаривали сдаться. Мы не участвовали в полунощных дебатах, дожидаясь подкрепления – группы захвата из главка.

Следует отметить, что управленцы были экипированы получше «окопных» ментов. Вместо касок вороненые стальные шлемы с зарешеченными забралами, облегченные бронежилеты вместо титановых доспехов. Пистолеты-пулеметы системы Стечкина и пуленепробиваемые щиты, похожие на рыцарские.

Прибывшие на подмогу штурмовики походили не то на водолазов-глубоководников, не то на космических сварщиков.

Двое, прикрывшись щитами, встали рядом с Вовой и на-

целили автоматы на дверь злополучной квартиры. В результате мы с Петей оказались на линии огня.

– Капец! – констатировал ветеран афганской войны.

В наступившей тишине послышалось учащенное дыхание немаленькой псины. Тут же вспомнилась финальная сцена на болотах из романа Артура Конан Дойла «Собака Баскервилей». Спустя минуту, возле ног Вовы-гармониста примостилась здоровенная немецкая овчарка по кличке Занда – гарнизонная знаменитость и гроза бандюганов.

Нелишним будет пояснить, за какие заслуги прапорщик Вова удостоился чуждому для советского милиционера прозвищу Цицерон. Во-первых, за громозвучный баритон с хрипотцой и навык быстроговорения. Во-вторых – уроженец черниговской глубинки славился неподражаемой манерой витиевато и непонятно выражаться. В долгие тирады, сдобренные ненормативной лексикой, он вставлял выдуманные словечки, напоминавшие то ли германский, то ли белорусский говор.

До момента появления Занды я понятия не имел, что Цицерон боится собак. Поначалу он превратился в статую с гипсовой физией и выпученными глазищами, устремленными вдаль. Спустя минуту изваяние затряслось, отчего громоздкая амуниция залязгала и заскрипела, словно конская упряжь.

– Да ну его на...! – завопил прапорщик и взмыл вверх по лестнице.

Я чудом успел оттолкнуть афганца к соседской двери и прижаться к стене. Вова пронесся мимо и в одиночку обезвредил бандита.

Зачинщик смуты был придавлен снесенной дверью, на которой гарцевал Цицерон, будто серфингист на гребне волны. Оба изрыгали отборные ругательства, отчего прибежавшая следом овчарка остолбенела, задергала ушами и жалобно закулила.

Казалось, операция успешно завершена. Преступник обезврежен, пистолет изъят, заложники в полуобморочном состоянии переданы на попечение бригады скорой помощи. Подоспевшая следственная группа приступила к осмотру места происшествия, а Вова оккупировал ванную комнату и, свалив амуницию на пол, обливался холодной водой.

Да не тут-то было!

Внезапно с треском и звоном разлетелась вдребезги оконная рама в гостиной. Карниз с портъерами обрушился на пол, будто открылся занавес перед началом второго акта. В комнату влетел вооруженный до зубов супермен, отстегнул страховочный трос и плашмя грохнулся на паркет. Подхватился, скинул автомат и заорал:

– Руки вверх! Сдавайтесь!!

– Свои!! Придурок! Пошел вон! – завопили в ответ присутствующие и заметались в поисках укромных мест.

Позже выяснилось, что специально обученный штурмовик из главка был подвешен за окном на альпинистском сна-

ряжении и рискнул автономно пойти на штурм, не дождав-
шись команды.

После акробатического фортеля докторам прибавилось
работенки, а Цицерону представилась возможность подтвер-
дить точность позывного. Сдабривая монолог неслыханны-
ми эпитетами, он доходчиво втолковал горе эквилибристу и
его командиру – кто они такие, куда им следует идти и где
демонстрировать цирковые трюки.

«Надо бы Вадиму рассказать про Занду, – помыслил, уви-
дев, как он заходит в альтанку. – Поляна, видно, накрыта.
Сейчас и гостя позовут».

Тут же раздался стук в дверь.

– Вадим Федорович ожидает в саду, – известил знакомый
баритон.

Прихватив сумку, я сошел в гостиную и поспешил за ат-
летом из джипа.

Спустившись с крыльца, мы повернули за угол и просле-
довали к альтанке. Сидевший за столом Бокальчук заулыбав-
шись, привстал.

– Располагайся, бродяга, – пригласил и, посерьезнев, по-
тянулся к глиняному кувшину. – Первым делом помянем на-
ших. Вино домашнее, хоть и жарко, но по чуть-чуть не на-
вредит.

Молча выпили и закусили, после чего я насмелился похвалить депутатское обиталище:

– Шикарный дворец. Главное, уютный. Семейный очаг для грядущих поколений.

Бокал криво усмехнулся и подметил:

– Отгроханный на честно заработанные гроши, чтоб ты знал! Насчет уюта не согласен. Пусто до омерзения. На пару с женой обретаемся, но чаще – я один.

– Зато прислуги полон двор.

– Подтруниваешь? Давай-давай! Критику уважаю и заслуживаю. Особенно в последнее время.

Не желая того я угодил в десятку. За видимой успешностью и занятостью он пытался скрыть наболевшее житейское неудобство.

«Причина пока непонятна, – прикинул в уме. – Похоже, Вадим решается выговориться. Вот и нечего торопить события».

Бокал зыркнул исподлобья и проворчал:

– Просканировал депутатское нутро? Каков результат?

– В целом нормально.

– Не юли! Друг называется! Хотя ты прав – на поверхности все путем. Работы выше крыши, от деловых базаров язык пухнет. На пересуды с родичами и друзьями не остается ни сил, ни желания. Благоверная запилила. Плюнула и укатила в город к дочке – с внуком нянчится. Сын за кордоном бизнес налаживает.

– У меня нечто похожее...

– Знаю. Наводил справки еще до ареста Недоходова. Была нужда да рассосалась. Потом как-нибудь расскажу.

Я закивал, не удивившись и тем более не обеспокоившись. Бокальчук слыл толковым и честным опером. Не опускался до жульничества и нечистых комбинаций. Правда, давненько покинул розыскную ниву, а причиной увольнения стал конфликт с руководством местной прокуратуры.

– Могли понадобиться твои связи на Банковой, – продолжал слуга народа. – В последний момент все устаканилось. Ну а как оно на гражданке? Хватает на жизнь?

– Порядок. Без дела не сижу, – ответил, налегая на борщ. – Не бедствую, но за командировочные благодарен. За Ньюру отдельное мерси! Где только выискиваешь таких самородков?

– Сами меня находят. Желают, чтоб направил в верное русло. Павел – сын моего близкого друга, ныне покойного. Не скрою, повозиться с пацанчиком пришлось. На травке конкретно сидел, но совместно управились. Ты там присматривай. Пашка мне как сын.

– Заметано. Покамест он за мной присматривает не хуже профессионального бодигарда. Поведай лучше, что обо всем этом думаешь.

– Легко. Сначала расскажу предысторию, – согласился Вадим, наполняя вином пиалы. – В последнее время я зачастил нырять в субъективное нутро. Раньше наблюдал за собой, но

как-то поверхностно. Теперь будто глаза поменяли. По-иному все видится. Обнаружил на поверхности небывалый пофигизм к людям. Даже к родным и близким. Наверное, деньги и власть слепили из меня чурбана. Но если что не по мне – взрываюсь будто фугас. Ты знаешь, я человек прямой и требовательный. Люблю, чтобы было по-бокальчуковски! Если же люди так не могут – швыряюсь ими направо и налево. Типа незаменимых нет. Лузеров презираю до ненависти. Я ведь первым узнал про халепу, в которую угодил Доход. Знаешь, о чем подумал сходу? Так ему и надо! Добухался, пьянь подзаборная! Жену сгубил и себя заодно.

– Но ведь помог...

– Из важности! Все знают, что Бокал наделен властью и возможностями. А я себе прикидываю, что зауважают пуще прежнего. Как тебе такое?!

– Сам же поймал себя за хвост. Значит, встал на путь исправления.

– Только сдвигов не наблюдается. Ярлыки на людей, будто сами навешиваются. Будто шепчет кто-то – этот дурак, каких свет не видел, тот вообще тормоз по жизни. Кипит мой разум возмущенный! Вконец вымотало высокомерие. Родичам геноцид учинил. Детишки подросли и радостно скачут оттого, что живут отдельно. Супруга туда же. Дразнит меня саквояжем без ручки – тащить тяжело, а бросить жалко.

– Как по мне – ты элементарно вымотался, потому сгущаешь краски.

Вадим хохотнул и пробормотал:

– Не старайся – адвокат из Кучера никудышний. Я ведь тебе помогаю, дабы не оплошать в глазах дружанов. Не замарать депутатский мундир. Сечешь, какова мотивация? Где же пресловутое чувство локтя?! О дружбе только разглагольствуем!

– Сан Саныча бы сюда, – осторожно подметил, глядя в сторону. – Батон подобрал бы нужные слова.

– Посещала идея к нему податься, – признался собеседник. – Всячески оттягивал мероприятие, пока не объявился альтернативный знахарь. Прививочку вколол от вшивости. Укольчик в задницу от самовлюбленности. Короче получил я намедни письмецо с угрозами.

– Эка невидаль! Тебе ли привыкать?! Бронированный джип и взвод охраны не для профилактики держишь.

– Наблюдательный. Только угрозы знахаря оказались покруче бандитских разборок. Зацени, полковник!

С ловкостью карманника-щипача он выудил из кармана рубахи сложенный лист бумаги. Потряс, разворачивая, и продемонстрировал до боли знакомый рисунок.

От увиденного я едва не поперхнулся, глаза округлились, а вверх по спине промчалась свора гадких мурашек. Перестроившись боевым порядком, они вскарабкались на голову, рассредоточились и вздыбили короткостриженные волосы.

С примятого офисного листа пялился олимпийский мишка – ехидно скалился и глумливо шурился.

– Точно дебильная улыбка, – только и смог выговорить.

– Вчера получил по электронной почте, – разъяснил Вадим. – Нюра заранее отсемафорил про черные метки в виде спичек, потому я в курсе. Можешь представить, что ощутил, увидев это?! Поджилки до сих пор трясутся. Вчера в истерике грохнул о стену хрустальную статуэтку олимпийского медведя.

– Московский сувенир? Жаль! Столько за ними выбегали. Мой пока цел.

– Вернешься – кокнешь! Чую после этого дела нас всех отвернет от олимпийской символики. Лично у меня пофигизм враз рассосался!

– Видишь?! Во всем можно разглядеть положительные стороны.

Бокальчук потрянул шевелюрой и поднял пиалу.

– Точно! Нам не привыкать! За то и выпьем. Завтра же отправлю супругу к сыну за кордон. Зятя отозвал из командировки, чтобы эвакуировал куда-нибудь дочку с внуком. Тачку и охрану ты видел.

– Значит, полный ажур? Готов дать отпор маньяку!

– Будь уверен! Только переживаю, чтобы ничего со мной не случилось именно теперь. Замутил я проект – дело всей жизни! Если выгорит, то приберу к рукам практически весь турбизнес на черноморском побережье. Прикинь?!

От услышанного екнуло сердце. Передо мной снова сидел заносчивый бизнесмен и депутат, стремившийся удержаться

в привычной для себя колее.

Попутно мелькнула полубредовая мыслишка:

«Что если вся эта медвежья катавасия нацелена на Бокальчука? Тогда причем Доход и Костюченко? Абракадабра какая-то! Небошь, от вина и жары сумбур в голове».

Неожиданно запиликал один из трех смартфонов, лежавших перед Вадимом на столе. Прижав к уху, он с минуту молчал, потом поморщился и матерно забубнил:

– Да... я их знаю. Нет... нормальные пацаны... не надо протоколов! Езжай, забери их, Репа! И мотык пусть вернут. Спасибо! С меня кабак, – отложил телефон и потянулся за графином.

Я успел перевернуть свою пиалу, предположив:

– Пашину наружку повязали? Не беда. Извини, но пить больше не буду.

– Как знаешь. Да, захомутали пацанчиков. Самчуковские топтуны постарались.

Запиликал другой его телефон, и переговоры возобновились:

– Да... это мои! Издеваешься, Шура?! Под меня копаешь?! Дай команду, чтоб отпустили! Пусть едут напрямик сюда... премиальные выдам! – сбросил вызов, нервно хохотнув. – Проф до Николаева добрался. Мало не покажется! Прикинь, повязали моих орлов прямо под домом! Они прикрывали джип, на котором тебя привезли, а самчуковцам привиделось, будто засекли вражеский хвост. Короче дур-

дом!

– Ни фиги себе! У Профа длинный щупальца! – наряду с изумлением я польстился вниманием и опекой. – Однако у меня эскорт! Шура держит слово. В принципе мало что поменялось. Стреножили, да не тех.

– Все что не делается – к лучшему, – взбодрился Бокал. – Хоть и не попались недруги, зато убедились, с кем имеют дело! Посему предлагаю закругляться. Покуда они в ступоре, успеете выехать из города. Даю в сопровождение лучших бойцов. В Скадовске будете до полуночи. Переночуете на нашей базе, а поутру – за дело. Местные подмогут.

– В каком смысле?

– Нюра не единственный, кого я направил на путь истинный. Завтра узнаешь.

В очередной раз запиликал и заерзал по столу увесистый смартфон Бокальчука. Он опасливо покосился на экран и заулыбался:

– Какие люди?! Пан Юнкер!! – восторжествовал, приняв вызов. – Здравия желаю! Угадал – Кучер у меня! Шашлык доедает...

□□□

На протяжении учебы Виктор Иванович Черноух исправно выполнял обязанности заместителя командира нашего олимпийского взвода. Денно и ночью был правой и левой

рукой Вовы Вишенцева.

Оба заявили на вступительные экзамены в дембельском обмундировании. Только китель комвзвода украшали стройбатовские эмблемы, а на сержантских погонах Черноуха красовались гусеничные танчики. Улыбчивый усач восполнял недостаток роста высокими каблуками безупречно начищенных сапог, маскируя завитками бакенбардов юношеский румянец.

Форма сидела, словно влитая. В осанке и выверенных движениях угадывались щегольские манеры младших офицеров царской армии. Чем не юнкер?!

Ежели предстояло кого-то взгреть, усища замкомвзвода дыбились, бакенбарды круче завивались, а очи угрожающе выпучивались. С подобной миной он тужился отвечать на семинарских занятиях, особенно если нуждался в подсказке.

Черноуха уважали и любили за веселый нрав, рассудительность и покладистость. С Вишней у них получился тандем по типу – добрый и злой дознаватель. Правда, зачастую приходилось меняться ролями в зависимости от обстоятельств.

После выпуска Юнкер вернулся в родной Крым на должность инспектора уголовного розыска симферопольского главка. Через пару лет успешно сдал экзамены в академию МВД на заочное отделение. Мы изредка виделись в Киеве, и я не раз бывал в гостях у Черноухов, наведываясь на полуостров по служебным делам или во время отпуска.

Возглас Бокальчука прервал воспоминания:

– Извиняй, Витек – трубу Слону не дам! Сам перескажу. Он шибко поспешает в Скадовск. Выяснит все по Вишне, потом уже к тебе. Мои бойцы подвезут до Армянска – там и пересечетесь. Накануне созвонитесь. Бывай!

Отложил мобильник, перевернул пиалу и стал наполнять.

– Возражения не принимаются, – строго упредил. – На коня!

– Ладно, выпьем. Все равно командировка затягивается.

Неужто медведи в Крыму объявились?

– Пока нет, но... короче, Слоник пропал.

– Вот те раз! Нехорошо это.

– Поэтому я и сказал, что приедешь. Юнкер позвонил Летописцу, чтобы тот разместил на сайте информацию про Слоника, а Сеня все выложил. О медведях, о спичках, о твоей командировке.

– Может, Слоник загулял? Хотя, это нонсенс.

– Во-во! Саня еще тот аскет! Помнишь, как в школе штундой прозвали? Говорят, таким и остался. Жена позвонила Черноуху из Джанкоя. Истеричит, причитает, что благоверный вторую ночь дома не ночует. В жизни такого не было. До этого неделю ходил, как в воду опущенный. Юнкер все новости до кучи сложил и чуйка подсказала, что пахнет жа-

реным.

– Точно. Интуиция Черноуха еще не подводила, – невесело заключил я.

Заодно припомнил, как с первых дней учебы сдружился с толковым и немногословным крымчаком, получившим из-за меня прозвище Слоник.

После выпуска Саня получил назначение в родной Джанкой и с тех пор мы не виделись.

Однажды Юнкер упомянул, что Кухаренко вышел в отставку в звании подполковника. Руководил в Джанкое службой угрозыска по линии несовершеннолетних.

Хватило пары минут, чтобы распрощаться с Бокальчуком, не забыть сумку и уместиться в прохладном салоне «Прадо».

Менее чем за полчаса бронированная машина домчала до Херсонского шоссе. Я только подумывал вздремнуть, а водитель уже закладывал крутой поворот, выруливая на Скадовский тракт. Не сбавляя скорости, шел на обгон, оставляя позади бесконечные колонны неповоротливых фур и чадающих грузовиков. Изредка семафорил дальним светом или упреждал о маневре спецсигналом, напоминавшим утиное крыканье.

Я лишь опасливо косился на улыбчивого коренастого брюнета, который успел поведать, что за бесконфликтность и

веселый нрав коллеги по цеху нарекли его Лютиком. Позади на заднем сидении развалился долговязый жилистый блондин, назвавшийся непонятным погонялом Борила.

Броневик проносился мимо придорожных фермерских рынков, обустроенных в лесополосах или на кромках необозримых арбузно-дынных баштанов. Стройные ряды пирамидальных тополей тянулись за линию горизонта и будто растворялись в сиренево-бирюзовой дымке южных сумерек.

Совсем стемнело, когда миновали стелу с надписью: «Скадовск». Лютик ориентировался на местности и, убавив скорость, уверенно рулил по немногочисленным улочкам засыпающего городка.

Вскоре за окнами потянулись глухие заборы и кованые ограждения пансионатов и баз отдыха. Свернув с дороги, броневик уперся бампером в металлические ворота. Створки заскрипели, и казалось, нехотя разъехались в стороны.

Кроссовер прокатился по аллее, освещенной садовыми фонарями, и остановился у ступенчатого крыльца трехэтажного здания, напоминавшего санаторный корпус.

Поздних визитеров встретила статная дама с высокой прической. Услужливо распахнула стеклянную дверь, поздоровалась, как со старыми знакомыми и сопроводила на второй этаж. Расселила по разным комнатам и чинно удалилась.

Откуда не возьмись, навалилась усталость. Хватило сил умыться и доковылять до кровати. Уснул моментально, лишь

только уместил голову на жесткой шелестящей подушке.

Глава пятая

ЮНКЕР

Проснулся позднее обычного и позволил себе поваляться в казенной постели. Попутно разложил по мозговым ячейкам скопившиеся в анализаторе информационные файлы. В половине восьмого раздался стук в дверь.

– Побудка, Иваныч! Кличут завтракать, – прогудел Борила. – Ожидаем внизу.

По-военному собравшись, спустился в холл и поручкался с телохранителями. Тут же явилась распорядительница, встречавшая нас накануне, и проводила в безлюдный зал просторной столовой. С порога указала на единственный накрытый стол.

Я осмотрелся и подметил:

– Сезон в разгаре, а курортников не видно.

– Обстоятельства, – неохотно обронила дама.

– Вы, наверное, администратор?

– Вообще-то я директор. Заезда нет, и пока не предвидится. Российская турфирма выкупила все путевки и вдруг объявила о банкротстве.

– Ништяк! – резюмировал Лютик. – Главное, что бабосы отстегнули.

Пожелав приятного аппетита, немногословная руководи-

тельница удалилась, а спустя минуту стало слышно, как запекает кого-то на кухне.

– Шамаем и валим на точку. О прибытии я отсемафорил, – доложил Борила, тщательно протирая салфеткой не пользованную с виду вилку. – Стрелка в центре через сорок минут. Толковище проведем в точиле по-быстрячку. Сыскарь кипишует за лимит часу. Говорит, законники в кадык вцепились, головняк скликают.

Водитель кашлянул и сделал напарнику замечание:

– Фильтруй базар, Борила. Сергей Иваныч не врубается.

– Прошу пардон, журфаков не кончал, – стушевался верзила и надвинулся на Лютика. – Для кого-то может и Борила, а для тебя – Борис Николаевич. Как Ельцын. Вкурил?! Мечи пайку и сопи в две дырки!

– Тебя никто в конфуз не вводил! – раздухарился водила. – Неча батон крошить!

– Тихо ша! – прервал я светскую беседу. – Терки не к месту. Феню разумею. Тулите хоть на фарси, только без понтов.

Утренняя трапеза вскорости завершилась без бузы и выяснения отношений. Распрощавшись с директрисой, проводившей гостей до автостоянки – расселись по местам.

Спустя четверть часа Лютик зарулил на центральную площадь Скадовска. Борис Николаевич пробурчал с заднего сидения:

– Вишь у киоска зубило маячит канареечного цвета? Под-

катывай помалу. Оба на! Вот и начальник нарисовался.

Из ярко-желтого «опеля» неспешно выкарабкался здоровенный детина в просторной рубаше такого же окраса и потертых джинсах, облежавших накачанные ноги. Ручища с бугристыми бицепсами и трицепсами оканчивались увесистыми кулаками, а шаровидная бритая голова крепилась к покатым трапециям. По-юношески открытые черты лица слегка диссонировали с грозной наружностью, но возраст угадывался легко – не старше тридцати.

Здоровяк запрыгнул на заднее сидение и молча поручкался с Борилой. При этом бронированная махина чуток накренилась, а водила обернулся и беззлобно проворчал:

– Не развалите ласточку, Игорь Петрович!

– И тебе не хворать, – зычным тенором парировал визитер, подал мне пятерню и отрекомендовался. – Майор Иванов. Начальник местного угрозыска. Можно по имени. Располагаю тремя с половиной минутами. Поспешаю в прокуратуру на заслушивание.

– Полугодие закрываете? – блеснул в ответ компетентностью. – Висяков много?

– Хватает, Сергей Иванович. Я в курсе, что вы бывший опер. Пообщался с Бокальчуком. О делах в Одессе тоже осведомлен.

– Тогда к делу.

– Извольте. Подполковник Вишенцев вышел на пенсию четыре года назад с должности замначальника городской ми-

лиции по охране общественного порядка. Проживал с супругой на окраине Скадовска в частном домовладении.

– Дети есть?

– Два сына. Взрослые, женатые. Живут отдельно в Херсоне. Владимир Николаевич зарегистрировал частный бизнес – пристроил флигель и сдавал отдыхающим комнаты. До моря пять минут ходу. Двадцать первого мая около семи утра супруга обнаружила его спящим на диванчике в летней кухне. Будить не стала. Знала, что накануне вечером квартиранты накрыли стол по поводу отъезда. Пригласили хозяина.

– Вишенцев разве пьющий?

– Не особо. Сердце пошаливало. Регулярно подлечивался в херсонском госпитале. Оттого жена обеспокоилась и через час снова наведалась. Ирина Ивановна медик по образованию – определила, что Вишенцев умер. В половине десятого следственная бригада прибыла на место. Во время осмотра ничего подозрительного не выявили. Позже медэксперт подтвердил обширный инфаркт. В крови мизерная доля алкоголя. На токсины не проверяли – повода не было.

– Квартирантов опросили, с которыми он выпивал?

– Тем утром они съехали. Еще до того, как все случилось. Живут в России за Уралом. Мы связались с тамошним участковым по телефону. Он с ними поговорил, а я справку вывел. Прокуратура согласилась с полнотой собранных материалов.

– Я ж без претензий. Возникли вопросы после событий в Одессе.

– Бокальчук говорил. Помогу чем смогу.

– Нужен адрес Вишенцева и подготовь список всех, кто был на похоронах.

– Считайте, уже сделано. С Ириной Ивановной поаккуратнее, пожалуйста. Не оклемалась еще.

– Прикинусь, будто заранее не знал. В отпуске решил навестить бывших сокурсников, а тут такое. Приехал выказать соболезнование.

– Звоните, ежели что, – Иванов протянул визитку. – Адрес Вишенцевых на обороте.

Смуглолицая сухощавая шатенка с грустными глазами подливала в расписную чашку зеленый чай и молча выслушивала сочиненную на ходу легенду.

– Выбил отпуск и махнул к морю, – распинался я без зазрения совести, сидя на веранде в плетеном кресле. – Задумал повидаться с бывшими сокурсниками. Многих не видел с выпускного. Володя тогда еще не был женат.

– Мы через год познакомились, – с печалью в голосе отозвалась вдова. – Он не любил про учебу рассказывать, потому я мало кого знаю. Разве что заочно по фотографиям. Черноух, правда, часто заезжал... но как вы дознались про Володю?

– Сообщение пришло на сайт. Анонимное. Я в Одессе был

у наших...

– Какой еще сайт? Я только родственникам сообщила. Не хотела, чтобы народу понаехало.

– Черноух получается, тоже не знал?

– Я номера его не нашла. Витя обычно сам звонит.

– Скоро повидаюсь с Юнкером. Наведаюсь на могилу и прямиком в Крым.

– Ой, как стыдно! – всполошилась Ирина Ивановна. – Прибраться там не успела. По дому столько работы – квартиранты, огород. Володя, небось, обижается...

Уткнувшись в платок, она расплакалась.

Я же успел провести внутреннее заслушивание с подведением предварительных итогов:

«Кто же сообщил Пуртеву о смерти взводного? Не исключено, что сам маньяк. Похоже, он хорошо осведомлен о бывших олимпийцах. Может один из нас? Скоро узнаем. Вдова ничего подозрительного не заметила ни до, ни после случившегося. Иначе бы сказала. В любом случае наводящих вопросов задавать не надо. Хорошо, что не собралась ехать со мной на кладбище. Вдруг что-то заподозрит. Уточню, где могилка и откланяюсь. Чуйка подстегивает лететь сломя голову в Крым. Но сначала – кладбище. Предчувствую результат».

Лютик настроил бортовой навигатор и, запустив двигатель, нацелил бронемашину в сторону городского погоста.

Спустя полчаса я приобрел букетик полевых ромашек возле белой арки на входе. Одновременно переговаривался по телефону с Молодыевым.

– Дела идут, контора пишет, – делился новостями Репа. – В горилку, которую всучили Доходу, была подмешана убойная доза клофелина. Эксперт заключил, что после испитого невозможно бодрствовать в течение шести-восьми часов. Панфилов выхлопотал подписку о невыезде, а Батон обязался укрыть сердешного под покровом святой обители для моральной реабилитации.

– Сыщики, небось, не в восторге? Показали в отчетах раскрытие, а теперь – облом! Выговоры нахватаются. Не грозятся Панфилова поколотить?

– Давыдыча в обиду не дам!

Изучив схему кладбища, Лютик вырулил на центральную аллею.

– За нами хвост, – предупредил, косясь в зеркало заднего вида. – В городе еще засек. Думал – глюки, но теперь убедился. Белая девятка с антенной на крыше. Похожа на ментовскую. Возле бабок с цветами паркуется.

– Наши действия, Иваныч? – прогудел Борила.

– Вида не подаем, типа не срисовали. Пусть проявятся. Только не вздумайте палить!

– Шо мы, дети малые?! Первыми не начнем. Будьте уверены!

Без особого труда отыскали могилу Вишенцева. Возле аккуратного холмика оказалось прибрано. К деревянному кресту с рукописной табличкой приставлен венок из выцветших бумажных цветов. У подножья – копеечная лампадка. Я построил рядом букетик и, присев, зажег свечу. Заодно осмотрелся.

Невдалеке возле ряда свежих могил прохаживался сутулый мужичок неясного возраста. В глаза бросилась нечесаная копна землистых волос, измятая рубаша с чужого плеча, затасканные шаровары и пляжные шлепанцы. Налицо – характерные признаки кладбищенского бомжа. Скорее всего, он дожидался, пока мы уйдем, рассчитывая чем-то поживиться.

«Отчего не потолковать с местным смотрящим?» – посетила шальная мыслишка.

Распрямившись, нацелил Борилу на объект и попросил по-тихому привести для собеседования. Спустя минуту братки с перекошенными физиями приволокли хныкающего бомжа, после чего я пожалел о спонтанном решении. В нос ударило страшное зловоние, от которого чуть не вывернуло наизнанку.

Стараясь не дышать, проскрежетал сквозь зубы:

– Шаг назад и не ной! Ответишь на пару вопросов, получишь на опохмел. Уловил?

– Всегда готов! – оживился христарадник.

– Твоя территория? Видал, кто ходит на эту могилу?

Осведомитель расправил плечи и прокартавил с пионерским задором:

– Вдова захаживает. Плачет, на помин дает. Менты пару раз приезжали. Боле никого не замечал! Может братка кого видал? Мы на пару участок блюдем. С утра моя смена.

– Прямо бригадный подряд! – не удержался от реплики Лютик и взмолился. – Бесплезняк! Завязывайте, Иваныч! Шас обрыгаюсь!

– В натуре! – вторил ему Борила. – Зенки вылазят!

– Отставить скулеж! – рявкнул, демонстрируя божу, кто главный. – Со сменщиком потолкуем и отвалим.

Тут же взбунтовался мозговой сектор моей категоричности:

«Чего вцепился в смердящего маргинала?! Пустышку тянешь! Вишню настигла наглая смерть – тут и думать нечего. Айда в Крым к Черноуху! Там хорошо – свежая самса, вино, хачапури...».

Глянув на кривые лица бодигардов понял, что они не врубаются в суть происходящего и порадовался:

«Хорошо хоть не донимают расспросами. Все одно не ответил бы – из-за вони и собственного недопонимания».

– Веди к братке! – наказал вслух.

Необычная процессия двинулась к бетонному забору, ограждавшему погост с тыльной стороны. Добралась до мусорных баков, стоявших на опушке леса, и погрузилась в заросли колкого кустарника. Кладбищенский завсегда за-

стопорил ход, вытянул руку и указал на халабуду, сложенную из ящиков, шматов фанеры и полуистлевших венков.

Тотчас выяснилось, что исходящая от него вонища – всего лишь неприятный запах. Диковинный блиндаж был окутан таким несносным смрадом, что слезы брызнули из глаз, а легкие объявили бессрочную забастовку.

Провожатый опустил на четвереньки, занырнул по пояс внутрь и выволоч за шиворот точную копию самого себя. Близнец не сопротивлялся, прибывая в хмельном угаре – лишь протяжным мычанием выказывал несогласие. Распластавшись посреди поляны, бездумно пялился на непрошенных гостей. Предпринял попытку подняться и просипел:

– Я тебя грохну, Ипполит!

– Не гони, Жека! Люди поспрошают и денег дадут.

Я рискнул подойти ближе и задал сменщику трафаретный вопрос:

– Куришь, Жека?

Он покашлял и закивал вместо ответа.

– Чем прикуриваешь? – я шел по следу, словно гончая, не ведая, какого зверя настигну.

Братка выудил из кармана засаленных джинсов целлофановый кулечек с курительным мотлохом – окурками, табаком, обрывками газет и спичками россыпью. Развернул и вытряхнул содержимое на землю.

– Угощайтесь, – сострил, но завидев окаменелые лица сопровождающих потупился. – Сам в жару не шибко дымлю...

Не веря глазам, я заметил среди мусора то, что надеялся отыскать.

– Сосредоточься, Жека! – прикрикнул, тыча носком туфли в красноголовую спичку. – Много у тебя таких?

– Вроде последняя.

– Коробок где?

– Размок. Тогда всю ночь лило. По утряни подобрал...

– Теперь напрягись и вспомни, где ты нашел коробок! – я тщательно выговаривал каждое слово, будто обращался к иностранцу.

– На 24-м участке, где мента погребли. Возле лампадки валялся.

– Когда это было?

– Вроде бы на следующий день после похорон.

– Опиши коробок. Какая наклейка?

– Чудной такой, фанерный. Наклейку не рассмотрел – в грязи была. Коробок выкинул, спички просушил. Сгодились...

– Сколько было спичек?

– Десяток. Может меньше. Одна поломанная...

Заготовленные вопросы мигом упразднились. Поставленная «Седьмым флотом» задача оказалась неожиданно выполненной.

Выудив из портмоне сотенную купюру, помахал ею перед замутненными зенками братки. Вручил Ипполиту и наказал:

– Хавки купите! Не лакайте водяру в жару. Хотя...

Махнув рукой, удалился в тень и, созвонившись с Ивановым, доложил. Майор вздохнул и в шутку поплакался:

– Жаль-жаль. Не успел отличиться. Из-под носа умыкнули раскрытие.

– Участие зачтется. Девятка твоя?

– Ну...

– То-то и оно. Накажи, пусть заберут двух бомжей из халабуды на мусорке. Опроси самолично. Важно описать спичечный коробок. Зафиксировать время обнаружения и точное место. Материалы пока придержи – дам отмашку.

– Ох уж эта старая гвардия! Налетели, всяк раскопали, наружку рассекретили.

– Учись! Бомжей особо не прессуйте. Я обещал.

– Сексоты на погосте сгодятся. Вреда особого нет, а польза налицо.

– Ладно, погнали мы в Крым.

– Удачи! Не сердчайте за слезку. Мне так спокойнее.

За сорок минут приемистый внедорожник домчал до выезда на Крымское шоссе. Проколесив полусотню километров по обновленной трассе, зарулил на АЗС для дозаправки. Экипаж также подзаправился в кафетерии.

Созвонившись с Молодязевым, я поведал о результатах командировки, а Борила доложил Бокальчуку. Завершив

переговоры, наклонился ко мне через стол и зашептал:

– Шо это было, Иваныч?! Колитесь! Про погост, небось, заранее знали.

– Ты о чем?

– Про коробок со спичками. Про то, шо бомжей треба трясти. Крутяк! Я такое только в кино видал.

– Сам не врубился. Честно! Не ожидал, что пруха сразу в цвет поперет.

– Все одно высший пилотаж, – уважительно хмыкнул Борис Николаевич и ткнул кулачищем Лютика в плечо. – Учись, дубина!

– Сам учись. Мое дело баранку крутить. Могу еще в табло изящно настучать.

Остаток пути до Армянска проехали молча, но каждые полчаса телефонировал Юнкер и уточнял местонахождение:

– Где вы?! Че так долго?! Я давно в Армянске. Околачиваюсь на заправке возле автовокзала.

□□□

Я узрел Черноуха, когда броневик вкатился на стоянку возле АЗС. Виктор Иванович проявил не меньшую бдительность – срисовал мою довольную мину в окне, заулыбался и потрусил навстречу.

«Такой же живчик, – констатировал, выбираясь из салона. – Чуток обрюзг, седины прибавилось, но орел!».

Юнкер налетел, словно коршун и принялся тискать, при-

читая:

– Здорова! Исхудал совсем! Не беда, Ленка откормит. Погнали, что ли?!

– Только сумку заберу.

Распрощавшись с бодигардами, поспешил за Черноухом. Он замедлил шаг и ленинским жестом указал на стоявшую неподалеку новенькую «мазду» цвета вороньего крыла. Номерной знак, состоявший из одних восьмерок, несомненно, был получен в МРЭО по блату.

– Принимай аппарат! – презентовал полковник, теребя усы. – Нулевую взял из салона. Полгода уже объезжаю!

– Как же вечная тройка? Неужто изменил?

– На молодуху потянуло. Кстати тоже тройка. Жигуль благоверной отписал. По работе гоняет, на фазенду. Садись, давай! Телефон красный от Ленкиных звонков.

Умостившись рядом с водителем, отпустил комплимент:

– Молодец, Виктор Иванович! Устремлен в жизнелюбие!

– Как иначе? Не расслабляюсь потому, что не напрягаюсь, – отшутился в ответ, тронув легковушку с места.

Менее чем за полчаса мы домчали до Красноперекопска. Вырулив на Симферопольское шоссе, Юнкер притопил до максимума и с усмешкой подметил:

– На пару мы Слоника враз сыщем! Потом все вместе закатимся на Южный берег и гульнем не по-детски.

– Всенепременно. Только чую – до финала еще далеко.

– Обрадовал! Учти, жинка про Саню не в курсе. Про тебя

соврал, что приехал подыскивать базу для отдыха сотрудников фирмы.

– Бесплезно. Лена мигом нас выведет на чистую воду.

– Все одно подыграй, будь так добр! Ментовка ей всю кроушку повыпила! Всякого натерпелась. Раньше не замечал, насколько сильно переживает или делал вид. Теперь вот стараюсь оберегать. Ты же знаешь – Ленка боец! Настоящая боевая подруга!

– Точно! Так Новохатов говаривал, – заулыбался, припомнив его теорию о том, что у сыщиков заместо жен – боевые подруги.

Черноух закивал и продолжил:

– Не скажу, что сразу врубился в суть наставлений начальника курса. С годами дошло, да и то благодаря непомерным потугам. Поначалу пытался пробудить в себе желание, бережно относиться к жене, детям, родственникам. Параллельно разбирался с тем, что есть бережность. Со временем желание переросло в необходимость, позже – в потребность.

– Аналогично. Правда, лично у меня горилка препятствовала процессу трансформации.

– Я что ль трезвенник?! К тому же привык отмалчиваться и обходить острые углы. Бывает, уеду на пару дней по службе, потом заявляюсь, как ни в чем не бывало. Ленка радуется, хи-хи да ха-ха! Обнималки с целовалками, а в глазах мольба – когда вы уже наиграетесь в казаков-разбойников?!

– Я вот на пенсии, а все не наигрался.

– У меня выслуги больше тридцати лет, а уволиться боязно. Ума не приложу, чем заняться на гражданке!

Черноух продолжал тянуть розыскную ляжку. В департаменте автономии полковника уважали и ценили, оттого не торопились спровадить на заслуженный отдых.

Следует заметить, что профессионалов старой розыскной школы почти не осталось в рядах украинских правоохранителей. Зачастую начальники стараются не держать в подразделении офицеров с пенсионной выслугой. Из-за того, что некоторые, попросту отбывают время на работе, пользуясь особым статусом. Хотя встречаются индивидуумы, которые ищачат за пятерых и подают соответствующий пример молодому поколению. Виктор Иванович из числа таковых.

На мой взгляд, стереотипный образ блюстителя порядка в Украине чересчур обезображен. Милиционеров зачастую характеризуют словами – оборотни в пагонах, беспредельщики, хапуги, дебилы и тому подобное. Только думается, что этаких хватает на любом попреще.

Неужели на службу приходят одни лишь профаны, недомки и рвачи? Отнюдь! Преобладающее большинство – здравомыслящие молодые люди, преисполненные желанием ускорить процесс эволюции в социуме. Чтобы законопослушание проявлялось на основе добросердечности и миролюбия.

Вопрос – кем становятся реформаторы с годами? Профес-

сионалами, чинушами или злодеями в пагонах? Думаю, многое зависит от наставников и качества передаваемого опыта. Но в целом – от трансформации государственной системы.

Время в дороге пролетело незаметно.

Лена радушно встретила на пороге. Потискала и, не дав опомниться, усадила за стол. После ознакомления с богатым меню, стало понятно, что вечеря затянется и вряд ли удастся удержать себя в руках, дабы не перенасытиться.

В итоге так и вышло – засиделись далеко за полночь. Не могу с уверенностью сказать, что благоверная Юнкера раскусила нашу оперативную игру, но пару раз ощутил на себе сканирующий рентгеновский взор.

В целом застолье подействовало воодушевляюще и расслабляюще, поскольку с момента отъезда из дому довелось впервые и по-настоящему пригреться у домашнего очага.

Проснулся, когда у нормальных людей начался рабочий день. Прислушавшись, понял, что в квартире один. На кухонном столе обнаружил записку: «Ушли кто куда. Завтрак-кай, жди звонка».

Вскоре зателефонировал Нюра. Посмеиваясь, рассказал о злоключениях сотоварищей на скутере. Потом обнадежил:
– Похоже, мы с Дашкой ухватили кончик ниточки, кото-

рая должна привести к организатору слежки. Потому остаемся в Одессе. С папой согласовал. План такой – пока ваши работают за нашими, наши будут тащить ихних. В нужный момент наши маякнут вашим и слиняють, а ваши ихних захомутають.

– В целом понятно. Короче, оставили меня без прикрытия.

– Не факт. В Крыму за вами присмотрят. Папа распорядился. Лица все те же. Борила с Лютиком мотнулись в Николаев и поменяли джип на черный мерин. Сейчас где-то на подъезде к Симферополю. Позвонят, как доберутся.

Известие прибавило оптимизма. Завершив переговоры с помощником – созвонился с Молодыевым.

– Доход на воле! – выкрикнул Репа, вместо приветствия. – Его преосвященство встретил терпельца у врат тюряги и доставил в тихую обитель.

– Тогда вопросов нет. Я в Крыму у Юнкера.

– Слыхал. Слоник не нашелся?

– Ищем.

– Понятно. Звони, если что.

Сбросив вызов, присел охладиться перед вентилятором. Через пару минут Юнкер дал о себе знать:

– Позавтракал?

– Издеваешься?!

– Тогда собирайся. Джанкойские сыщики везут ко мне Татьяну.

– Жену Слоника?

– Так точно! Полную установку переслали рано утром. Выяснили, чем занимался Кухаренко на пенсии, с кем контактировал. Появилась прикидка, где может затихариться. Оказывается, его родная тетка владела домиком на Малой речке. В позапрошлом году прикупила квартиру в Алуште, а халупу отписала племяннику.

– Малая речка? Где это?

– Так местные называют поселок Малореченское. Недалеко от Алушты.

– Почему Татьяна умолчала о домике? Могла же предположить, куда подался муженек?

– Боязливые они оба! Засекретили наследство от завистников.

– Сыщики как раскопали?

– Зря, что ли хлеб едим! Разговорили куму. Оказалось, Татьяна не выдержала и похвастала про наследство.

– К тебе ее зачем везут? Колоть будешь что ли?

– Желаю выслушать рассказ от первого лица. Авось что-нибудь еще всплывет. Тебе тоже не навредит. Машина выехала. Через пару минут спускайся.

Собравшись, вышел из подъезда и перебежал в тень раскидистой липы. Несмотря на утренние часы, припекало покрымски и парило, будто перед грозой.

Из-за угла вынырнул белый жигуль седьмой модели с милицейскими номерными знаками. Подрулив к парадному,

немолодой водитель изучающе оглядел меня с головы до ног.

– Карета подана! – выкрикнул в открытое окно. – Черноух вас доходчиво обрисовал.

– Представляю этот словесный портрет, – проворчал, уминаясь на раскаленном сидении. – Запускай кондиционер!

– Щас! Только поднапрягусь.

Около часа колесили по улицам и бульварам столицы автономии. Главным образом тянулись на второй передаче в бесконечных заторах. В итоге несносная жара и духота едва не довели командировочного до теплового удара. В момент, когда полуобморок перетекал в отключку, жигуленок подкатил к центральному входу главного управления МВД Крыма.

Помпезность здания сталинской постройки подчеркивалась высоким ступенчатым крыльцом с колоннадой, а трехметровая дубовая дверь безгласно напоминала входящему о силе власти.

Погрузившись в прохладу просторного холла, немного оживился и неспешно взошел по мраморной лестнице на второй этаж. Прошагал по пурпурной ковровой дорожке до конца коридора, где наткнулся на дверь с табличкой: «Замначальника управления уголовного розыска полковник Черноух В. И.».

Служебное обиталище Юнкера мало чем отличалось от иных стандартных кабинетов руководителей оперативных служб – длинный ряд стульев вдоль стены, большущий пись-

менный стол с плоским монитором и коммутатором внутренней связи. Неподъемный сейф, встроенный шкаф, холодильник и скромный диванчик в углу. Возле окна – пара кресел и журнальный столик.

Переступив порог, потащился к холодильнику, подобно зомби. Юнкер глянул на посетителя, хохотнул и подначил:

– Отходняк или акклиматизация?

– И то и другое. Странно – почти не пил.

– Благородные крымские вина долго о себе напоминают. Доставай холодный боржомчик. Лучшее снадобье!

– Не откажусь. Хотя отдал бы предпочтение горячему чаю. Как-то в командировке бакинские сыщики научили утолять жажду.

– Нет проблем! – Черноух выбрался из-за стола и, отодвинув дверцу встроенного шкафа, продемонстрировал стоявший на полке электрочайник в окружении кофейных чашек и граненых стаканов в подстаканниках.

Дождаясь гостю из Джанкоя, почаевичали, поговорили о деле. Виктор Иванович изредка поглядывал на часы и нетерпеливо шевелил усами.

Наконец, раздался стук в дверь. Белобрысый крепыш заглянул в кабинет, поздоровался и пропустил мимо себя невысокую коренастую блондинку с миловидным опечаленным лицом. Вошел следом, предложил ей присесть, после чего удалился.

– Здравствуйте, – еле слышно проговорила Татьяна, при-

мопившись на крайнем стуле у стены. – Вы меня помните? Сразу хочу сообщить, что ...

Порывисто всхлипнула и принялась перебирать содержимое сумочки. Достала платок и промокнула глаза.

– Помню только в общих чертах, – проворчал Черноух. – На вашей свадьбе виделись. Только давай на ты и мокроту в кабинете не разводи. Познакомься с Сергеем Ивановичем. Слыхала, небось, про Слона?

– Конечно. Саша часто вспоминает. Меня правда мало кто знает из ваших. Мы поженились, когда Кухаренко был уже капитаном. Он по жизни замкнутый и правильный на всю голову, но я хотела сказать, что ...

– Это точно, – не дал я досказать, припомнив, как Слоник отлынивал от пьянок и походов по злачным местам. – Влияло воспитание в семье школьных учителей.

– Мы его штундой дразнили, – дополнил Юнкер и спросил у Татьяны. – Саня давно уволился?

– Два года назад, как только выслуга подошла. Кум предложил неплохую должность в строительной фирме. Материально стали жить лучше. Сколько двоим надо? Дочка замужем, живет отдельно. Но я хотела сообщить ...

На сей раз ее перебил хозяин кабинета:

– Ничего подозрительного не замечала в последнее время?

– Как же! С месяц назад Кухаренко появился с работы злой, как мегера. Наорал на меня ни за что. Потом извинил-

ся, но с того дня переменялся до неузнаваемости. Ходил, как в воду опущенный, ночами не спал. Слова из него не вытянешь.

– Не дозналась в чем дело?

Посетительница подернула плечами и залепетала со слезой в голосе:

– Ты ж его знаешь, Витя! Талдычит себе под нос – нормально, разберемся. Потом пропал на трое суток. В жизни такого не бывало! Я всех знакомых на уши поставила. Твердят в один голос – загулял, обожди пару дней. Представляете?! Кухаренко загулял!

– Трудно вообразить, – вставил я.

– Вот-вот! Потому и пошла в милицию. Сашкин дружок до сих пор служит.

– И с умом дружит, – зарифмовал Юнкер. – Догадался мне позвонить.

Татьяна лукаво усмехнулась и выпалила скороговоркой:

– Мог бы не звонить! Нашелся Кухаренко! Ага!

– Как так!! – взвился полковник. – Чего молчала?!

– Вы же слова не даете вставить! Позвонил сегодня ни свет, ни заря. Воркует, как ни в чем не бывало – Танюшка не волнуйся, я на море...

– Не могла мне сразу позвонить?! Зачем приехала?!

– Саша наказал по телефону ни с кем...

– Уверена, что именно он с тобой разговаривал?

– Что ж я мужниного голоса не признаю?! Негромко так

говорит – приеду, расскажу, а ежели кто из наших спросит – скажешь, что грипп у меня. Только с глазу на глаз говори. По телефону ни-ни!

– Грипп, – плямкнул губами Виктор Иванович. – На море он значит. Как тебе фортель, Слон?

Закивал, состроив шибко задумчивую мину и поразмыслил:

«Кухаренко точно не в себе, коль сочинил этакую нелепую отмазку. Какой грипп летом в Крыму? Правдоподобнее было бы соврать про ангину или простуду».

– Зря сомневаетесь ей Богу, – тараторила благоверная Слоника. – Я Сашку как облупленного знаю. Сказал, хворает, значит так и есть. Морскими процедурами излечивается.

– В теткинском домике, небось, – выложил козырь Черноух. Татьяна выпучила глаза и заголосила, подскочив со стула: – Как дознался?! Кухаренко не мог разболтать! Мы с ним договорились!

– Сама растрезвонила!
– Я?! Ой! Точно я. Бес попутал. Стыдно как! Отпустил бы меня домой, Виктор Иванович!

Юнкер пошевелил усами, вдавил кнопку на коммутаторе, а через минуту в кабинет ввалился белобрый крепыш.

После ухода Татьяны замначальника управления розыска сделал пару телефонных звонков. Распорядился в срочном порядке произвести адресную установку в Малореченском, предупредил неизвестного собеседника о скором приезде и

попросил не впадать в фанатизм. Черкнул пару строк в блокноте и, подняв глаза скомандовал:

– Че сидим?! Погнали на море!

– Прямо щас?!

– А чем мы хуже Слоника?! Координаты домишка на Малой речке ведомы тамошнему шерифу. Но для начала зазывает к себе малеха перекусить. Заодно наметим план действий. В горы поедем на вечной тройке. Молодую японку желею поберечь!

Около часа добирались до гаражного кооператива, где в кирпичном боксе сберегался неубиваемый жигуленок Юнкера.

Бывалый водитель проверил уровень масла и долил в бак полканистры бензина. Произвел рокировку машинами и пригласил устраиваться в не шибко удобном, но выдавшем виды пассажирском кресле.

Запустив движок, стартанул с места, а спустя полчаса припарковался возле своего подъезда. Покрутил ус и поторопил:

– Пять минут на сборы! И плавки не забудь как тогда!

Глава шестая

СЛОНИК

Просторы нашей няньки Украины изобилуют живописными ландшафтами. Видимо-невидимо исторических и при-

родных памятников, заповедников, артефактов древнего зодчества.

Среди рукотворных достопримечательностей современности выделяется уникальный и единственный в своем роде экспонат.

Бесспорно, автомобильные дороги Европы отличаются от наших – высоким качеством и надежностью. О долговечности и говорить не приходится. Но только в украинском Крыму по горному шоссе, соединившему Симферополь с Ялтой, проложен наидлиннейший троллейбусный маршрут. Данный феномен занесен в Книгу рекордов Гиннеса не только вследствие протяженности (без малого 100 километров), но и как старейший троллейбусный маршрут на планете.

От себя могу добавить немаловажный аргумент о сказочной нереальности окрестных пейзажей.

Долинный ландшафт изменяется сразу за околицами столицы автономии. Дорога плавно поднимается в горы, пронзая добротным полотном лесные массивы, чередующиеся с ухоженными полями, виноградниками и причудливыми скальными нагромождениями.

За окнами троллейбуса затеивается фантасмагория с игрушечными домишками, хаотично разбросанными по склонам сопок. Их замысловатые фасады, утопающие в зелени садов демонстрируют путешественникам разнообразие архитектурных предпочтений. Помимо жилищ усердные землевладельцы расписали свои наделы в неповторимой манере

и палитре красок не хуже признанных мастеров импрессионизма. Лоскуты домовладений как нельзя лучше запечатлелись на первозданном холсте под названием «Горный Крым».

Неубиваемая «тройка» приемисто одолевала долгие подъемы и крутые спуски. Юнкер выжимал из жигуленка все лошадиные силы, нахваливая при этом новую японскую «тройку». Спohватившись, повинился:

– Извиняй, труженица! Ты ж не ревнуешь, правда?! Движок недавно перебрал, ходовую обновил.

Я усмехнулся, любуясь склонами гор, и заговорил о деле:

– Не дает мне покоя скверная догадка. Почти уверен, что кто-то из своих откопал топор войны.

– Прям, войны! И каков мотив?

– Кабы знать! Доминанта по любому должна присутствовать. Хоть он и маньяк, но как-то мотивирует свои действия. За что-то же ему нужно было ухватиться, даже если крыша улетела напрочь.

– Думаю, затаил злобу и выкормил громадную жабу. Интересно, с какого времени все началось, и по какой причине. Доминанта могла засесть в мозгу с курсантских годов, а могла – гораздо позже. Теперь произошел толчок, после которого болячка особо воспалилась. Предполагаю, что искомым субъектом знает всех нас персонально.

– Или тот, кто направляет действия серийника.

– Допустимо. Кстати этот кто-то мог учиться в нашем

взводе.

– Не обязательно. Ты же помнишь, как на втором курсе всех перетасовали. Новохатов выполнил наказ замполита расколоть курсантские группировки. Слоника, Костюченко и еще двоих перевели в другой взвод.

Юнкер помолчал, разглаживая усы, и выдвинул версию:

– Предлагаю плясать от коробков. Это явный намек на Олимпиаду-80. Либо что-то случилось в Москве, либо накануне поездки.

– Если так, то злоба и зависть копились у него годами. Может из-за того, что у кого-то жизнь сложилась, а у него – нет.

– Ага! Чему завидовать, глядя на Дохода?

– Принимается. Тогда предположим, что субъект просил у наших помощи, а те отказали. Вспомнились старые обиды и в итоге крышу снесло. Мог же он предложить Костюченко провернуть по старой дружбе какую-нибудь аферу? Получил отказ и решил избавиться от свидетеля.

– Доход тут причем? – не сдавался полковник. – Каким боком притулить к твоей версии Вишенцева? Почему коробки одинаковые? Как присовокупить письмо, которое Бокалу прислали?

– Уговорил. Утверждается твоя версия про жабу. В Москву тогда не все поехали, а из оставшихся кто-то мог обзавидоваться до заворота мозгов.

Юнкер с ухмылкой подметил:

– То-то и оно! Меня забраковали в числе первых. Ростом не вышел.

Отбор на олимпиаду производился заблаговременно, тщательно и довольно жестко. Целый год курсанты зубрили специальные правовые дисциплины, обучались распознавать иностранную речь, заучивали чуть ли не весь английский разговорник. Просматривали учебные фильмы о тактических приемах спецслужб разных стран и действиях полиции во время массовых мероприятий. Накануне командировки сдали специальные экзамены, а на строевом смотре продемонстрировали внешний вид.

Из МВД Союза поступила разнарядка с описанием эталона внешности курсанта-олимпийца. Акценты ставились на комплекции, прическе и допустимом росте – не ниже 170 сантиметров. В итоге два десятка претендентов не прошли отбор по внешнему виду. К ним прибавился десяток, так называемых штрафников, а в сумме получился комендантский взвод. После отъезда отобранного контингента в Москву – нестандартные и разгильдяи занялись ремонтом помещений и караульной службой.

– Меня забраковали, Миху-Малыша, Сашку Егорова, – загибал пальцы Черноух. – Это только наш взвод. Миху из-за роста не взяли, как и меня. У Егорова жена готовилась рожать. Насколько я знаю – никто из нас троих особо не порывался ехать. Миха тогда сох по молдаванке с Лузановки, Егоров самолично еле выпросился, а я просто прыгал от счастья, оттого что не еду. Ленку отправили в Одессу на практику, так мы все лето провалялись на пляже.

– Пока достойные ложились костями, отстаивая честь великой державы.

– Ты серьезно?!

– Иронизирую.

– Про достойных или державу?

– Проехали. Чего привязался?

Тем временем жигуленок вскарабкался к наивысшей точке Ангарского перевала. Юнкер подрулил к застекленной будке поста ГАИ и посигналил. Из-за угла выскочил щекастый старлей и, козырнув, поклонился водительской дверце.

– Здравия желаю, товарищ полковник! – доложил, косясь по сторонам. – За время моего дежурства ...

– Кончай официоз, Петро! – скривился Черноух. – Я ж не с проверкой. Едем к шерифу в Лучистое, оттуда в Малореченское. Короче, не расслабляйтесь. Могу сыграть тревогу.

– Завсегда готовы! А вы через Алушту поедете иль напрямик?

– По серпантину.

С некоторых пор дорога по серпантину стала известной и памятной. Лет десять назад я здорово опростоволосился, возжелав проехаться напрямик, дабы сэкономить горючее.

Тогда на Ангарском перевале мою выдавшую виды 31-ю «Волгу» тормознул сердобольный гаишник. Доведавшись, что коллега нацелился отдохнуть с женой в Рыбачьем – посоветовал лазейку по серпантину через Лучистое:

– Километров пятнадцать срежете, и в Алушту заезжать не придется.

– Дорога хоть нормальная? – поинтересовалась Оля.

– Превосходная! – козырнул на прощанье лейтенант.

Свернув на «превосходный» тракт, стало понятно, что в ближайшие полчаса придется выслушать от благоверной немало интересного о себе.

Кое-где и кое-как асфальтированный проселок петлял высоко в горах по отрогам, выматывая нервы бесконечными закрытыми поворотами, крутыми подъемами и спусками. Слева – отвесная скала, справа – бездонная пропасть, а вдалеке – сверкающая гладь моря.

До ближайшего населенного пункта пришлось ползти со скоростью черепахи позади ревушего и разящего соляркой самосвала, доверху груженного щебенкой.

Короче говоря – скупой поплатился сполна.

– Классная дорога! – словно подтрунивая, заключил Юнкер, повернув на серпантин. – Давеча мы гоняли тут ростовскую банду. Гастролеры задумали бомбануть сберкассу в Верхней Кутузовке. Агент вовремя отсемафорил, а местные опера дали маху – спугнули раньше времени. Мы в засаде сидели на перевале. Злодеи сунулись и назад! Свернули сюда на своем новеньком бимере. Чаяли проскочить на Су-дак через Лучистое.

– Получилось?

Черноух заулыбался, подрулил к ближайшему повороту и указал перстом на дно ущелья.

– Там их гастроли закончились. БМВ всмятку, а бандюкам хоть бы хны. В кандалы их заковали и ждали, пока спасатели крышу автогеном срежут. Ихний водила рыдал, как дитя малое.

Вскоре за очередным поворотом показались утопавшие в зелени жилые постройки поселка Лучистое. Вдалеке в белесой дымке раскинулась сверкающая гладь, переливавшаяся всеми цветами радуги. Безмятежное теплое море подобно гигантскому зеркалу отражало безоблачное небо. По другую сторону над поселком нависли причудливые скальные нагромождения величавой горы Демержи-яйла.

В советские времена карта Крыма пестрела пролетарскими наименованиями населенных пунктов – Красноперекопск, Колхозное, Буденовка, Урожайное. За годы независимости Украины возвращено немало татарских названий – Кызыл-Коба, Кок-тебе-ель, Эмине-Баир-Хасар. К примеру, речка Малая зовется Орта-Узень. Словосочетания воспринимаются с мистической подоплекой из-за непонимания смысла, будто слышится завоораживающий перестук морских камушков в полосе прибора.

Гротескно звучат имена древнейших городов, нареченные греками – Херсонес, Маргапуло, Форос.

Разные люди в разные времена запечатлели наименования для потомков, передав в них любовь и трепетное отношение к полуострову.

Лежавший на торпедо телефон разразился вступительными аккордами марша «Прощание славянки». Черноух принял вызов и восторжествовал:

– Здорово, Бокалище! Рад слышать... – умолк на полуслове, с полминуты молча шевелил усами, после чего пропел. – Неприятность эту мы переживем! Не кипишуй, накажу, чтоб отпустили. Слон в порядке. Бывай!

Меня тут же посетила догадка.

– Дай угадаю, Витя? Наружка припутала гангстеров Бокальчука. Между прочим, это мое сопровождение и прикрытие.

– Ты прав, но все гораздо проще, – хохотнув, отозвался Юнкер, потыкал пальцем в экран смартфона и приложил к уху. – Слушай сюда, правдолюбец крымских дорог! Отпусти черный мерин с николаевскими номерами, а гоблинам невзначай подсказки, что объект их наблюдения повернул на Лучистое. Можешь взыскать за это курортный сбор. Благодарю за бдительность!

Я дождался окончания переговоров и подсчитал:

– Третья бочина к ряду. Бокал, небось, в бешенстве.

– Лютует. Дождемся твоих телохранителей. Пущай себе пасут – подстраховка не навредит.

Черноух вырулил на каменистую обочину и осадил «тройку». Минут через десять из-за ближайшего поворота выполз приземистый черный «мерседес».

Выехав на центральную площадь поселка, Юнкер заложил крутой поворот влево. Жигуленок занырнул в тенистый проулок и вскоре выкатился на площадку перед массивными металлическими воротами. Застопорил ход и замер рядом с диковинным транспортным средством, в котором едва угадывался милицейский уазик.

Тента на месте не было, но оставался металлический кар-

кас, как на машинах класса «сафари». Над передними сиденьями нависла хромированная дуга с гаишной мигательной «люстрой» и двумя громкоговорителями. Окрас кузова надлежащий – камуфляж в желто-зеленых тонах и яркие эмблемы на дверцах в виде шерифских звезд. Под ними на желто-голубом фоне красовалась рукотворная надпись: «Міліція».

– Сказал же, что к шерифу едем, – напомнил Юнкер, выходя из салона. – Парень что надо, только с причудами. Пошли, что ли?!

Он приоткрыл створку ворот и пропустил меня в просторный двор. Выложенная тротуарной плиткой дорожка тянулась вдоль ухоженных клумб к добротной хате с невысокой террасой. Повсюду – фруктовые деревья, тропические растения и лозы винограда с многокрасочными гроздьями, завившие каменный забор, террасу и бытовые постройки.

Навстречу гостям вышагивал высокий смуглолицый брюнет атлетического сложения. Из одежды – белая майка, потертые джинсы и пляжные шлепанцы. Справа на портупее висела неуставная открытая кобура с табельным «Макаровым», а слева – наручники и газовый баллончик в кожаном чехле.

– Роман. Тутошний околоточный, – отрекомендовался атлет. – Милости просим! Супруга заждалась!

Следом от террасы семенила фигуристая девица в цветастом халате. Подойдя, назвалась:

– Маричка, – стянула с головы косынку и продемонстрировала короткостриженные пшеничные вихры. – Умойтесь с дороги и пойдете кушать.

Освежившись, расположились на террасе вокруг обеденного стола. Я тут же пришел к выводу, что вечеря у Черноуха была всего лишь разминкой. Теперешнее изобилие грозило разгулом чревоугодия, весьма губительного в этакую жару и духоту.

Шериф повел бровью, вопросительно глядя на Черноуха. Виктор Иванович распушил усища и проурчал:

– Пьянству бой, Рома. Дел прорва.

– Поняв! Тогда приятного аппетита!

Предложенный гостям ассортимент свидетельствовал о том, насколько кулинарные предпочтения многонационального населения полуострова отобразились в блюдах местной кухни. Тем не менее, главный пищевой штандарт державы пребывал на почетном месте – в центре стола красовалась розетка с белоснежными ломтиками сала, притрушенными рубленой зеленью и чесноком. Чуть поодаль в чугунной сковороде потрескивало на разогретом смальце внушительное кольцо домашней колбасы. Рядом высилась горка из помидоров, сладкого перца, пупырчатых огурчиков и пряной зелени. В плетеной корзинке благоухали свежеиспеченные хачапури и самса.

Маричка подала татарскую шурпу из молодого барашка, а на второе были уготовлены горшочки с овощным рагу на

ребрышках.

Опустошив горшочек, я наивно понадеялся, что трапеза подошла к концу, но вскоре в центре стола материализовалось огромное блюдо с десертом. Обреченно глядя на гору налистников с творогом, розетки со сметаной и клубничным вареньем – пробормотал:

– Похоже, мы никуда не едем.

– Как скажете, – отозвался участковый, достав из кармана телефон. – Щас помощника озадачу, а мы продолжим...

– Забудь! – фыркнул Черноух. – Знаю я твоего ботаника. Давно его бабы на базаре лупили!

– Так свояк же...

– Обойдемся, сказал! Это тебе не в российском боевике сниматься. Небось, на зарплате у киношников?

– Нищенское жалование, – отмахнулся Роман и объяснил. – Джип им шибко понравился. Кстати, я не только в боевике снимался. Недавно фрицем вырядили. На мотыке по поселку рассекал. Местные алкаши до сих пор шарахаются.

Я рассмеялся, представив зрелище и предложил, припомнив схожий эпизод:

– Хотите послушать отрывок из мемуаров?

– У тебя три минуты, – пробурчал Черноух, взглянув на часы.

– Дежурил однажды в управлении с помощником по фамилии Пирожок. Комплекция в точности соответствует фамилии – здоровущий, мордатый, пузатый. Я тоже не балерун,

вот и получилась сладкая парочка. Поздно вечером постовые привели двух подвыпивших пацанов. Задержали за то, что маршировали по Пешеходному мосту в бутафорских фашистских касках и нарукавных повязках со свастикой. Оказалось, что в Гидропарке снимают кино про войну, а балбесы умыкнули из массовки экипировку. В итоге составили на них протоколы, изъяли инвентарь и отпустили. Через какое-то время мы с Пирожком от нечего делать нахлобучили каски, натянули повязки, соорудили грозные рожи и встали плечом к плечу перед окном дежурки, которое выходит в коридор. По коридору туда-сюда снуют сотрудники управления – косятся на двух придурков за окном, смеются. Некоторые крутят пальцем у виска. И тут два омовца волокут под руки чуть живого пьянчугу. Тащат его в помещение для задержанных, в окно не глядят – чего там не видали? Мужик волочится, потупившись, но потом вдруг вскинул голову и зыркнул в окно.

– Могли до инфаркта довести бедолагу, – смеясь, подметил Юнкер.

– Алкоголь уберег. Встрепенулся он, словно током шандарахнуло, глаза выпучил. Потом как заревет! Хмель из башки враз выветрился. Пришлось отпускать. Омовцы шибко на нас разобиделись.

– Обиженные в отпуск зимой ходят, – подметил полковник и покосился на хихикавшего участкового. – Хорош потешаться! Произвел установку на недвижимость Кухаренко?

Шериф посерьезнел и доложил:

– Ту фазенду на краю обрыва я давно заметил. Стоит на отшибе, потому держал в поле зрения. Больше года там никто не жил – могли бомжи обосноваться. Хозяйка переехала в Алушту, а домишко подарила племяннику. Приходил ко мне знакомиться прошлым летом. Пенсионную ментовскую ксиву показал и попросил изредка навещаться. Опасался, чтоб не растащили имущество.

Со стороны горного хребта послышался раскатистый грохот.

– Понятно, отчего парит, – проворчал Юнкер и сощурился, заглянув Роману в глаза. – Хотя бы раз хибару проверил?

– Виноват. Помощника посылал. Повода беспокоиться не было. Кухаренко с тех пор не объявлялся. Про лачугу будто забыли, зато сегодня, как прорвало.

– С этого момента подробнее! – насторожился Черноух. – Ты же не только нас имеешь в виду?

– Говорю ж – прорвало. После вашего звонка я метнулся на рынок в Малореченское. Маричка список накатала. Скупился, заодно с агентурой пообщался. Танька-оптовичка шепнула, что поутру нездешний мужик интересовался той самой халупой. Наплел, будто высмотрел в интернете объявление о продаже и приехал прицениться.

Не сдержавшись, я грохнул кулаком по столу и закричал:

– Опередил-таки! Чего сидим, Витя?! Там же Слоник!

– Выскажусь и поедем! Бочину свою признаю – погано

провел инструктаж, – поднявшись, он навис над участковым. – Но ты же должен был смекнуть, Рома! Почему сразу не позвонил? Почему до сих пор молчал?!

– Не допер! Свояка по приметам озадачил. Вы ж сказали, что пропал бывший мент, а про бандита – ни слова. Думал, доложу, как покушаем...

Черноух отмахнулся, сорвался с места и побежал к воротам. Громовые раскаты слышались все громче и чаще. Гигантская темно-фиолетовая туча напозла на поселок со стороны Демержи.

Роман помчался следом, застегивая на ходу форменную рубаху с лейтенантскими погонами. Поблагодарив хозяйку, я пустился вдогонку.

– На джипе поедем! – крикнул околоточный, распахивая створку ворот. – Оставьте ключи в замке, Иваныч! Маричка жигуль во двор загонит. Я пока крышу натяну.

Выдернув из заднего отсека сложенный тент, развернул и ловко накиннул на дуги. Я только успел закрепить пару лямок и запрыгнуть на заднее сидение, как внедорожник сорвался с места.

Если принять во внимание сытный обед, сложившуюся ситуацию и манеру вождения шерифа, то ваш покорный слуга ощущал себя, словно внутри авиационного тренажера.

Под раскаты грома и вспышки молний милицейский джип с переливающейся «люстрой» мчался по горной дороге. Чуть притормаживал перед закрытыми поворотами, допол-

няя грозовой аккомпанемент завыванием сирены.

– Ты о приметах упомянул, – напомнил Роману Черноух, вцепившись мертвой хваткой в поручень на торпеде.

– Все записано в бортовом компьютере, – шериф постучал указательным пальцем по виску. – Мужику на вид полтинник. Коренастый, сутулый, рост выше среднего. Лицо овальное, высокий морщинистый лоб, густые нависающие брови. Когда говорит – выпучивает глаза и кривит рот, будто зубов нету. Лысый почти, седая щетина на подбородке и щеках. Коричневая рубаха с длинными рукавами. Ворот расстегнут, на шее монетка, вроде бы серебряная на черном шнурке. Старомодные темные брюки с манжетами, убитые остроносые туфли. Приехал на синей «ниве». Номера заляпаны грязью.

«Наконец, хоть что-то! – воспрянул я духом, наблюдая, как туча накрывает скалистый утес над Малореченским. – Понятно кого искать. Шериф таки молодец! Ментовская цепкость налицо! Только бы не пуститься по ложному следу, хотя чутье подсказывает – клиент наш! По приметам мужика и машины можно смело ориентировать посты ГАИ и патрульную службу».

Вторя моим размышлениям, Юнкер горланил, прижимая к уху мобильник:

– Дежурный! Срочно рассылай ориентировку на синюю «ниву»! Не знаю я номера! Записывай приметы водилы!

Пока надиктовывал словесный портрет, узик промчал

мимо бетонной стелы на въезде в Малореченское. Верхушки деревьев раскачивали порывы штормового ветра, а крупные дождевые капли барабанили по лобовому стеклу. То и дело дорогу перебегали пляжники, закутанные в полотенца и покрывала. Над капотом кружили целлофановые кульки, обрывки газет, листья и мелкие ветки. Округа стремительно погрузилась в сумерки.

Повернув с главной дороги в проулок, шериф порулил к вершине лесистой сопки. Выехав на грунтовку, прижался к обочине, сторонясь края обрыва, и вскоре затормозил возле покосившегося забора.

– Дальше пешком! – крикнул, вытаскивая из-под сидения фонарь, похожий на полицейскую дубинку. – В тупике не развернемся. Скользко, – оглянувшись, скептически оглядел мой курортный прикид. – Одежка не по погоде. Оружия, конечно же, нет. Возьмите хоть фонарь.

– Булыжник – орудие пролетариата, – отчеканил, стоя по щиколотки в луже. – Куда наступать?!

– За мной! – захлопнув водительскую дверцу, Роман побежал по скользкой каменистой тропке.

Слева в зарослях слышался клокочущий гул и шипящие перекаты стремительно несущегося потока.

Черноух прокричал, пробегая мимо:

– Ничего себе речка Малая! Ливень в горах. Хоть бы лачугу Слоника не снесло.

Словно согласившись с полковником, грозовые капли

слились в сплошной поток. Ощутимо похолодало и стемнело пуще прежнего. Пустившись вдогон, я прозевал уступ на тропе и стесал колени, рухнув на четвереньки. Быстро поднялся и вбежал в захламленный дворик, толкнув плечом покосившуюся калитку. Едва не сшиб Черноуха с ног, застыл на месте и осмотрелся.

– Рома, бегом за хату! – скомандовал полковник, указав направление стволом табельного «Макарова». – Слон, следи за окнами!

Я прошлепал по лужам к простенку меж окон и прижался спиной к бугристой штукатурке. Юнкер крадучись взошел на крыльцо и потянулся к дверной ручке.

Из-за угла дома выглянул участковый и прокричал:

– Там окно вывалено! В сад выходит. Следы совсем свежие. Кто-то вылез уже под дождем.

– Марш на место! – гаркнул на него полковник, взялся за ручку и осторожно потянул на себя.

До сих пор не могу понять, как удосужился рассмотреть бельевую веревку, привязанную к ручке с внутренней стороны двери. Только уверен, что в тот момент действия опережали мысли, а эмоции взяли таймаут.

– Витя, атас!! Растяжка!! – проорал срывающимся голосом и шлепнулся в грязь, уткнувшись в кирпичный приступ.

Падая, успел запечатлеть немислимый полет в исполнении замначальника угрозыска Крыма. Черноух оттолкнулся обеими ногами от верхней ступеньки крыльца и воспарил па-

раллельно земле.

Потом я зажмурился и не увидел момента приземления. Зато услышал всплеск, характерный при неудачном прыжке в воду.

Показалось, будто время остановилось. Тут же закралась думка, опровергшая версию о растяжке. Собрался расплющить глаза, но кирпичный приступ ощутимо пнул меня в лоб и мерно задрожал. Почудилось, что ветхое строение порывисто вздохнуло, затаило на миг дыхание и со стоном выдохнуло застоявшийся воздух.

Раздался глухой хлопок, за которым последовал рокот, треск и звон бьющегося стекла. Пронеслась гадостная мыслишка: «Вот и все! Нашел, где залечь! Тут тебя и откопают».

В подтверждение, сверху посыпалась штукатурка вперемешку с осколками стекла. Прикрывши голову ладонями, затаил дыхание и вслушался в неожиданно наставшую звенящую тишину.

Недолго выждав, приподнял голову и осмотрелся. Перехватил обескураженный взгляд Черноуха и прочел по глазам: «Как тебе, Слон, прогулка к морю?!».

Мы синхронно вылезли из жижи и заходились отряхиваться. Густой черный дым валил из дверного проема и окон. Внутри что-то лопалось, шипело и потрескивало. Прибежал шериф и заорал, вскакивая на крыльцо:

– В доме кто-то есть! Я гляну! Вы как?!

– Сядь, да покак! Под ноги смотри... – Юнкер заматерил-

ся и пошкандыбал следом.

Я тоже поднялся на крыльцо, но переступить порог не успел.

– Беги за дом! – услышал окрик полковника. – Тут человек без сознания. Щас в окно протолкнем. Будешь на подхвате.

Придерживаясь за стену, обежал негостеприимное строение. Оказавшись с тыльной стороны, увидел очертания головы, свесившейся из оконного проема. Потом выдвинулись плечи. Подоспел вовремя и, потянув за подмышки, повалился в мокрую траву вместе с бездыханным телом.

Высвободившись, попытался нащупать на шее незнакомца пульс, но тщетно.

Кряхтя и чертыхаясь, из проема вывалился Юнкер, а из-за угла выбежал околоточный. Откашливаясь, вопил, прижимая мобилку к уху:

– В Малореченском взорвали дом! Есть раненый! Быстро скорую! Улица Дачная над рекой. Дороги срочно перекройте! Разыскивается синяя «нива» ...

Дождь почти прекратился, небосвод посветлел, хотя на близлежащие сопки уже наползли вечерние сумерки.

– Хорош волать! – шумнул на лейтенанта Юнкер. – В лицо ему посвети! Похоже, жив! Веки дрожат. Это Слоник!!

Вглядываясь в пергаментное лицо, перепачканное кровью и копотью, я не смог опознать друга юности. Немудрено, ведь мы не виделись без малого тридцать лет.

– Точно Кухаренко, – удостоверил участковый. – Быстрой бы скорая приехала.

– Саня, очнись! Кто это был? – Черноух легонько тормозил Слоника за плечо. – Моргни, если слышишь, – поднял на меня глаза и спросил. – Может искусственное дыхание?

– Лучше голову осмотри. Откуда кровь сочится. Нужно рану зажать.

Наконец, со стороны поселка послышались вторившие друг другу сирены. Откуда не возьмись, появились крикливые соседи с жестяными и пластмассовыми ведрами в руках. Мотаясь по саду, поливали водой стены, а некоторые донимали советами по оказанию неотложной помощи.

Все еще находясь в прострации, я проводил экстренные оперативные мероприятия. Пристально всматривался в лица добровольных огнеборцев, пытаюсь рассуждать:

«Не исключено, что отморозок будет выжидать. Смешается с толпой зевак, чтобы разузнать, чем дело закончится. Кто тут лысый с нависающими бровями и выпученными зенками?».

В утробе дымящейся хаты слышались крики, топот, возня. С треском что-то ломалось и падало. Во двор заехала пожарная машина с мигалками, опрокинув забор и подмяв кустарник. Следом вкатилась карета скорой помощи. В считанные секунды израненный Слоник оказался под опекой врачей.

Участковый с Черноухом инструктировали запыхавшихся

постовых, а двое пожарных отгоняли зевак от дома.

Оставшись не у дел, я вознамерился разыскать командира огнеборцев, но неожиданно заприметил эскорт, о котором совсем позабыл. С видом провинившихся школьников топтались у поваленного забора бодигарды и нерешительными жестами пытались обратить на себя внимание.

Подойдя, нахмурился и осведомился:

– Что на этот раз?

– Грязюка, – прогудел Борила, косясь на Лютика. – Я предупреждал, шо не проскочим на мерине, а этот...

– Не надо ля-ля! – парировал водила. – Сам наказал тормознуть посреди...

– Финита! – остановил я прения сторон. – Запоминайте приметы и марш округу шерстить!

Обрисовав пучеглазого и отправив братков на проческу, разыскал старшего пожарного расчета. Представился и попросил не особо рушить ветхое строение – важно сохранить, как можно больше следов для проведения экспертиз.

Слоника уложили на носилки и понесли к машине скорой. Черноух придержал за рукав немолодого врача и поинтересовался:

– Прогнозы, доктор?

– Надобно поспешать! Ранения тяжкие. Открытая черепно-мозговая травма, возможен ушиб мозга. Сломана рука в запястье и как минимум два ребра. Будем переправлять в Симферополь. Диспетчер сообщил, что вертолет вылетел.

Вскорости до места взрыва добралась следственно-оперативная группа. Юнкер подозвал высоченного майора и заговорил, кивая на пожарище.

Издали послышался негодующий окрик участкового:

– Отстань, Андреевна! Сейчас не до забора! Пожарным треба было проехать.

– Да ты и впрямь бестолковый! – наседала бойкая старушенция, ухватив лейтенанта за полу расстегнутой рубахи. – При чем тут пожарники?! Я тебе про бобика толкую.

– Какого еще бобика?

– Синего! – гаркнула Андреевна и ткнула костлявым перстом в сторону патрульного УАЗа. – Такой, как этот, только с окошками. Вчерась курортник упросил приютить во дворе. Он комнату снял возле моря, а стоянки там нету. За неделю наперед денег дал.

– На вид лет пятьдесят, лысый, глаза тарачит? – отчеканил шериф. – Рубаха коричневая, стоптанные туфли, монетка на шее.

– Точно он. Правда, больше его не видала. Сегодня, когда грохнуло, я бегом к окну. Пообещала же за бобиком присмотреть. Гляжу, на нем фары зажглись, мотор заревел и прямиком в забор!

Подошедший Черноух поблагодарил Андреевну:

– Вы очень помогли! Участковый выдаст премию и починит забор.

– Какой из меня плотник?! – заартачился Роман. – Пре-

мию, с каких фондов платить?

– Отдашь киношное жалование. Это тебе за бочину, – распорядился полковник и обернулся ко мне. – Версии есть?

– Единственная. Маньяк проник в дом, напал на Слоника и бросил истекать кровью. Когда уходил, засек машину участкового. Понял, что мы взяли след и поставил растяжку.

– Думаешь, успел бы?

– Легко. Стоит хотя бы раз попробовать, чтобы потом укладываться в минуту. Пока мы подходили к дому, прошло минут пять-семь. Он поставил растяжку, вывалил окно и ушел через сад во двор Андреевны.

Юнкер закивал, распушив усы:

– Похоже. Получается, что забор протаранил уже после взрыва и успел проскочить мимо нарядов. Ориентировка на «ниву» не успела дойти. Знать бы, куда он поехал?

– Дознаемся. Главные дороги уже перекрыты.

– Что если отсиживается где-то поблизости?

– Для этого ему нужно было заранее подыскать место, где можно спрятать машину. В любом случае времени было достаточно. С момента взрыва и до того, как шериф сообщил дежурному о взрыве, прошло минут пять. Приплюсуем десять-пятнадцать минут, пока рассылались ориентировки, и запрашивалось разрешение главка на введение плана «Перехват».

– Прибавь еще десять минут, пока из Алушты выехали наряды.

– Выходит, тридцать пять-сорок, – подвел я итог.

– До Алушты легко можно доехать, – подметил шериф.

– До перевала еще быстрее, ежели через Лучистое. Но, по моему, он уходит на Судак. Домчит по трассе до Приветного и повернет на Белогорск. Туда патрули нескоро доберутся.

Черноух приложил мобилку к уху:

– Алло, дежурный! Лично свяжись с постами ГАИ в Белогорске, Алуште, Судаке и на перевале. Чтоб останавливали и досматривали все машины. Береговикам поставь задачу. Не исключено, что морем надумает уходить. К утру подошли местному шерифу дюжину курсантов-стажеров. Тут работы на неделю!

– Пусть отправит сыщиков в больницу, – подсказал я. – Вдруг Кухаренко очнется.

– Уже распорядился, – Юнкер упрятал телефон в карман и, оглянувшись, крикнул майору из опергруппы. – Мы уехали отмываться. Если что, звони!

За пару минут мы добрались до внедорожника и расселись по местам. До околицы Лучистого Роман придерживался скорости патрульной машины и поминутно вглядывался в темноту за окнами.

Я же занялся вычислениями в уме:

«Если мы верно рассчитали, то в коробке на кладбище в Скадовске было восемь целых спичек и обломок. То есть Вишенцев значился первым номером в черном списке пучеглазого, а всего в нем девять человек. После взводного он разо-

брался с Доходом – в его коробке семь спичек и обломок. Потом застрелил Костюченко – шесть спичек. Теперь покалечил Слоника, только коробок пока не найден. В нем должно быть пять спичек и обломок. Почему же он прислал Бокалу письмо с медведем вместо коробка? Понятно, что смысловая цепочка общая, ведь использована олимпийская символика. Как бы там ни было, но в списке остается четверо приговоренных. Или, по крайней мере, трое. Знать бы, кто они и нужно ли учитывать себя?».

Тем временем джип остановился, осветив фарами знакомые ворота. Створка тут же отворилась и навстречу выбежала Маричка.

– Что твориться Ромочка?! – запричитала со слезой в голосе. – Рация на кухне разрывается! Чего вы такие чумазые? Ой, у вас кровь на коленках!

– Все добре. Ставь чайник, – сконфузился околоточный и сунул фонарь под водительское сидение. – Шо за фигня?! Откуда это здесь?!

Распрямился и вытянул руку.

В перепачканной ладони лежал фиолетовый спичечный коробок, а с этикетки, как ни в чем не бывало, скалился олимпийский мишка.

Глава седьмая

БРУТ

С минуту мы оторопело пялились на зловещий знак.

Нескучный финал поездки в Малореченское лично у меня вызвал состояние реактивного ступора. Заторможенность продлилась вплоть до решения, отправляться спать, а рассуждения, дебаты и внесение правок в план действий – отсрочить до утра.

Мало-помалу одеревенелость мозговых извилин отступила. Следом улетучились готовые взорваться эмоции и предательский тремор в конечностях. Неспешно вырисовалась вероятная картина случившегося:

«В разгар расправы над Кухаренко пучеглазый заметил узик шерифа. Понял, что менты взяли след и задумал одним махом зачистить всех. Установил растяжку и улизнул, вывалив тыльное окно. Но подался не во двор Андреевны, как мы предполагали ранее, а к нашему внедорожнику. Оставил черную метку и побежал к своему бобику. От места, где мы оставили узик до двора Андреевны полста метров с небольшим, если уходить напрямик через заборы. Ему с головой хватило времени добраться до «нивы» и дожидаться взрыва. Потом маньяк воспользовался переполохом, протаранил забор и успел выехать на трассу до приезда патрульных машин.

Коробки с медведями – это его факсимиле со встроенным арифмометром. Следовательно, он должен отдавать себе отчет, что рано или поздно опера свяжут эпизоды в единое производство и примутся отрабатывать серийную вер-

сию. Также проверят гипотезу, что фигуранты по делу знают друг друга много лет.

Похоже, чистильщику без разницы, заглотили мы эту наживку или нет. Он целенаправленно реализует пункты плана и не заморачивается оттого, что мы наступаем на пятки. Он ослеплен превосходством из-за того, что просчитал все наперед – ведь еще утром мы понятия не имели о фазенде Слоника и не собирались ехать в Малореченское. Зато серийник был уже там и готовил нападение. Неизвестно – ожидал преследования или нет, но на поверку оказался во всеоружии. Напрашивается вывод, что он владеет навыками разведывательной и диверсионной работы.

Не дает покоя догадка, что за подмостками сцены скрывается умелый кукловод. Иначе как объяснить появление наружки, отслеживающей мои передвижения? Скорее всего, телефоны тоже прослушиваются. Если так, то маньяка предупредили, что мы появимся в Малореченском.

Порою кажется, что циничный манипулятор, написавший сценарий кровопролитного триллера, утвердил пучеглазого на роль неуловимого мстителя, а нас, горемычных – задействовал в темную наподобие послушной массовки.

Теперь о главной нестыковке. Почему в коробке, который нашел в уазике шериф, оказалось четыре красноголовых спички и один обломок? По расчетам должно быть пять целых спичек. Либо мы просчитались, либо коробок с пятью спичками где-то уже оставлен. Пугающее истораживаю-

щее предположение.

Напоследок – непонятка с письмом, которое получил Бокал по электронной почте. По-видимому, Вадим значится в списке и для него уготовлен коробок с соответствующим количеством спичек. Но по какой-то причине пока ... Стоп. Может, остальные тоже получили предостережения? К примеру, Слоник, который насторожился задолго до исчезновения. Дохода никто не спрашивал о предвестниках беды, а по убийству Костюченко такая информация вряд ли всплывет. В общем, сплошные вопросы без ответов и догадки без доказательств».

Маричка настелила на террасе походное лежбище из двух матрацев и двуспального пледа, на котором мы распластались после омовения в душе.

Пресытившись дедуктивными упражнениями, я намерился уснуть под ритмичный храп Черноуха, но долго ворочался, не в силах расслабить и утихомирить нервную систему. К тому же мозговая активность отказывалась угасать после стрессовой заторможенности.

Уснул незаметно для себя, когда звезды поблекли, а ночное небо начало сереть.

Пробудился оттого, что стало жарко. Юнкера рядом не оказалось. Оглядевшись – припомнил, где нахожусь, разглядев свои выстиранные пожитки, сохнувшие на растянутой

меж деревьев веревке рядом с форменной рубахой участкового.

Приподнялся и услышал позади приветливое щебетание хозяйки:

– Доброе утречко! Рома с Виктором Иванычем спозаранку укатили. Даже не позавтракали. Их по радиии вызвали. Сказали, что нашли улику по взрыву. Решили вас не будить.

– Спасибочки, конечно, – пробубнил, заприметив под столом свою сумку. – Вещички догадались оставить. Все равно не честно!

– Зато выспались. Замотайтесь в простынку, пока я одежду поглажу. Умойтесь и садитесь завтракать. Еда на столе.

Завершив водные процедуры, удостоверился в работоспособности телефонов. Во время вечерних баталий оба отлеживались в карманах шорт и чудом не «наглоотались» воды.

Подсев к столу, созвонился с Молодязевым и уяснил, что он владеет полной информацией.

– Таки радуюсь, шо вы живы! – твердил Репа, вздыхая. – Жаль Слоник пострадал. Голова пробита, правая рука сломана и два ребра.

– Все-то ты знаешь! Может, в курсе, куда Черноух подался?

– Участвует в оздоровительном восхождении на Каратау. В окрестностях Лучистого ночью сгорела машина.

– Нива, как пить дать!

– В яблочко! Наши узнали про вчерашнее и раздухари-

лись не на шутку. Зуй с Летописцем с утра шашками машут. Пришлось Батона на них науськать. Ты-то чем мозги нагружаешь?

– Разгадываю ребус с медведями. Нам подкинули коробок с четырьмя спичками, а по расчетам должно быть пять.

– Знаю. Думаешь, отморозок где-то еще наследил?

– Вероятно. Скоро узнаем.

– Дело поганое! Хуже нет – ждать и догонять. Самчуков пообещал поставить на уши все побережье до самого Азова. Короче – ждем-с. Бывай!

Отложив телефон, нехотя умял омлет и взбодрился убойной дозой свежесваренного кофе. После чего решил по-беспокоить Юнкера:

– Вы где? Мог бы разбудить...

– Отставить! Ты в командировке, потому должен быть бодрым и работоспособным, – полковник бубнил отрывисто с одышкой. – Мы в горах на Каратау. Под утро диспетчеру горноспасательной службы сообщили, что в урочище горит машина. Пока спасатели добрались – тушить было нечего. От синей нивы остался черный скелет.

– Как она там оказалась? По нашим расчетам маньяк должен был податься на перевал или доехать до Судака.

– Облапошил вчистую! Укатил в сторону Алушты, а перед Солнечногорским повернул в горы. Доехал до Генеральского, потом по грунтовке – к подножию Каратау. Дорогу ливнем размыло, потому дальше не сунулся. Машину поджог, а

куда девался – неведомо. Здесь полно туристических троп. Одни ведут на перевал, другие – вглубь горного массива. Я запросил помощь у военного коменданта. Он поднял по тревоге связистов в Кутузовке – прочесывают плато и подходы к перевалу. Гаишный вертолет кружит по округе, но пока безрезультатно. У бандита была фора – вся ночь.

– Думаю, он подбирается к трассам, чтобы уйти вглубь полуострова.

– Не обязательно. Мог заранее подыскать берлогу. Затаился и отсиживается. Ждет, пока менты уgomонятся.

– Пучеглазый точно прошел спецподготовку. Вы тоже хороши! Бросили меня! Желая быть полезным...

– Не фони без темы! Жди звонка. Конец связи.

Отложив телефон, услышал, как отворилась створка ворот. Обернулся и увидел в проеме озадаченного Борилу с понурым Лютиком.

Борис Николаевич прошествовал к террасе и пробасил:

– Беда, Иваныч! У босса выкрали дочку с внуком. Полчаса назад в Николаеве. Наши маякнули, а мне боязно звонить Вадиму Федоровичу. Что делать будем?

От известия перехватило дух. Сердце сжалось и зашлось болезненными проколами. Бездумно пялясь по сторонам, пытался рассуждать:

«Сейчас я для них бугор, предводитель и атаман. Ни в коем случае нельзя выказывать истеричную поспешность на фоне растерянности. Недопустимо распускать нюни и обре-

ченно разводить руками. Пока не настигло озарение, полезно переключить их взбудораженное мышление на обыденный фактор».

– Три минуты на перекус, пока я отзвонюсь! – выпалил на одном дыхании. – Отказы не принимаются.

Лютик первым взошел на крыльцо и подсел к столу. Борила подернул плечами и пошкандыбал следом. Оба накинулись на бутерброды, поглядывая на предводителя.

Стараясь казаться спокойным и уравновешенным, ново-явленный босс выудил из сумки, джинсы, летние туфли и пару носков. Накинул выглаженную рубашу и, поднявшись, деловито заходил по террасе, дожидаясь соединения с помощником. Паша вскоре отозвался:

– Знаете уже? Мы с Дашкой в дороге. Едем в Николаев.

– Я тоже, – обронил, сбросил вызов и воспрянул духом после спонтанно принятого решения. Одним махом удалось выбраться из логического тупика, не теряя времени и сил на длительные и порой бесполезные демагогические ковыряния в мозгах.

Спустя полминуты зателефонировал Черноух:

– Слыхал?! Мне Самчуков позвонил. Едешь к Бокалу?

– Конечно! На мерине с эскортом.

– Я так и понял. Пришлешь СМС с бортовым номером. Озадачу дежурного ГАИ, чтоб обеспечил вам зеленый коридор до Николаева. Держи меня в кусе ... кстати, не успел поблагодарить ... сам бы растяжку не засек ...

– Я тоже. Ангел-хранитель надоумил. До встречи!

Из кухни вышла Маричка и протянула Бориле увесистый сверток.

– Покушать собрала в дорогу, – вымолвила чуть слышно. – Храни вас Бог.

За двадцать минут приемистый «мерс» домчал до поста ГАИ на Ангарском перевале. Щекастый старлей приветно помахал жезлом и демонстративно отвернулся.

Сбившись со счета, я попытался дозвониться до Бокальчука. Прослушав в очередной раз уведомление, что абонент находится вне зоны досягаемости – сунул мобилку в карман и устоялся в окно.

Отнюдь не новый образец германского автопрома пролетал по симферопольской объездной дороге со скоростью гоночного болида, оставляя позади спальные районы. Вскоре показалась развязка с выездом на Красноперекопское шоссе, и в эту минуту мобильник Борилы разразился «золотыми куполами» Михаила Круга.

– Наконец-то, шеф! – прогудел охранник и замолк, выслушивая указания. Потом молча передал мне телефон.

– Привет, Кучер, – послышался близкий и, казалось, спокойный голос Бокальчука. – Ты ничего мне не должен, поэтому волен не приезжать. Сам разберусь! Тридцать лет об-

ходились друг без друга и сейчас обойдемся. Наверное, пришла пора каждому ответить за свое...

– Согласен! Непременно приеду! Готов нести ответственность за принятое решение.

– Соскочил, – обронил Вадим и признался. – Честно говоря, не ждал другого ответа. Потому наказал Бориле отвезти тебя на конспиративную хату. Пока встречаться незачем. Побудешь в резерве вместе с Нюрой. Премного благодарен и до встречи!

После экспресс-переговоров время полетело с небывалой скоростью. Остались позади бескрайние крымские степи, Красноперекопск и Армянск, а вскоре разгоряченный седан понесся вдоль Северо-Крымского канала.

Черноух выполнил обещание – ни один гаишник не отважился выбросить жезл обнаглевшему «мерину», проносившемуся мимо постов и КПП со скоростью звука.

Долетев до Николаева, Лютик зарулил в район новостроек недалеко от побережья. Гостя сопроводили в меблированную трехкомнатную квартиру, расположенную на восьмом этаже шестнадцатиэтажной высотки. Из окон открывался замечательный вид на славный город корабелов с мачтами портовых кранов на горизонте.

– Мы в супермаркет за хавчиком, – уведомил Борис Ни-

колаевич. – Располагайтесь покудова.

Заперев дверь и осмотревшись, пришел к выводу:

«Квартиру явно подбирал человек, знающий толк в оперативной работе. Из окон, лоджий и кухонного балкона – отменный обзор на три стороны. Не контролируются подходы с тыла, но там высокий забор охраняемой стройплощадки. Подъехать к единственному парадному возможно со стороны фасада по проулку, который просматривается до пересечения с главной улицей. Выход на чердак и проход в подвал, по всей видимости – из того же единственного парадного. Балкон и лоджии не совмещены с соседскими. Получается, что попасть в квартиру возможно только через дверь, причем лестничная площадка и оба лифта видны, благодаря обзорному глазку и видеокамере. Ко всему – переговорное устройство и электрический замок на входе в парадное».

Добытки вскоре возвратились, притащив в объемных баулах не менее центнера провизии.

– Ожидается длительная осада? – я с интересом наблюдал, как кухонный стол и все полезное пространство загромождается съестными припасами.

– Не помешает, – пропыхтел Лютик.

– Разберетесь, короче, – пробасил Борила. – Нам пора. Команда поступила.

Оставшись один, завалил провизией полки двухкамерного холодильника и кухонного шкафа. Попутно занялся расфасовкой информационных файлов, скопившихся в мозго-

вом анализаторе после поспешного отъезда из Крыма. В «бортовом компьютере», словно в кульках из супермаркета, оказались сваленными вперемешку события, гипотезы, перспективы. Каждому файлу пора было подыскать надлежащее место, чтобы в нужный момент без труда воспользоваться данными. Некоторую информацию требовалось архивировать, а ошибочные версии и предположения отправить в мусорную корзину. В итоге получился меморандум:

«Маньяк опередил нас в Малореченском, разобрался со Слоником и грамотно ускользнул от погони. Даже поиздевался, оставив черную метку в джипе шерифа. Наряды милиции блокировали магистрали, а он воспользовался неприметным проулком, ведущим к разветвлению горных троп. Примечательно, что перекрыть лазейку через Каратау не догадались ни Юнкер, ни Роман. Я вообще о ней не знал, а пучеглазый скрупулезно учел и просчитал варианты. Либо он отменно ориентируется на местности, либо не ожидал, что сядем на хвост – потому отыграл импровизацию. Ретировался наобум по всем правилам разведдеятельности, положившись на инстинкт самосохранения. Если импровизировать без паники, то, как правило, выходит эффективнее, чем следовать намеченным пунктам плана. Благодаря спонтанной тактике, серийник возымел фору – всю ночь, не опасаясь погони, пробирался через горы к автодороге или населенному пункту. Например, в заранее приготовленную берлогу, где можно залечь и дожидаться окончания отработки окрестно-

стей по горячим следам ... Стоп! Тупиковая версия! Как-то же он оказался утром в Николаеве и захватил родичей Бокальчука. Вполне возможно, что где-нибудь за перевалом он заранее спрятал запасную машину. Тогда это не просто легковушка, а как минимум гоночный модуль известного европейского бренда. Все равно не сходится! Преступления, связанные с похищением людей, тщательно планируются и, чаще всего, совершаются в группе. То есть у пучеглазого должны быть подельники. Кто они и сколько их? Тоже из бывших ментов? Мозги начинают плавиться! Может, не залазить в дебри, а мыслить проще? У кого-то элементарно сорвало крышу по невыясненной пока причине. Он возомнил себя чистильщиком или народным мстителем, а спичечные коробки прилагает для устрашения и ритуального окраса. Тогда как обезбашенный индивид смог настолько продуманно действовать? С помощью какого транспортного средства он перемещается с космической скоростью? Как же мне нужна сейчас помощь зала! Вот для чего умные люди придумали коллегии».

Припомнилось, как в нашем розыскном отделе помимо официальных коллегий частенько созывались так называемые окопные сходки. Особенно, когда возникала потребность услышать точку зрения каждого опера, проанализировать ошибки и наметить дальнейшие действия.

Костяк отдела собирался, как правило, вечерком и заседал

под соответствующую закуску до глубокой ночи. Поверьте – толку было больше, чем от каждодневных утренних головок-моек.

Неожиданный телефонный звонок положил край воспоминаниям.

– Въехали в Николаев, – уведомил Нюра. – Скоро нагрянем. Жрать охота.

– Понял! Начинаю строгать бутерброды.

Сбросив вызов, определился с кухонным инвентарем и принялся за колбасу и сыр.

Паша знал не только код замка на входной двери, но и располагал ключом от квартиры. Новобрачные завалились на явку, словно к себе домой – зримо уставшие и удрученные. Неумный оптимизм смекалистого помощника угас, а не сходящая с лица улыбка едва примечалась. Бесспорно, Нюра психовал, сопереживая Вадиму. Судя по излишней жестикуляции и блуждающему взгляду, находился в состоянии дрящегося стресса. Обычно в подобных ситуациях главенствует юношеский максимализм.

– Ерундой вы маетесь! – пробурчал помощник, примеряясь к очередному бутерброду. – Без обид, конечно. Рое-те усердно, но не там! Какой-то умник поймел напыщенных сыщиков! Грамотно развел, а вы рады стараться – загло-тили версию о серийном душегубе. На самом деле орудует банда. Думаю, что главный удар направлен на папин бизнес. Все

остальное – отвлекающие маневры.

– Спорить не буду, – понимая его состояние, решил обойти полемику. – Может ты и прав. Мы отработываем разные версии. Кем бы ни оказался этот урод, но главная его задача на данном этапе – расколоть нашу команду. Надеется, что сорвемся с катушек и станем обвинять друг друга в некомпетентности.

– Дядя Сережа прав, – пришла на подмогу Даша, обнимая благоверного за шею. – На нервах задачка не решится. Может, поспишь? Вторую ночь на ногах.

– Успею. Но ты права – утомиться не помешает.

– Вот и ладненько, – поддержал помощника. – Даша дурного не присоветует. Да ты и сам адекватно мыслишь. Слышал, наверное, что главенствующим фактором в борьбе с преступностью является холодная голова.

Наивно понадеявшись, что юноша не знаком с крылатыми высказываниями Феликса Дзержинского, я постыдно просчитался.

– Пролетарская беллетристика! Читал-с, – отмахнулся Нюра. – Штудировал с легкой папиной руки, чтобы хрень из головы выветрилась. Кое в чем могу согласиться с главным чекистом совка, но считаю, что цитирование устаревших аксиом с попыткой приложить суть к текущему моменту – чревато застреванием в прошлом.

– Один-ноль! Разделал под орех бывалого опера.

– В легкую! Теперь иное время и мозговые винчестеры у

молодых помощнее ваших будут.

– Согласен, но унять нервишки все же полезно. Лучше предложи какой-нибудь реальный шаг.

Нюра потупился и пробурчал:

– Типа я знаю! Горячусь оттого, что сдрейфил из-за папы.

– Я что ль не вибрирую?! Расскажи о похищении.

– Вначале девятого утра дочка Вадима Федоровича повезла сынишку к доктору. Какая-то важная прививка в полгода от роду. Ирина отменно водит, и терпеть не может присутствие охранников. Те стараются незаметно сопровождать ее белый ниссан. Сегодня тоже увязались следом, а на полдороги ихний джип тормознул гаишник. Промурыжил минут десять – проверил документы, аптечку, наличие огнетушителя. Естественно, они потеряли объект сопровождения. Помчались напрямиком в поликлинику и выяснили, что Ира не приезжала. Подняли тревогу. Ниссан, как сквозь землю провалился. В разгар паники папа получил электронное письмо. Снова прислали медведя, но уже с пояснением. Под картинкой надпись: «За родных не волнуйся. Это рычаг, чтобы ты не дергался и готовился к ответу. Жди» Папа вздрючил начальника городской милиции, а тот поднял по тревоге гарнизон. Как-никак преступление в отношении депутата.

– С ментами понятно. Ты сам что предпринял?

– Мой гарнизон с утра землю роет. Одних нацелил на отработку домов и дворов по ходу движения ниссана. Вдруг отыщутся свидетели. Другие шерстят интернетовские чаты

– может инфа какая проскочит. Остается ждать.

– Тогда располагайтесь. Места хватит.

– Сами лучше отдохните, – он хитро сощурился. – Наслышаны о крымских гастролях! Зачетно выступили.

– Полный провал! Упустили злодея! Видишь, к чему привело?

– Это не он! – заартачился Паша. – Провернуть такое не под силу одиночке. Подумайте над моими словами. Орудует банда. Короче мы погнали – есть идея.

– Покумекаю, – пообещал, собирая со стола посуду. – Особо не геройствуй и держи меня в курсе.

Молодожены выпорхнули из квартиры, а я остался один-одинешенек. Не раздеваясь, развалился в зале на диване и мгновенно отключился.

Пробудился от настырного пиликанья купленного в Одессе мобильника. Ходики на стене уведомили, что перевалило за половину шестого вечера. Медленно возвращаясь к действительности, приложил трубку к уху.

– Ниссан нашли, – сообщил Нюра. – На территории брошенного завода в припортовой зоне. Незапертый и пустой.

– Писем больше не было?

– Нет, насколько я знаю. До связи.

Отложив телефон, нацелился в ванную комнату, но не дошел, услышав разбитной мотивчик смартфона. Телефонировал Бокальчук:

– Машину нашли.

– Знаю. Паша звонил.

– Это еще не все. Из Киева прибыла бригада спецов. Толком не разобрался, кто такие. Перебрали на себя руководство.

– СБУ или прокурорские?

– Ни то, ни другое. Заправляет целый генерал, а из какой конторы – без понятия. Конкретный мужик! Я ему выложил все для полноты картины – и про Одессу, и про Крым. Кстати, он тебя знает! Фамилия смешная – Брут. Услыхал, что ты здесь и восхотел немедля встретиться. Короче жди звонка.

Услышав знакомую фамилию – обрадовался и озадачился одновременно.

В середине девяностых годов прошлого тысячелетия Борис Никифорович Брут руководил нашим управлением без малого пять лет. Тогда он еще носил полковничьи погоны.

Вскоре после назначения подчиненные довелись, что кумир их нового патрона – русский царь Петр Великий. К тому же наблюдалось внешнее сходство: гренадерский рост и телосложение, начальственные замашки, решительно-наступательный принцип общения. Более всего Никифорыч гордился крестьянским происхождением и необычной, но знатной фамилией.

– В нашем роду одни хлебобобы и менты, – не раз повто-

рял он для ясности. – Посему прошу не связывать мою фамилию с римским патрицием Брутом, возглавившим заговор против Цезаря. Равно как с гоголевским Хомой – философом и семинаристом. Хотя не возражаю против возможного родства с последним. Не исключаю, что Николай Васильевич мог позаимствовать фамилию для Хомя у кого-то из наших пращуров. Бруты родом из полтавской глубинки.

Лично мне было интересно и поучительно служить с Брутом, хоть многие считали его властным и деспотичным человеком. Таковым воспринимали Никифорыча демагоги и пустомели. Вернее, таковым он и был для данной категории бездельников.

Времена диктовали жесткий стиль руководства. Развалился Союз, начался процесс образования независимых государств. У индивидуумов, привыкших к прозябанию в инертной многонациональной семье и шаганию стройными рядами в светлое будущее – случился шоковый припадок. Закостенелые мозги оплавилась от закипания, а взращенная совком беспомощность трансформировалась в трусливую, но агрессивную истеричность.

Нагрянувшие перемены Никифорыч обозвал разгулом демократии и быстро втолковал проклянувшемуся вольнодумцам, что данное явление не распространяется на его юрисдикцию.

– Сколько солдата не целуй – последний жаркий поцелуй будет в задницу, – пояснял Брут персональное видение пере-

строечных явлений в социуме. – Так говаривал Суворов и я с ним всецело солидарен. Посему понятия мент и демократия сочетаются в моем понимании, как балет и строевой смотр. Прошу зарубить себе на носу! Ибо непонятливых чина лишу и велю привселюдно кнутом драть!

Я добрался до умывальника и придал внешности благопристойный вид. Удовлетворившись, смекнул:

«Раз день сегодняшней завершится брифингом с генералом тайной канцелярии, то показываться ему на глаза с помятой и небритой физией чревато потерей давней обоюдной симпатии».

После чего повторил гастрономический финт с бутербродами и, перекусывая на дорожку, уместился перед телевизором. Хотелось отвлечься от дурных мыслей и узнать, что происходит в стране и мире.

О похищении родичей депутата не сообщалось ни в одном блоке местных новостей. Ничего удивительного в том не было. Функционировал режим секретности – чрезвычайно важный на первичных этапах оперативного реагирования в подобных обстоятельствах.

Когда в очередной раз запиликал смартфон, на экране появились цифры – 21.30.

– Приветствую, Серго! – услышал знакомый раскатистый

баритон. – Узнал?! Отож! Ничего, что кличу по старинке на грузинский манер?

– Даже приятно. Заждался вашего звонка.

– Значит, в курсе, что надобно встретиться? Давай прямо сейчас, пока тихо.

– Согласен.

– Карету не пришлю. До гостиницы «Ингул» сам доберешься. Понятно из-за чего?

– Знамо дело! Скоро буду.

– Все такой же, – хохотнув, подметил Брут. – Подгребай, тебя встретят. Откупориваю коньячок!

Спустя пять минут вышел из подъезда и отыскал на углу высотки табличку с адресом, дабы знать, куда возвращаться. Озираясь, прошагал проулком до перекрестка, повернул в сторону центра и прогулялся до остановки троллейбусов. Недолго постоял, неприметно оглядываясь, и двинулся к бровке с поднятой рукой.

Через минуту подрулила облезлая «копейка» туманного цвета. Немолодой бомбила согласился за умеренную плату отвезти приезжего на автовокзал.

Оказавшись в знакомой местности, первым делом убедился, что не притянул за собой наружку. Вошел через центральный вход в зал ожидания, поглазел на табло с расписанием и прошмыгнул через боковую дверь на платформы. Побродив меж автобусами, заметил стоявшую невдалеке

машину с шашечками такси на кабине. Подошел, сговорился с таксистом и через полчаса оказался возле гостиницы «Ингул».

Направился к освещенному крыльцу и едва не столкнулся с лысым атлетом в строгом костюме.

– Следуйте за мной, – пробасил здоровяк усмехаясь. – Генерал ждет.

«Узнаю манеру Никифорыча, – заключил, входя в вестибюль. – Шпионские спецэффекты, это его конек!».

Оперативник сопровождал к двери номера, расположенного в конце коридора на третьем этаже. Постучавшись, толкнул дверь и посторонился, пропуская внутрь.

– Внешне тоже не изменился! – провозгласил Брут, обняв визитера при пороге. – Рад видеть! Верить?! Давно мечтаю переманить тебя в команду. Испытываю острую нехватку сыщиков старой школы. Проходи, Серго!

Широким жестом указал на журнальный столик перед диваном, уставленный ресторанными яствами. Кашлянул и заинтересовался:

– Надеюсь, не на диете?

– Стараюсь на ночь не переедать.

– Малеха закусим и все! – обязался Никифорыч, пододвигая к столику кресло. – Умачивайся на диване. Предлагаю усугубить по пять капель таврийского коньячку!

– Я ж не пью.

Генерал хлопнул себя ладонью по лбу.

– Ах, да! Припоминаю, какой ты устроил фурор в управлении. Молоток, что держишься!

– Вы тоже не меняетесь.

– Жизнь такая! Ты же прочувствовал, каково оно на пенсии вписаться в бандитский беспредел! Я-то в этом дерьме по жизни копошусь – привыкший! Лично для меня, подобные командировки даже на руку. Извиняй за циничность!

– На правду грех обижаться.

– Вот и ладушки! Я приму во здравие всех присутствующих, а ты давай, на-сухую докладывай.

Ввиду отсутствия оснований не доверять однопольчанину, я подробно изложил хронологию событий. Брут внимательно слушал, не перебивая. Лишь иногда кивал и пригубливал из пузатенькой стопки. Дождавшись финала, заключил:

– Прямо сюжет для ужастика в стиле Хичкока. Бокальчук про ваш медвежий зверинец толковал и усмехался сквозь слезы. Я же подумал, что олигарх от переживаний трошки сбрендил.

– Не мудрено. Вадим привязан к семье, а этот гад лупит по больным местам.

– Вижу, Серго, что доверяешь старому служаке. Ценю! Знаю тебя, как облупленного и всецело полагаюсь. Ты из тех, кто не скурвится.

Он заглянул собеседнику в глаза, ожидая реакции, а я ответил тем же, используя знаменитые брутотские штучки.

Выдержав драматургическую паузу, Никифорыч доволь-

но хмыкнул и заговорил доверительным тоном:

– Я возглавляю секретную службу, подконтрольную наивысшему эшелону власти. Сам подбирал сотрудников и выводил за штат МВД, СБУ, военной разведки. Принцип подчиненности тебе знать не обязательно. Скажу одно – полномочия такие, что самому страшно! Это я к тому, что после командировки планирую предложить тебе пост своего зама.

– Буду сопротивляться...

– Мне фиолетово! Сказал же – после командировки. Пока прошу зарубить на носу – сказанное и услышанное приравнивается к государственной тайне.

Я исправно кивал, ощущая, что после разговора проблем прибавится, а Никифорыч все подливал масла в огонь:

– Да будет тебе известно, что Бокальчук давно в поле нашего зрения. Всему виной огромные деньжищи, обширные связи и власть. Главные финансовые потоки его империи мнут государственную казну, и сей факт напрягает властный аппарат.

– Государево око не дремлет.

– На то оно и око. Когда мне сообщили о киднеппинге, я сходу выдвинул версию, связанную с конкуренцией и переделом зон влияния. Прибыл на место, а тут триллер с медведями и маньяками. Придется разбираться с этим цирком и вплотную опекать Бокальчука. Его коммерческая деятельность не противоречит интересам страны. Более того – главные проекты можно считать государственным заказом.

Сие означает, что держава всячески поддерживает начинания Вадима Федоровича и обязалась его защищать. То бишь меня разорвут в клочья, если хоть один волос упадет с головы Бокальчука или членов его семьи. Вопросы есть?

– Конечно. Вы доложили наверх, что версия о переделе зон влияния не подтверждается?

Никифорыч хитро сощурился, доливая в стопку коньяк. Опрокинул залпом, довольно крикнул и, указав перстом в потолок переспросил:

– Интересуешься, как там отреагировали на серию? Никак! Считай, что Брут струхнул.

– Ой, ли?!

– Зря иронизируете, товарищ Кучер! – поднявшись, он заходил по комнате. – Ежели я им поведаю страшилку про медведей со спичками, то сходу окажусь в дурдоме. Представляешь меморандум подобного содержания?!

– Вы правы. На понимание в высоких кабинетах уповать не приходится.

Генерал остановился, развернулся на каблуках и смерил потенциального заместителя орлиным взором. Мигом припомнился эпизод из старого кинофильма, когда царю Петру сообщили о повальном воровстве среди бояр.

Но вскоре обмяк и подбоченившись, изложил позицию:

– Желаю заключить коммюнике. Впредь мы не будем оценивать интеллектуальные способности кого-либо, исходя из этических соображений. Мент – не критик, не политик, не

цензор. Наше дело – изобличить злодея. Отловить его, нарыть информации, закрепить и проанализировать. Обосновать, если надо судебную перспективу и подкрепить юридическими выкладками. Все!!

– Бесспорно.

– Посему докладывать о маньяке наверх я не собираюсь. Пока! Пусть думают, что депутата прессуют из-за бабок. Когда появятся доказательства – тогда сообщу по инстанциям. Думаю, придется выходить на уровень генпрокуратуры, чтобы объединить дела.

– Уверен, так и будет. Пока нет гарантии, что одесские эпизоды связаны с происшествием в Крыму. О здешних событиях и говорить нечего. Но я бы выдвинул рабочую версию, дескать, конкуренты Бокальчука узнали каким-то образом о чистильщике и задумали наезд под шумок.

– Типа заделались подражателями?

– Почему нет? Конают под серийника, дабы направить нас по ложному следу.

– Надобно обмозговать, – пообещал Брут, подсаживаясь к столу. – Однако время позднее. Больше пить не буду. Вдруг ситуация изменится, а генерал уставший! Лучше лишний часок подремать.

– Думаю, до утра будет тихо. Пойду ловить такси.

– Тебя отвезут. Хвоста вроде не было. Извиняй, что не предлагаю остаться.

– Не хватало!

Никифорыч хохотнул и протянул руку.

– Бывай, Кучер! Я ж не то имел в виду. Можешь не соглашаться, но с этой минуты ты мой особо засекреченный заместитель. Пока внештатный. Мои бойцы не знают всех подробностей и будут обрабатывать первичную версию. Бокальчука я проинструктировал, чтоб особо не распространялся местным операм. В общем, будешь прикрывать депутата и вплотную заниматься маньяком. Или подражателями. Все! Более не задерживаю.

На конспиративную хату я воротился в начале четвертого.

Как ни странно – за вечер и полночи никто не вышел на связь, а это означало, что настораживающее затишье может прерваться в любую секунду.

Сумбурные мысли пчелиным роем атаковали извилины, оттого не получалось расслабиться и уснуть. Провалился только под утро, когда пробудившиеся птицы распелись за окнами.

Глава восьмая

ВАЖНЯК

Насилу разлепил веки и снова зажмурился. Солнечный свет заполонил комнату, а отблеск от стекла настенных часов слепил, словно лампа во время допроса с пристрастием.

Нащупал лежавший возле подушки смартфон, глянул на

экран и поразился:

«Скоро девять, а новостей нет! Точно про меня забыли».

Аппарат в руке завибрировал и разразился душещипательными аккордами пятой симфонии Бетховена. Рингтон, не позволявший расхолаживаться я установил еще в Одессе на входящие звонки от Нюры.

Принял вызов и услышал взволнованный голос:

– Похититель прислал письмо. Предлагает обмен – дочку с внуком на Бокальчука. Ответ требует до двух часов дня. Папа не против, а менты уперлись.

– Ответ куда посылать? На электронный адрес? – поинтересовался, скатываясь с дивана.

– Как бы не так! На одноразовый телефонный номер. Если Бокальчук согласен – нужно отправить эсэмэску. Тогда придет письмо с указанием места и времени обмена.

– Какие мои действия?

– Я вам не начальник, но думаю, можете собираться.

– Метко мыслишь. До связи, – закончил разговор и протрусил в ванную, предрекая в уме:

«Сейчас позвонит Брут и сыграет тревогу. Завтракать неохота, а чашка кофе не помешает. Успеть бы!».

Опасения подтвердились спустя пару минут после завершения водных процедур. Благо вода в чайнике успела закипеть.

– Подъем, Серго! – протрубил Никифорыч. – Укротитель медведей отписался. Склоняет депутата к геройству.

– Знаю.

– Красава! Должности заместителя соответствуешь! Какие соображения на сей счет?

– Бокальчук согласен – значит надо меняться.

– Я против! – гаркнул Брут и заматерился. – Мудрецы ...! Спешка на руку злодею ...! Не успеем по правильному обложить. Надобно тянуть время ... короче, автомобиль за тобой выехал. Жду в поместье олигарха. Перебазаришь с ним по душам. Пускай до вечера укротителя мурыжит.

– Не прокатит, – успел возразить, но услышал короткие гудки.

Живо оделся и чуть ли не залпом выпил кофе. Когда же направился к выходу – снова запиликал телефон.

– Привет, Серго! – Вадим говорил спокойным саркастическим тоном. – Думал, не прознаю, что вы с генералом замыслили? Будешь меня переубеждать? Не забыл, что бесполезно?!

– Может все же потянуть время?

– Исключено! Ты бы тянул, если бы твоих ... – он осекся, чертыхнулся и выпалил. – Прости, прости! Я весь на нервах! Приедешь, поговорим.

Во время учебы Вадим частенько разрешал оргвопросы, прибегая к спорным и порой непопулярным методам. Не зря

замполит школы удерживал его вторым человеком в секретариате парторганизации аж до защиты диплома.

Не припомню, чтобы Бокал хотя бы раз пошел на попятную или поменял точку зрения. Даже если остальные были не на его стороне.

Однажды после очередной жаркой дискуссии и попытки урезонить упряма – он неожиданно смягчился:

– Ценю усилия друга и уважаю точку зрения. Только это ничего не изменит. Такова моя натура! Не имею права себя же предавать.

– Даже если решение неверно?

– Будет повод признать неправоту. Слыхал, что на ошибках учатся? Не дает маху тот, кто ничего не делает!

– Только бы не было поздно...

– Значит, так ты обо мне думаешь?! – снова вспылил Вадим. – Друг называется! Чтоб ты знал, я всегда шевелю извилинами перед тем, как решиться. Просчитываю варианты. У меня голова не только, чтобы ею жевать и папаху носить!

После разговора, который едва не закончился ссорой, я долго размышлял:

«Поспешил-таки с оценочным суждением. Потому не учел, насколько ревностно Бокал относится к личной ответственности. Держит марку, дабы не подмочить репутацию. Правду говорят, что полезно хоть иногда взглянуть на мир глазами другого человека. Не важно – друга или недруга. У каждого имеется свой уникальный жизненный опыт. Нема-

лая его часть – опыт ошибок, часть которых уже не выправить, и фатальных ударов судьбы, оставляющих на сердце незаживающие рубцы. Малая толика – неприметный опыт побед и радостей».

Будучи курсантами, мы частенько устраивали философско-демагогические диспуты. Мозговые баталии поощрялись преподавателями и случались, как правило, в казарме после отбоя. Особым толчком послужил коллективный просмотр сериала «Место встречи изменить нельзя». Накануне всесоюзной премьеры съемочная группа Одесской киностудии подарила школе копию фильма, пробудив впоследствии у большинства курсантов тягу к словопрениям.

Зарождаясь в углу казармы, волна дискуссии захватывала ближние двухъярусные койки и стремительно прокатывалась по всему помещению. Приспешники полемики перемещались к очагу диспута, а желающие поспать требовали тишины и покоя, угрожая пожаловаться дежурному или прибегнуть к рукоприкладству. Дискутирующие отвечали по-одесски – дескать, соснуть можно и на пляже. Когда же накал страстей достигал апогея – являлся дежурный преподаватель и пытался утихомирить спорщиков. Зачастую, правда, оказывался втянутым в ночной диспут...

На выходе из подъезда, привычно осмотрелся. Не при-

метив ничего подозрительного, прогулялся до угла высотки. Через пару минут в проулке показался серый «фольксваген», на котором меня подвозили после ночных переговоров с Брутом.

Поздоровавшись с водителем, уместился позади и тут же ощутил внутри давящую тяжесть, отозвавшуюся беспричинной тревогой. Вероятно, повлияла чередой трагических событий, идущих с нарастанием и по неясному вектору без надежды на скорую развязку. Мне же не терпелось поскорее во всем разобраться и с чувством выполненного долга встретиться с утреннего поезда жену, поваляться рядышком под пляжным зонтом, понырять с волнореза, прогуляться вечерком по Приморскому бульвару.

Ноющая хандра улетучилась, как только въехали в поместье Бокальчука. Встречающих не наблюдалось, потому я взошел на крыльцо без приглашения и заглянул в гостиную, где на кожаном диване развалился Брут. Выражение начальствующего лица не предвещало ничего хорошего.

Хозяин усадьбы с похожей нерадостной миной прохаживался возле громоздкого округлого стола, заставленного ноутбуками, приборами с экранами и антеннами, радиостанциями и коммутаторами спутниковой связи. Двое спецов из команды генерала сноровисто управлялись с хитроумной техникой.

– Проходи, Серго, не стесняйся, – проворчал Никифорыч, кивнув на Бокальчука. – Уведи камикадзе на переговоры.

Быстрее не будет, оттого что он круги наматывает вокруг центра управления полетами. Уломай поторговаться, потянуть время. Глядишь, до вечера запеленгуем пакостника.

– До вечера я умом тронусь! – разгневанно отрезал депутат. – Торговаться научен, но только не родными людьми! Будет так, как я сказал! Пойдем, Кучер, побазарим за жизнь.

– Валяйте, – пробухтел Брут. – Мне что ль больше всех надо?! Будем считать, что повстречались две властные натуры, обменялись мнениями, и каждый остался при своем. Только спрос будет с одного. Не так ли, Вадим Федорович?

– Каждому свое, Борис Никифорович. Если что случится, то погоны с вас снимут, а с меня – шкуру. Причем я сам ее сдеру.

Спустившись с крыльца, обошли особняк и разместились в садовой альтанке. Как прежде донимала жара и парило, будто перед грозой. В подтверждение – юркие ласточки носились низко над стриженным газоном.

– Скорее бы дождь! Голова раскалывается, – пожаловался Вадим. – Надеюсь, не собираешься меня убеждать? Все решено! Поведай лучше – что за человек генерал. Можно ему доверять?

– Адекватный. Доверять можно, но смотря как. Если слепо, то лучше не доверять.

– Вечно ты со своими психозаморочками. В принципе я понял, но чую в твоих мозгах напряг.

– Есть маленько, – признался, наблюдая за тем, как Бори-

ла усердно сервирует стол. – Думаю, Борис Николаевич со мной согласится. Непонятно, как серийник оказался утром в Николаеве. Вечером попытался нас взорвать в Малоре-ченском, потом всю ночь пробирался пешком через горы, а с утра пораньше нарисовался за четыреста километров от Крыма.

– Алессандро Калиостро, – прогудел Борила.

– С дуба рухнул?! – гаркнул на него Бокал, пытаясь скрыть улыбку. – Еще один мыслитель выискался! Лютику будешь впаривать про Гудини с Копперфильдом. Тащи графин – во рту пересохло!

Охранник с довольным видом удалился, а Вадим погрузился в нерадостные раздумья.

Словно палочка-выручалочка запиликал мой смартфон. Выудив из кармана, приложил к уху и услышал деловитый тенорок Самчукова:

– Приветствую, пан Кучер! Включи громкую связь, пусть Бокал слушает.

– Откуда знаешь, что он рядом? Хотя можешь не отвечать на дурацкий вопрос.

– Даже не собирался, – хохотнул Проф и посерьезнел. – Тут такое дело. Прошлой ночью моя разведка зацепила хвост, который волочился за тобой от гостиницы «Ингул». Свинтили двоих топтунов и отконвоировали в Одессу. Я дал команду...

– Зачем в Одессу?! – с недоумением выпалил Вадим. – Ко

мне надо было привези!

– Точно, – я поддержал Бокальчука. – У нас информации – ноль! Позарез нужно кого-то разговорить! Киевские спецы помогли бы.

– Об этом я и подумал, – растолковал Александр Сергеевич. – Пусть столичные гости свою линию гнут, а мы со стороны подсобим. Генерала Брута предупрежу. Считайте, что Проф замутил легонький кипиш по-одесски. Прикиньте – была наружка и сгинула! Как поведут себя инициаторы?

– Очконут стопудово, – оживился Вадим. – Завибрируют и напорчат. Я понял твою задумку, Шура! Молоток!

– То-то же! Пусть знают, что не все у них идет гладко. Хотя у нас тоже проблемка нарисовалась.

– Будто бы одна, – поник олигарх. – Не томи, выкладывай!

– Задержанные топтуны отморозились напрочь. Форменное белое братство! Помните, по городам бродили зомби в ожидании конца света?

– Можно без апокалиптического абсурда?! – снова раздухарился Бокал. – Говори толком!

– Я и говорю, что неживые они. Словно заговоренные. Передвигаются, как в замедленной съемке. Внимательно слушают, открыв рот и выпучив глаза. Потом начинают нести ахинею о неотвратимости наказания и расплате за измену. При этом эмоции не прослеживаются. Ходячие мертвяки, да и только!

– Ты ж материалист, Проф! – вмешался я, заподозрив

розыгрыш. – Прикалываешься, небось?

– Посмел бы я при таком раскладе? Слушайте дальше. Зомби оснащены хитро-мудрой техникой, как пришельцы из будущего. Я уже не говорю о «ягуаре» последней модели. Меня в натуре жаба задавила! Фирменные цапки для прослушки и пеленга по геолокации, миниобъективы на мобильных для видеосъемки с дальнего расстояния. Программы всякие с доступом к секретным базам. Правда, успели стереть память смартфонов и заблокировать коды настроек на рациях.

– По делу что говорят?! – нетерпеливо осведомился депутат. – Нафиг мне твоя техника?!

– Ты не понял! Они заколдованные! Честно! Сыграть так нельзя. Короче, для начала оформили им по десять суток за неповиновение. Будем подбирать ключики. Должен же кто-то хватиться топтунов и крутезной тачки? Будут новости – позвоню. Пока.

Пару минут мы обсуждали известие. Не дождавшись Борилы с кувшином, вернулись в гостиную и поведали Бруту историю о ночном задержании замороченных шпииков.

– Бредни продолжают, – насупился генерал. – Зомби, говорите?! Хорош меня разводить, Серго!

– Я серьезно. Ночью от гостиницы был хвост.

– Хочешь сказать, что мои орлы дали маху?! Ладно, принимается. Разберусь, с кем надо. Похоже, времяпрепровождение перестает быть томным.

Помолчав, хлопнул ладонями по коленям и смачно выругался.

Никифорыч и раньше мог покрыть оппонента многослойным отборным матом, не задевая болезненных струн души. Умел мастерски нокаутировать человеческое эго, но никогда не наезжал на личностные качества.

Лишь только поутихло эхо после нецензурного комментария, как замурлыкала мобилка в кармане генеральского пиджака. Брут поморщился, приложил ее к уху и на минуту остолбенел. После чего разразился длительной тирадой, в которой из литературных слов слышались только:

– Зачем?! Кто дал команду?! Страна идиотов!

Сунув телефон в карман, отвесил присутствующим поклон и объявил с лакейской интонацией:

– К нам, господа, едет ревизор! Генпрокуратура ... возбудила уголовное дело по факту похищения ... как я понимаю, дабы прикрыть свои срамные места. В Николаев вылетел следователь ... по особо важным делам ... Меня настоятельно попросили оказывать ему всяческое содействие ... Я ему устрою ... сердечный прием!

За годы службы у бывшего сыщика сложились непростые отношения с работниками прокуратуры. Бывали случаи, когда из-за вмешательства надзирающего органа в деятельность угрозыска разваливались дела. При этом в дилетантстве обвиняли сыщиков. Однажды Брут чуть было не лишился погон за то, что вытолкнул из кабинета взашей зональ-

ного куратора-законника.

Бокальчук испытывал схожую нелюбовь к представителям данного ведомства, потому в унисон вторил генералу:

– Этого только не доставало ...! Из-за чмошников прокурорских ... пришлось из ментовки уходить! Чтобы духу ихнего не было в моем доме! Придумайте что-нибудь, Борис Никифорович!

– Я не всеильный! Щас начмила озадачу, – Брут приложил к уху телефон. – Алло, полковник! Упырь из генпрокуратуры не объявлялся? Шо ...?! Я счастлив, что добрался без приключений. Сказал бы ... куда его отвезти. Пусть едет на ..., в городскую прокуратуру! Никаких допросов потерпевшего! Скажешь, что Бокальчук задействован в оперативных мероприятиях. Большой ... привет!

Сбросив вызов, вопрошающе посмотрел на хозяина дома.

– Благодарю, – буркнул Бокальчук и протянул генералу свой мобильник. – Пора отправлять эсэмэску.

Никифорович кивнул и подозвал оперативника, который тут же подсоединил к телефону пару проводов. Спустя минуту СМС-сообщение о согласии депутата обменять себя на близких было отправлено.

Потянулись минуты тревожного ожидания.

Искоса поглядывая на Вадима, я понимал насколько тяжело ему сохранять самообладание. Генерал тоже заметно нервничал – барабанил пальцами по дивану, изучающе глядел на меня, догадываясь, что потенциальный заместитель

не в лучшем расположении духа.

Я же старался унять смятение и шевелить извилинами: «После крымского вояжа не приходится сомневаться в циничности и жестокости маньяка. В целом события последних дней кажутся фантастическими. Не проходит ощущение, будто играю одну из главных ролей в захватывающем детективном сериале. Лицедействую, не зная ни сценария, ни предназначения своей роли. Подобно послушной бессловесной ляльке, управляемой злобным кукловодом. Но!! Наперекор всему – функционирую, как разумное орудие Провидения, призванное оберегать друзей, знакомых и незнакомых людей».

В гостиную заглянул Борила и обратился к хозяину:

– Извиняюсь! К вам делки пожаловали. Велели передать, что прибыл какой-то флот.

Если накануне я ощущал себя солдатом, попавшим в окружение и готовившимся распрощаться с жизнью, то сейчас – ликующе подмечал, как разрывается виртуальное кольцо неприятеля и на помощь спешают братья по оружию.

– Ты, о чем, горемычный?! – взбеленился Бокальчук.

Я поспешил вмешаться:

– Свои, Вадим! Айда встречать! Открывай врата, Борис Николаевич!

Вышедши вслед за Вадимом на крыльцо, увидел, как дородный охранник распахнул калитку рядом с воротами и отпрянул в сторону. Во двор растянутым строем продефилиро-

вали члены тайного розыскного сообщества – Зимбер, Молодязев и Пуртев.

Обличия депутата я не видел – он готовился сбежать по ступеням вниз. Но волна распространившейся от него радости буквально сшибала с ног.

– Пижоны!! – заорал, сбегая во двор.

Бывшие однокурсники скучились возле крыльца и заходились обниматься, словно хоккеисты после заброшенной шайбы.

Вышедший на крыльцо Брут беззлобно проворчал:

– Кто был ментом, тот в цирке не смеется.

Напряженная обстановка разрядилась. Даже Бокал ненадолго позабылся. Зато генерал нутром предчувствовал грядущие перемены.

– Шли бы вы тискаться в другое место! – прогремел, возвращаясь в дом. – Служить и защищать препятствуете!

– Пошли в альтанку! – позвал гостей Вадим и прикрикнул на Борилу. – Где графин, служивый?! Закуску организуй поприличнее. Это дело надо отпраздновать!

Рассевшись за столом в теньке, пару минут галдели, словно оптовики на Привозе. Наконец, поднялся Репа и, дождавшись тишины, с поклоном произнес:

– Батон велел кланяться Бокалу и Слону! Его преосвященство заверил, что мысленно с нами. Доход уже в монастыре на санаторно-курортном моционе. Дюже порывался в Николаев, но Саечкин разъяснил, шо нету на то соизволения

высшей силы.

– Правильно. Пусть психику восстанавливает, – пробухтел Бокальчук. – Похоже Ленька не пропил мозги вчистую? Хотя мне пофиг! Самому драйва хватает выше крыши! Важняк из генпрокуратуры пожаловал, генерал права качает, Проф воду мутит.

– Шура себе на уме! – захихикал Молодязев и посерьезнел. – Довелось присутствовать, когда заговоренных топтунов привезли. Честно вам скажу – пацаны не придуриваются. У внука моего есть игрушка... – он осекся и виновато глянул на Бокальчука. – Прости, Вадим!

– Ничего – злее буду. Рассказывай!

– Внуку в день рождения подарили робота. Игрушка такая японская. Напичкана электроникой не меньше, чем компьютер. Работает на шести батарейках, и каждая отвечает за определенную функцию. Если вынуть одну – робот перестает ходить, а остальные функции работают. Вынуть еще одну – становится немым. Есть батарейка, от которой светятся глаза.

– Короче, Склифосовский! – подхлестнул Зуй.

– У обоих топтунов этой батарейки нет, а другие скоро разрядятся. Эмоции и мысли вообще не прослеживаются. Самчуков подыскивает специалиста по всяким приколам в мозгах. Хочет, чтоб батарейки им заменил.

Неожиданно на пороге возникнул Брут.

– Думал, вы намечаете тактические ходы, – пробормотал

посматривая, куда бы присесть. – О каких работах речь? Может я чего подскажу!

– Прошу, – понуро обронил Зимбер, пододвигаясь на лавке.

Следует заметить, что за время службы в ГАИ Зуй порядком натерпелся от происков высокопоставленных автолюбителей, в числе которых были и генералы. Потому с некоторой предвзятостью относился к человекам при большущих звездах. Точно, как Брут с Бокальчуком – к работникам прокуратуры.

Я не столь радикально настроен, хотя за годы службы довелось не единожды общаться с дядьями о широких лампах.

Особо запомнились два эпизода, хоть непосредственного участия в оных я не принимал.

Однажды после развала Союза случилось навеститься в Москву, дабы реализовать командировочное поручение. Главным образом надлежало оказывать содействие молодому подающему надежды следователю – Саше Штейну.

Накануне командировки нас инструктировал начальник следственного отдела. Исчерпав запас наставлений, он выпроводил Штейна из кабинета и напутствовал:

– Присматривай там за мажором. Одиозная заносчивая фигура с претензией на корифея юриспруденции. Следи, чтоб рамсы не попутал.

Позже я сам раскусил натуру Шурика, хоть поначалу несоответствие неброской внешности и повадок гонористого недоросля приводило в замешательство. С одного ракурса – низкорослый, сухопарый, невзрачный субъект. К тому же скучный до тошноты в общении. С другого – карьерист, наверное, с пеленок, неизменно демонстрировавший видимый только ему одному профессионализм. При этом Александр Петрович одевался аляповато-вызывающе. Правда, в костюме при галстукe отдаленно напоминал молодого Пола Маккартни с ранних фотографий «Битлз». Разве что прическа поскромнее.

По прибытии в Белокаменную мы отправились в МУР, где озадачили масштабным поручением на пяти листах начальника отдела по раскрытию квартирных краж. Весь следующий день его подчиненные сбивались с ног, выполняя указки Штейна, а нас поселили в двухместном номере гостиницы «Украина» и попросили не вмешиваться. Ближе к вечеру уведомили, что нарыли немало улик по делу, поэтому с утраца запланировано провести с нашим участием четыре обыска и больше десятка допросов.

Отужинав в ресторане, мы вознамерились пораньше отойти ко сну, дабы набраться решимости и сил. Да не тут-то было!

В номере-люкс на нашем этаже разместился милицейский генерал, пожаловавший в столицу из российской провинции. Позже выяснилось, что муж сей прибыл в министерство для назначения на новую ответственную должность.

Вероятно, ввиду успеха назначенец заявился в гостиницу поздно вечером пьянющий в хлам. Рестораны уже закрылись, оттого он водил «козу» на этаже. Подстерегал и муштровал постояльцев, экзаменуя на знание законов и конституции. Потом стал требовать от дежурной отчет, в каких номерах остановились симпатичные женщины. В конце концов, заходился барабанить в двери и орать: «Откройте, милиция!».

Штейн долго ворочался, вздыхал и матерился. Когда же терпение лопнуло – вскочил как ужаленный, достал из портфеля пистолет и подался босиком в коридор, явившись на обозрение в цветастых семейных труселях и белой майке-алкоголичке.

Помня инструктаж накануне поездки, я бросился следом, пытаюсь отговорить взбеленившегося юношу от опрометчивых действий. На худой конец – оставить в номере табельное оружие.

Пререкаясь мы прошли по ковровой дорожке к столу дежурной по этажу. Причем невменяемый генерал не заметил приближения двух полуодетых молодчиков. Нависая над перепуганной женщиной, он шатался и громогласно сопел, будучи облаченным в галифе со старомодными помочами, перекинутыми через плечи поверх футболки с надписью:

«СССР». Призрачным матовым блеском отсвечивали сапожищи с наутюженными голенищами – предмет извечного почитания высоких чинов.

Дежурная с надеждой глянула на храбрецов, но приметив пистолет – охнула и закрыла ладонями лицо. Низкорослый Шурик тем временем приблизился к возмутителю спокойствия, смерил презрительным взглядом с головы до ног и неожиданно учтиво молвил:

– Послушайте, вы, пузатый пингвин! Мне завтра пол-Москвы допрашивать, а вы учинили форменный балаган. Хотите, я провожу вас в номер?

От неслыханного нахальства полководец лишился дара речи. Пялясь на тщедушного юнца, стал со свистом втягивать ноздрями воздух, но выпустить наружу не успел – Штейн вставил в его левую ноздрю ствол Макарова и повторил вопрос:

– Так я провожу? В каком номере вы остановились?

Обалдевший генерал указал взглядом в конец коридора и протяжно замычал. Процессия тут же двинулась с места.

Со стволом в ноздре, он доплелся до двери люкса, где выслушал заверения сопровождающего:

– Даю Вам слово офицера, что позабуду о прискорбном недоразумении, если вы запретесь в номере, и до утра оттуда не будет слышно даже храпа. Окей?!

Не дожидаясь ответа, освободил ноздрю и сунул табельное оружие за резинку трусов.

Все это время я не сводил глаз с пистолета, страшась упустить момент, когда Штейн снимет его с предохранителя. Оттого не заметил, как генерал отбыл восвояси.

Выслушав благодарственную речь дежурной, мы воротились на койки. Далеко не сразу я смог уснуть. Поначалу, уткнувшись лицом в подушку, давился от приступов истерического смеха. Потом вдруг стало казаться, что по ковровой дорожке к номеру подкрадывается взвод ОМОНа, получив приказ захватить вооруженных обидчиков высокого чина...

Другую гротескную сцену с элементами вестерна довелось созерцать опять же в командировочной поездке. На сей раз в Крым.

В напарники мне сосватали младшего сыщика розыскного отдела – высоченного и здоровущего прапорщика Анатолия по прозвищу Остап. В уголовной среде начала прошлого столетия Остапами и Семенами кликали боевиков и телохранителей авторитетных зэков. Толян соответствовал позывному по всем критериям.

В Симферополе здорово подсобил Черноух. Выполнив поручение, командировочные надумали расслабиться, благо билеты на обратный путь купили заранее. До отлета в Киев оставались сутки.

Юнкеру не удалось отпроситься со службы, а столичные гости порешили махнуть в Алушту, чтобы с усладой и польезностью скоротать время до следующего утра. Добрались

на троллейбусе, высадились прямо на набережную и незамедлительно отоварились в ближайшем гастрономе – закупились всем необходимым для нескучного времяпровождения.

В качестве разминки отужинали в кафе. Полакомились шашлыками и употребили не один литр разливного вина известных крымских марок. После насыщения надумали искупаться, но тут выяснилось, что в разгар лета приехали в Крым, не прихватив плавок.

Посоветовавшись, решили дожидаться ночи, но не пассивным образом. Отправились на поиски безлюдного пляжа и после часового марш-броска отыскивали подходящее место.

Следует заметить, что оба были при оружии, потому постановили купаться поочередно. Пока один плескается – другой стережет стволы, носимые в подмышечных оперативных кобурах, которые, естественно, сняли и спрятали под брошенной на гальку одеждой.

Анатолий вдоволь нанырлся, после чего пришла моя очередь.

Доплыв до волнореза, с трудом вскарабкался на скользкий, облепленный ракушками камень и, повернувшись к берегу, залюбовался ночными красотами. Полная луна подсвечивала пустынный пляж, ютившийся меж двух причалов. Позади высился трехметровый бетонный парапет, словно сценический задник с занавесом асфальтного цвета. Сверху угадывалась тянувшаяся вдоль берега аллея, с которой мож-

но спуститься на пляж по широкой каменной лестнице.

Выражаясь фигурально – экспромтные подмости смотрелись готовыми к началу действия, и оно не заставило себя ждать.

Подвыпивший Остап от нечего делать задумал поднатреть в боевой подготовке. Красуясь в прилипших к ляжкам семейных труселях, напялил на мускулистый торс обе оперативные кобуры и упражнялся выхватывать пистолеты проворно и синхронно.

В этот момент по лестнице на пляж низошла компания – тривиальная по подбору персонажей и броская по виду. В авангарде шествовал армейский офицер в летней полевой форме – пилотка, рубаша с короткими рукавами, галифе и начищенные до блеска сапоги. В охапке удерживал здоровенную плетеную корзину, из которой выглядывали серебристые «шляпки» дюжины бутылок шампанского.

Позади топали два генерала, смахивавшие на важных пузатых кротов из мультфильма «Дюймовочка». В свете луны поблескивали широкие лампасы на галифе и золоченые веночки на околышах фуражек. Меж «кротами» семенила разодетая дама с пышным бюстом и учительской прической «а-ля кокос». Несомненно, военачальники коротали ночь, обхаживая сговорчивую дамочку с молодцеватым кобелиным пылом. Адьютанта, как видно припахали для доставки тылового обеспечения.

Спонтанный водевиль под названием «Нежданчик под лу-

ной» обещался выдаться увлекательным и захватывающим.

Начался первый акт.

Над гладью моря прокатилась нечленораздельная команда хмельного военачальника, даденная адъютанту:

– Безобразие, капитан! Немедленно убрать посторонних с ведомственного пляжа!

Тем временем Остап медитировал, вытаращившись на морскую гладь. Услышав гневный окрик, повернул голову и на пару секунд превратился в статую. Мне же вспомнился эпизод из фильма «Белое солнце пустыни». Похожим образом оглянулся басмач Абдула на голос таможенника Верецагина, которому за державу было обидно.

Оценив силовой баланс, Толян исполнил лихой разворот и выхватил из подмышек пистолеты. Нацелившись на генералитет, громогласно огласил о своем намерении:

– Постреляю нафиг!! Пошли отсюда к ... матери! Лесники хреновы!

Я заинтересованно переместил взор на расположение сил неприятеля, которые молниеносно ретировались с прежней позиции.

Военнослужащие со знанием дела двигались на карачках, загребая пляжную гальку всеми конечностями. Причем генералы бросили спутницу на произвол судьбы и покидали плацдарм зигзагами, то есть по всем правилам тактического отступления.

Опешившую барышню подобрал адъютант, не забыв

про корзину со снедью. Взбираясь по ступеням, он волочил за собой провизию, а свободной рукой подталкивал даму, упершись пониже талии.

И тут меня осенило, что безоговорочное бегство может оказаться военной хитростью. Ведь один из полководцев обозвал пустынный пляж ведомственным, что могло подразумевать дислокацию поблизости боевого резерва. Посему напрашивался вывод – первый акт победно завершен, и совсем необязательно дожидаться начала второго.

С завидной скоростью я доплыл до берега. Мы резво облачились, словно солдаты-первогодки во время утреннего подъема и поспешно смотались.

Долго петляли неприметными тропами, путая следы в колючих зарослях, пока не добрались до набережной, где несколько раз меняли диспозицию. В темных скверах отыскивали свободные скамейки и, усмиряя нервишки, испивали и уминали припасы. Под утро поочередно передраемали.

На первом троллейбусе благополучно добрались до Симферополя и с чувством выполненного долга отбыли в столицу.

Прошел год. Черноух приехал на очередную сессию в академии МВД. При встрече поведал, как прошлым летом в аккурат после нашей командировки личный состав крымской милиции был поднят по тревоге. Трое суток по всему полуострову велся розыск вооруженных отморожков, напавших на руководителей штаба военных учений.

Не без гордости я дал признательные показания, после чего Юнкер полчаса обхохатывался.

Успокоившись, подметил:

– Шибко из-за вас не парились. Я мигом смекнул, что генералы перепились и гонят пургу.

Возвращаясь из турне по волнам памяти, засек недоуменный взгляд Брута. Очевидно, выражение лица тайного заместителя не соответствовало текущему моменту – замерший взор и отрешенная улыбка.

Живо совладел с собой, а Борис Никифорович язвительно прогудел:

– Вижу, Серго уже с нами. Слушайте сюда, господа пенсы! Понятно, что ваша братия сплошь ментовская, поэтому режим секретности можно не соблюдать, – он внимательно посмотрел на Бокальчука. – Не передумали, Вадим Федорович? Пришло письмо от похитителя. Время обмена – двадцать два ноль-ноль. Место он укажет за пятнадцать минут.

– Хоть что-то прояснилось, – выдохнул Вадим. – Я готов.

– Толково шифруется, гад, – подметил Молодыев. – За четверть часа трудно обустроить засаду.

– Вы на редкость проницательны, Холмс! – с издевкой подхватил Зимбер.

– Ша пацаны! – прикрикнул на них Пуртев. – Мыслить

мешаете!

Нежданная догадка пришла мне в голову:

– Слушайте версию! – объявил, привстав. – Ниссан далеко отсюда нашли?

– Пару километров, если напрямик, – задумчиво ответил Бокальчук и взбодрился. – Намекаешь, что обмен будет на заводе? Почему бы нет?! Давай ка прикинем детали!

– Наверяд, – отмахнулся Семен. – Очконет бандюган. Место засвеченное.

– Верно, – согласился генерал. – Хлипкая версия, Серго.

– Отчего же? Я пытаюсь мыслить, как он. Неспроста же указана фора в пятнадцать минут. Значит, пленники где-то поблизости. Ниссан не случайно был оставлен на заводе. Пучеглазый побоялся ехать за город на тачке, объявленной в розыск. Воспользовался заброшенной территорией и надеется на принцип, что снаряд в одну воронку дважды не попадет. Дескать, менты отработали завод и больше туда не сунутся.

– Вполне резонно, – изменил точку зрения Брут. – Накажу начмилу перекрыть периметр.

Бокальчук подошел к генералу и попросил:

– Дозвольте отослать бойцов на завод? Ментам не особо доверяю, а у вас людей маловато. Борила управится. Может, и вправду обмен на заводе?

Никифорыч поднял брови, собираясь ответить, но неожиданно раздался отвратный каркающий возглас:

– Отставить! Никаких гражданских!

Будто по команде присутствующие обернулись и оторопели.

На пороге альтанки стоял отдаленно похожий на Маккартни субъект в темно-синем костюме, белоснежной сорочке, галстукe с желто-голубыми полосами и остроносых лаковых туфлях. В костистой пятерне сжимал увесистый смартфон, а портативный лэптоп удерживал в подмышке.

Сомнений не оставалось – прокурорским важняком, присланным расследовать николаевский киднеппинг оказался мой напарник по московской командировке – тошнотик и карьерист Александр Петрович Штейн.

Подойдя к столу, он сдвинул на лоб окуляры с зеркальными стеклами, нагло вато оскалится и прогнусил:

– С этой минуты я возлагаю на себя руководство операцией!

В наступившей тишине зловеще прозвучало бормотание депутата:

– Дайте кто-нибудь ствол. Пойду охрану перестреляю! – приподнявшись, он смерил незваного гостя недобрым взглядом. – Ты кто таков?!

– Охранники не причем, Вадим Федорович, – уклончиво ответил Штейн, разглаживая пятерней намастиченные на макушке волосы цвета армейских сапог. – Ваши братки обезврежены. Бесшумно и напористо сработала спецгруппа «Беркута» под моим непосредственным командованием.

– Вас не учили представляться, любезнейший? – дипломатично пробухтел Молодязев.

Важняк поморщил не в меру выступающий нос и поджал бесцветные губы. Брезгливо хмыкнул и, отвесив жеманный поклон, отрекомендовался:

– Старший следователь по особо важным делам генеральной прокуратуры Украины старший советник юстиции...

– Да поняли уже! – расхлябанно выпалил Зимбер, растопырив пальцы на обеих руках. – Фиолетово нам, понял?! Будь ты хоть руководителем кружка любителей коряжского гортанного пения...

– Отставить!! – гаркнул Брут, выбираясь из-за стола. – Всем заткнуться и утихомириться! Следователя по особо важным делам приглашаю в гостиную совещаться. Остальные на месте! – задержавшись на пороге, кивнул Бокальчуку. – Не серчайте, что распоряжаюсь. Присоединитесь к нам минут через пять.

Семеня за генералом, Штейн обернулся, оглядел меня с головы до ног и чуть заметно кивнул.

– Маленький карьерист вырос в большого начальствующего паршивца, – кивнув в ответ, молвил чуть слышно.

При этом ощутил, как возобновилась наседающая тревога. В животе разлетались мотыльки и по спине, будто провели раскаленным утюгом.

– Ты шо его знаешь? – осведомился Пуртев.

Я собрался ответить, но не успел. Из-за угла показались

два дюжих беркутовца с автоматами наизготовку. Встали перед входом в альтанку и пытливо оглядели присутствующих.

– Кто хозяин? – спросил прыщавый сержант с бритым черепом. – Велено идти в дом. Остальные на местах!

Бокальчук поднялся и молча удалился. Потянулись томительные минуты ожидания.

Одесситы перешептывались, пытались острить, а через некоторое время с крыльца послышался надрывный ор депутата:

– Я не просил прокуратуру о помощи! От вас одни только проблемы! – выскочив из-за угла с побелевшим от злости лицом, он развернулся и прокричал. – Сам отправлю маньяку письмо! Напишу, что вмешалась прокуратура и попрошу отсрочить обмен! Лично буду договариваться! Хрен вы узнаете!

Вернувшись в альтанку и подсев к столу, залпом осушил фужер и, заглянув мне в глаза, повторил вопрос летописца:

– Ты шо знаешь этого шпингалета?! Стукнутый на всю голову!

– Работали вместе. Шурик тогда в аспирантуре учился. Потом сменил окрас и подался в прокуратуру. Неужто так быстро достал тебя?

– Издеваешься?! – гаркнул Вадим. – Шутки шутишь?! Чтоб ты знал – этот шмаркач собирается взять вас под стражу! Всех, как подозреваемых! Генерал просто обалдел!

Будто откликнувшись, из-за угла дома вышел раскраснев-

шийся Брут. Недобро глянув на автоматчиков, подсел к столу и проделал тот же финт, только с другим наполненным фужером.

– Ты что, знаком с этим мажором?! – спросил и поморщился под дружный хохот одесситов. – Че вы ржете?! Это я повеселюсь, когда важняк вас арестует. Ступай, Серго, вправь ему мозги.

Я молча поднялся и поплелся к дому, не испытывая ни малейшего желания увещевать проходимца.

Застал Александра Петровича на крыльце, стоящим в диктаторской позе со скрещенными на груди руками. Припомнились кадры кинохроники, на которых Муссолини запечатлен в такой же позе во время митинга на балконе римского Колизея.

Подойдя, негромко спросил:

– Саня, ты серьезно? Тут же все бывшие менты. Поручусь за каждого.

– Не Саня, а Александр Петрович! Панибратству бой, товарищ Кучер! Я имею определенный статус и наделен широкими полномочиями.

– А я вещаю о человечности. У друга несчастье, поэтому мы здесь. Бокальчук не против поддержки, а следствие должно считаться с его мнением.

– Вы вольны говорить, о чем угодно, – парировал Штейн, не изменяя позы. – Толку никакого! Процессуально я главный, поэтому будут выполняться только мои указания.

– Проиграешь! – с невероятным трудом удавалось сохранять самообладание, ибо казалось, что важняк умышленно провоцирует скандал.

– Желаете убедиться? – спросил он с ухмылкой.

– Посмотришь! Останешься один против всех. У нас не тоталитарное государство. Думаю, в генпрокуратуре найдутся адекватные люди ...

– Не понимаю, о чем вы. Я действую в рамках полномочий, – демонстративно отвернувшись, он неспешно прошествовал во двор.

Подойдя к рослому капитану, облаченному в спецназовские доспехи, провел краткий инструктаж:

– Никого не впускать и не выпускать! Взять под стражу всех кроме генерала и потерпевшего! Переговоры по телефонам и рациям только с моего ведома! Удвоить наряд возле беседки. Исключить любое передвижение!

Командир спецгруппы «Беркута» козырнул и, отойдя, забубнил в микрофон радиостанции. Спустя полминуты перед ним выстроился взвод дюжих автоматчиков.

– Вы двое за дом к беседке! Чтоб никто оттуда не рыпнулся! – хрипловато пробасил, расставляя наряды. – Трое – к воротам! Остальные за мной в дом!

Благо я успел сойти с крыльца и прижаться спиной к стене. В ту же секунду десяток экипированных здоровяков в малиновых беретах пронесли мимо, громяхая крагами по тротуарной плитке. Проводил их удрученным взглядом и за-

приметил еще двоих, задержавшихся на углу.

– Вас ожидаем! – уведомил громила с квадратной челюстью. – Идите к остальным в беседку от греха подальше.

Показавшийся из-за угла Брут бесцеремонно отстранил спецназовца и взошел на крыльцо.

– Присматривай за пенсами, Серго, – обронил с порога. – Чтоб никто не вздумал геройствовать! Я сам разберусь.

– Удачи! Только учтите, Штейн чугунный, – отмахнувшись, я добрел под конвоем до альтанки и молча подсел к столу.

Пенсы вытаращились в ожидании доклада, а насупленный Бокальчук проворчал:

– Гляжу ты не сам. Подкрепление привел.

– Ага. Может, угостим служивых? Подобреют и отпустят с миром.

Зимбер привстал и, оглядев конвойных, поинтересовался:

– В клозет сопровождать будете?

– Тихо ша! – шумнул на него Репа. – Не провоцируй! Лучше извилинами шевели. Все напрягите мозги! Надо ж как-то выгрести из этого паскудства.

– То может споем? – неожиданно предложил Пуртев. – Например, про то, шо врагу не сдается наш гордый Варяг.

– Сема, вы шо перегрелись? – раскочевряжился Зуй. – Не ожидал от вас подросткового легкомыслия с суицидальными наклонностями.

– Я и сплясать могу. Краковяк вприсядку...

Глава девятая

ДАША

Недолго погоготав, пенсы приутихли. По-видимому, каждый переживал состояние тупикового облома, то есть попросту растерялся ввиду немочи.

Мне же припомнилась рекомендация супруги о бережном отношении к безмолвию. Особенно, когда неловкая пауза в разговоре затягивается и трудно подыскать слова, чтобы наполнить пустоту. Полезно переместить акцент внимания вовнутрь себя и прислушаться. Господствует ли там тишина? Может пауза только внешняя, а в рассудке клокочут страсти, не затихают ссоры и дебаты.

Если же внутри так же тихо, как снаружи – происходит наложение двух безмолвий и, будто бы ниоткуда, рождается подсказка.

Теперешняя обстановка малость отличалась от шаблонной разговорной паузы. Прилив бодрости и веселья, вызванный встречей давних сотоварищей, пусть даже в непростой ситуации – сменился реактивным ступором. Состояние, напоминавшее страшный для мужиков недуг – импотенцию. Это когда хочется до одури, но не можется.

Именно с такого ракурса всплыл результат практического совмещения безмолвий. Припомнился старый одесский анекдот, который я негромко озвучил:

– Слушайте сюда! Однажды к известной в Одессе мозго-
правице – тете Фае с Малой Арнаутской обратилась за советом супружеская пара. Жена сетовала на половое бессилие благоверного. Фая всем своим видом выказала ничтожность проблемы, усмехнулась и молвила: «Тоже мне армагеддон, я вас умоляю! Жалкий отросток обвис – подумаешь! Пальцы надеюсь работают? Язык не отсох?!». Супруги застыдились и стушевались, а знахарка их пропесочила: «Шо вы мне голову морочите?! Какая ж это импотенция?! Ежели не знаете, так я покажу, где, как и чем надобно орудовать. Попрактикуетесь, и у мужа сызнова встанет!».

Пару секунд было тихо. Потом нервно хихикнул Пуртев, а следом грянул залп громового хохота. Казалось – вязкий недвижимый воздух в альтанке заходил ходуном и превратился в дуновение теплого ветерка.

Конвоиры насторожились, вскинули автоматы, но живо смекнули, что пленные не собираются учинять мятеж.

– Айда пошамкайте, мужики! – позвал их Зимбер. – Топчетесь без дела, как важные родичи невесты, шо на свадьбе у биндюжников выделявались-выделявались, да так и остались голодными. Потом еще в бубны схлопотали.

– Спасибо, не голодные, – отозвался прыщавый прапорщик. – Надеюсь, бить нас не собираетесь?

– То была метафора! Мы ж свои! – раздухарился отставной гаишник. – Бывших ментов не бывает! Идите, коль старшие по званию кличут! Тут все, как один полковники!

– Я майором из ментовки ушел, – признался Бокальчук и настоял. – Не робейте, служивые! Хапайте бутерброды! Если что, отмажу перед командиром.

– Капитан – мужик что надо! – прогудел рыжий верзила с кулачищами, как у моряка Папая. – Козел в версаче бес-предел замутил!

Широкоплечий сержант подхватил, озираясь:

– На кэпа орал, как на пацана. Унижал при всех, грозился пагоны сорвать. Кэпа будто перемкнуло!

– Негоже воевать со своими, – заключил немолодой усач, поправляя беретку.

– Никто не собирался, Саныч! – отмахнулся от него прыщавый, перекинул автомат через плечо и скомандовал. – Пять шагов назад! Не будем мешать коллегам, совещаться.

После этих слов я несказанно обрадовался:

«Вот тебе, Штейн, первая весомая оплеуха! Свои не прес-суют своих – это противоестественно. Атмосфера взаимовы-ручки и согласия рано или поздно отторгнет агрессора, как чужеродный элемент».

Бывали случаи, когда особо ретивые работнички со скры-тым желанием подсидеть коллегу, пытались раздуть кон-фликт в коллективе. Выискивали жертву, как правило, из числа оперов с заурядными способностями, и планомерно

провоцировали дискредитацию. Шаг за шагом настраивали коллектив против одного человека. Дескать, неуч и бездельник портит общую картину раскрываемости.

Подобные интриги часто оканчивались для зачинщиков полным фиаско. Адекватно мыслящий костяк в слаженном коллективе никогда не воспримет и не примкнет к созревшей коалиции. Со временем всем становится ясно, чего на самом деле добиваются демагоги и моралисты. Ими движет отнюдь не служебное рвение и чувство справедливости, а прозаичный карьеризм, замешанный на циничности.

Подобный эффект случается и в державе, когда сознание определенной численности граждан дорастает до понимания истинного достоинства и свободы. Тогда недалекие властные аппаратчики не смогут насадить в людские головы вирус несуществующего величия нации или образ эфемерного врага. Не помогут ни популистские заигрывания, ни пропагандистские лозунги, ни репрессии.

Неумело маскируя довольную лыбу, я поглядывал на посветлевшие лица друзей и пытался разрешить дилемму:

«Либо важняк выполняет команду сверху, либо хворый на звездную болезнь с приступами морального галлюциноза. К своему несчастью он нарвался на Брута, который вряд ли прогнется. Но властный характер Никифоруца может подо-

рвать и без того напряженную обстановку. Плюс широкая юрисдикция его службы. В итоге получится психотронный заряд убойной мощности. Не хочется даже думать о возможном боевом столкновении, хотя важняк делает все, чтобы его спровоцировать».

Мыслительные потуги были прерваны неясным шумом и криками, доносившимся со стороны въездных ворот.

Прапорщик и сержант, вскинув автоматы, посеменили за угол. Рыжий с усачом подтянулись ближе к альтанке. За столом снова воцарилась гнетущая тишина.

«Неужели подтверждается самый неблагоприятный прогноз?! – подумалось с трепетом в сердце, но в этот момент послышался истошный вопль Штейна:

– Кто дозволил?! Капитан, ко мне!!

Похоже, Шурик голосил с крыльца, а отборные матюги полетели в ответ со стороны въездных ворот.

Бокальчук одобрительно подметил:

– Кто бы ни был этот трибун, но у него есть все шансы, навести здесь порядок.

Дикция краснобая казалась знакомой, только никак не удавалось идентифицировать персону. Зачастую так бывает – если не ожидаешь увидеть человека в месте, где его быть не должно, то можешь не признать при встрече. Подобное происходит с голосом.

Как бы там ни было, но вскорости мозговой анализатор выдал искомую информацию.

– Юнкер?! – опешивши, выкрикнул и привстал. – Откуда?!

– Я тебе ... дам полномочия! – оттачивал ораторское мастерство Черноух. – Пятый угол враз отыщешь! С тобой, свинья, разговаривает ... замначальника уголовного розыска автономной республики Крым ...

После вплетения в речь крылатой фразы Глеба Жеглова – идентификация случилась у всех присутствующих.

– Вот те раз – замок нарисовался! – недоумевал Пуртев.

– Торпедный крейсер пришел на выручку флоту! – торжествовал Репа.

– А ну ша! – пытался их утихомирить Зуй. – Мешаете внимать симфонию!

Беркутовцы переглядывались, вслушиваясь в неординарный стиль обращения к представителю генеральной прокуратуры. Приемлемая манера подачи информации послужила закрепляющим фактором для перехода всего спецподразделения на сторону правильных пацанов.

Воспользовавшись замешательством конвоиров, я вышел из альтанки и встал за их широкими спинами. Бесспорно, опасался возможной реакции, но зато пресытился захватывающим действием.

Недалеко от ворот, подбоченившись, прохаживался Черноух с недоуменно-возмущенным выражением лица и вздыбленными усищами. Чуть поодаль переминались с ноги на ногу трое спецназовцев, изо всех сил стараясь не улы-

баться.

Командир спецгруппы «Беркут» – долговязый капитан с борцовской шеей, преграждал разгневанному визитеру дорогу, застыв перед крыльцом, словно каменное изваяние. Тарасился во все глаза, пытаясь осмыслить, кому с этой минуты обязан подчиняться.

Штейн горланил над их головами чуть ли не фальцетом:

– Всех посажу!! Попомните у меня! Приказываю очистить двор, согласно полномочий!

Истеричный визг, будто бы ударялся о спину капитана и отлетал обратно. Тщедушный диктатор задышался от ярости, присаживался и подпрыгивал на месте, конвульсивно подергивая плечами.

Физиономия кэпа походила на маску африканского божка из коллекции депутата, зато мыслительный процесс под ней проходил в ускоренном темпе. Казалось, испарения от мозговых потуг, словно миражи отслаиваются от макушки и медленно растворяются в душной атмосфере.

Спустя минуту он потряс головой, проморгался и порывисто вздохнул. Стянул беретку и, вытерев ею лицо, сунул за пояс. Выудил из нагрудного кармана радиостанцию и проревел:

– Все ко мне! Бегом марш!! Строиться!

– Отставить командовать без моей команды! – попискивал Штейн с импровизированной трибуны. – Все по местам! Подчиняться только мне!

– Пошел ты! – отвечивал капитан, наблюдая, как подчиненные строятся в две шеренги. – Подравняться! Слушать приказ! Охранение снять, задержанных освободить! Занять оборону по периметру! В дом ни ногой! Исполнять!!

Строй мигом разлетелся, словно пчелиный рой.

Ощувив свободу действий, я прошествовал до угла и стал свидетелем амнистирования охранников поместья. Ватага крепких парней один за другим высыпала из гаража. Последним вышел нахохлившийся Борила, застегивая рубаху на ходу. Оглядел обступивших его братков и скомандовал:

– По местам! Высыпались, небось?! Усилить посты!

Из альтанки подоспели повеселевшие арестанты и с улюлюканьем накинулись на Черноуха. Точь-в-точь повторилась сцена с обнималками.

Наблюдалась и настораживающая примета. Стремительно изменялась погода и, похоже, по вчерашнему крымскому сценарию. Небо потемнело, участились порывы жаркого сухого ветра. По видимым признакам надвигалась нешуточная гроза.

– Штейн где? – осведомился с крыльца Брут, заняв ораторское место.

В ответ я пожал плечами, а подоспевший Бокал дал наводку:

– Навстречу мне шел, поганец. Может, в альтанку? Пожрет там все!

– Иди, глянь, Серго, – распорядился генерал. – Попробуй

замять инцидент. Подпой его по старой дружбе.

Свернув за угол, я увидел важняка, который расположился за столом на месте Вадима. С отрешенной физией переговаривался с кем-то по телефону, будто ничего не произошло, кроме изменения погодных условий.

Дождавшись завершения разговора, я уселся напротив и заговорил с дружелюбной интонацией:

– Ты же умный мужик, Александр Петрович. Мог бы просчитать ход событий и избрать более подходящую тактику. С людьми так нельзя. Пошли в дом, Брут зовет. Будем действовать сообща.

– Мои полномочия выше. Посмотрим, чья возьмет.

– Общее дело возьмет, Саня! Твое, мое, генерала! Мы в одном окопе...

– Лично у вас вообще нет полномочий.

Я онемел, не зная, что еще сказать. Нежданно нарисовался Юнкер и сизнова обложил важняка отборными матюгами. Подоспели бывшие сокурсники и наперебой отчихвостили Штейна. Ничего не оставалось, как пристыдить зарвавшихся пенсов:

– Чего налетели все на одного?! Не по-мужски это! Сами никогда не ошибались?

Важняк брезгливо сморщился и прогундосил:

– Оставьте это, товарищ Кучер. Ваше участие мне более противно, чем злорадство нетрезвых клоунов.

– Щас я ему врежу! – пригрозил Зимбер, но был оттеснен

Пуртевым.

Штейн тем временем вышел из-за стола, одернул пиджак и, отвернувшись, прошагал мимо недоброжелателей. Сунул подмышку не пригодившийся ноутбук и зашагал к воротам.

Я же подумал, глядя ему в след:

«Жаль Шурика! Непомерная жажда власти превратила рядового выскочку в морального страшила с полномочиями. Тогда в Москве он выступил, как бескомпромиссный и дерзкий человек. То есть тяга к радикальным мерам упразднила границу меж этическими нормами и вакханалией. Очевидно, он привык наскоком решать жизненные проблемы, не учитывая иную точку зрения. Теперешнее поведение лишь упрочивает предположение – он не приучен считаться с людьми. Если приплюсовать стремление к власти, богатству, известности – нарисуетя образ бездушного карьериста, цинично и жестко идущего по головам к намеченной цели».

Вспомнились рассуждения начальника нашего курса о надавливании болевых кнопок в едва сформированной курсантской психике. Если бы Новохатову довелось характеризовать Штейна, наверное, вышло бы так:

«Этого чахлого юношу я доведу до истерики за минуту, но в итоге выйдет себе дороже – жестоко отомстит и выпьет всю кровушку».

Суть подобных индивидуумов разгадал в любимом телесериале доктор Груздев. Покидая застенки МУРа, он упреждал Шарапова: «Жеглов – страшный человек. Для него лю-

ди – мусор. Съест и не подавится». Тогдашнему начальнику отдела по борьбе с бандитизмом данная характеристика подходила с натяжкой, зато теперешняя натура Штейна соответствовала целиком и полностью.

Следователь генпрокуратуры по особо важным делам чинно удалился за пределы поместья. Расторопный охранник притворил за ним калитку и, в этот момент по округе прокатился оглушительный раскат грома. Неподалеку заголосила автосигнализация под аккомпанемент собачьего лая и залихватского выкрика Зимбера:

– Салют, господа! Виктория!! Узурпатор бежал! Больше не сунется!

– Сомневаюсь, – проворчал с крыльца Брут. – От подранков с кипящими мозгами всего можно ожидать. Хорош злорадоваться! Айда совещаться – время поджигает!

Ввалившись в гостиную и оккупировав диван, победители умолкли, ожидая наставлений. Никифору ч дефилировал с задумчивым видом от окна к столу и, по-видимому, пребывал не в своей тарелке.

Подтверждая догадку, разорался, не стесняясь в выражениях:

– Позор...! Дожился боевой генерал...! Ущербный сопляк ... опустил ниже плинтуса...!

– Он же с полномочиями, – напомнил я. – По особо важным делам.

– Не зли меня, Серго! Я тоже не ефрейтор ...?! Одним шалабаном мог вколотить наглеца по пузо в землю! Так нет же ...! Спасовал, раскис, как институтка ...! – уставившись в окно, вытряс из пузырька горсть таблеток и сыпанул в рот.

Воспользовавшись паузой, одесситы переключились на избавителя.

– Труба дело, если б не ты, – уверил Черноуха Репа. – Повязали бы нас, век воли не видать!

– У Юнкера чуйка, что надо! – замурлыкал Зуй.

– Во-во! – присоединился Пуртев. – Каким ветром тебя принесло?

Виктор Иванович крякнул и поведал с напыщенным видом:

– Меня же давеча гранатой взорвали. Да-а! Капец, если б не Слон! Тряхануло по-взрослому! Говорят, после такого, люди начинают видеть сквозь стены. Пока не пробовал, но здешнюю халепу прочувствовал копчиком.

– Я думал, что интуиция – это прерогатива мозговой деятельности, – заумно подметил Молодыев.

– Ой, кто бы говорил! – захихикал Зимбер. – Сам же хвалился, что лучше стал соображать после того, как Зоя горчичниками облепила седалище.

– Точно-точно, – подхватил Летописец. – Прикинь, Кучер, наш главный криминалист удосужился прошлой зимой по всему Карантинному спуску на пятой точке проехаться.

– Хорош куражиться! – прикрикнул на них Бокал. – По-

нимаю, что хохмите на нервной почве, но чую, Юнкер прибыл с известием. Я прав?

– Так точно, – посерьезнев, удостоверил Черноух. – Повода для веселья и вправду нет. Обнаружился еще один коробок. Недостающий в нашей считалке.

– Где? – насторожился я.

– В Севастополе. Выходит, мы не просчитались со спичками.

– Кто погиб? – еле слышно спросил Бокальчук.

– Валька Сарычев. В третьем взводе учился, помните? Белобрысый с веснушками. Штабелем прозвали. За сутки до нападения на Слоника его сбила синяя легковушка недалеко от Инкермана. На работу ехал с дачи на велике. Сразу насмерть. Свидетельница разглядела только цвет машины. Местные гаишники оформили ДТП и объявили розыск, а в суточную сводку по тяжким не включили. После того, как пошла ориентировка по синей ниве и взрыву в Малореченском – отзвонился знакомый опер из Севастополя. Предположил, что машина та же и рассказал, что на месте наезда обнаружен спичечный коробок с пятью красноголовыми спичками и одним обломком.

– Может на подъезде к Инкерману есть видеокамеры? – обнадежился Молодязев.

– Размечтался! Чай не Лас Вегас! – Юнкер усмехнулся и пожал плечами. – Сколько лет бьюсь, чтобы парламент автономии принял постанову о системе тотального видеонаблю-

дения. Так всем же пофиг! Маньяку будто сообщили об этом. Он изучил график и маршрут Сарычева. Знал, что ранним утром тот поедет по безлюдному участку. После выхода в отставку Валька служил в охране порта.

– Значится, полковник, та же нива, что в Малореченском? – осведомился Брут.

– Сто процентов! Эксперты повторно осмотрели то, что от нее осталось. На бампере и правом крыле зафиксировали повреждения, характерные для наезда.

– Минуточку! – воскликнул Пуртев. – Амба нашей главной версии, пацаны! Сарычев из другого взвода. Получается, зачистка идет в масштабах курса.

Наступила тягостная пауза. Слышались трели спутниковых телефонов и трескотня радиостанций.

– Элементарно, флотоводцы! – нарушил молчание генерал. – Предположите, что киллер с вами не учился. Он просто наемный отморозок, которого нанял кто-то из бывших курсантов. Вот кого нужно искать.

– Позвольте с вами не согласиться, – возразил Репа. – Обстоятельства каждого эпизода укрепляют версию, что серийник отменно информирован. Подобным образом может действовать только человек, знающий всех нас персонально.

– Отчасти убедил, – проворчал Никифорыч. – Тогда что вам мешает собрать воедино фотки выпускников, пропустить через программу старения и предъявить тем, кто видел пучеглазого в Малореченском?

– Уже делается, – уверил Летописец. – Второй день кипит работа на кафедре Юрия Всеволодовича.

– Мы ж не птеродактили архаические! – Молодязев встал и картинно поклонился.

Брут довольно пробубнил:

– Вижу, не слепой. Вас бы припахать, как старых коней! Борозды в моей епархии не испортите. Будет хоть какая-то надежда, что не оскандалюсь на старости лет. Но теперь вернемся к нашим баранам.

– Вот и я об этом! – встрепенулся Бокал. – Разрешите отправить на завод десяток бойцов из службы охраны? Кучер предполагает, что обмен будет там, а чуйке Слона я доверяю целиком и полностью.

– Слона?! – Никифорыч сощурился, окинув меня изучающим взглядом. – Серго, что ли?! Жаль – не знал раньше! Кстати, подходящее погоняло. У меня вот клички никогда не было.

Действительно его за глаза все называли Брутом – не только коллеги, но и в стане неприятеля.

Генерал глянул на часы и скомандовал сидевшим за столом операм:

– Полная готовность! Слепчука ко мне! – развернулся кругом и подошел к Молодязеву. – Я напишу, а вы передайте Самчукову номера оперативных машин. Чтоб накладки не вышло, как давеча.

– Это я мигом! – заверил Репа.

Напоминая о себе, Вадим кашлянул и пробубнил:

– Так я отправлю войско на завод? Разрешите, пан генерал?

– Рискну реноме! Только командовать там будет подполковник Слепчук. Ступайте, собирайте гоблинов на инструктаж!

Депутат намеревался высказать благодарность, но Брут приложил перст к своим губам и покосился на вошедшего крепыша.

– Заходи, Георгий Юрьевич! Примешь командование бойцами Вадима Федоровича. Идите, напутствуйте, – потеряв ладонями, уселся в кресло и выдохнул. – Основные силы расставлены. Пока вроде бы всё.

– Как это все?! – возмутился Зуй. – Нас куда?!

– В резерв главнокомандующего! Чтоб ни шагу с дивана! Данный наказ следует разъяснить бывшему начальнику горотдела дознания ГАИ?

– Перебьюсь! И так понятно, шо пенсы не при делах.

За окнами быстро стемнело, и на депутатское имение обрушился ливень, напоминавший грохочущий водопад. Раскаты грома и сверканье молний походили на пушечную канонаду.

На электронных часах, висевших над камином, светились цифры: 21.17.

Разговоры стихли. Потянулись минуты тягостного ожидания.

В таком режиме продолжительность каждой минуты продлевается на порядок. Параллельно с кисельным течением времени усиливается напряжение, умножается нервозность. В подобных ситуациях лучше не смотреть поминутно на часы, а отслеживать внутреннее состояние, чтобы не допустить перенапряжения психики.

Возвратился вымокший до нитки Бокал и проворчал, поднимаясь по ступеням на второй этаж:

– Ну и погодка! Портки придется менять.

Время от времени тишину прерывали настырные телефонные трели и обрывки переговоров в эфире. Оперативники в полголоса распоряжались, отпускали рекомендации.

Запиликал телефон генерала. Около минуты он молча слушал чей-то доклад.

– Добро, – обронил, сбросил вызов и задумчиво изрек. – Странно. Начальник УВД утверждает, будто важняк пропал без вести. Связи с ним никакой. Получается, что Штейн умолчал о случившемся, иначе разразился бы скандал. Чего ж я подрагиваю в ожидании?

– Что тут неясного?! – разбушевался Юнкер. – Таков стиль работы заносчивых юнцов, понаехавших в Крым из России и дорвавшихся нынче до власти. Установка одна – пробудить зависимость от руководителя и подавить желание пререкаться.

– Да вы, батенька, психоаналитик, – заметил Брут и уточнил. – Точно все из России?

– Наши дурачки в меньшинстве и дружно поют под дудку кровопивцев новой волны.

– Не будем о грустном. Мент не политик.

– Это не политика. Это кардинальный реванш совка по всем направлениям.

Вновь наступило молчание.

Электронные ходики констатировали: 21.38.

Одетый, будто на пробежку Бокальчук спустился в гостиную. Покрасовался в дорогом спортивном костюме, поправил завязку на кроссовке и глянул на часы: 21.44.

Словно выстрел в тишине раздался возглас оперативника, не сводившего глаз с экрана лэптопа:

– Есть письмо! Обмен на заводе! Там, где обнаружили машину.

– Пунктуальный, гад! – рыкнул Зимбер и закончил двустишь. – Зато Слону виват!

Одесситы сбежались к пульту управления, но спокойный голос генерала остудил их рвение:

– Повторяю для тугодумов – пенсы передыхают на диване! В бой идут одни менты! – скептически глянув на Бокальчука, скомандовал операм. – Нацепите главному герою микрофон и вставьте, куда надо наушник. Проводите к машине и покажите, где установлен маячок.

– Зачем это? – пробурчал Вадим.

– В случае опасности провозгласите – я депутат! Ну и дальше, типа, прошу обращаться подобающе! Понятно? По-

зывной ваш такой же – депутат.

– Может, обойдемся без пафоса и сбруи?

– Не оговаривается! – Никифорыч отмахнулся, набросил на плечи дождевик и скомандовал. – Полковник Черноух – за мной!

Через минуту в зале воцарилась тишина.

Неугомонный Зуи кружил вокруг стола по проторенному Бокальчуком маршруту. Репа с Летописцем сидели, нахохлившись, рядком перед журнальным столиком, заставленным кофейными чашками и тарелками с бутербродами. Вздыхая, поочередно смотрели на часы: 21.48.

В гостиную ввалился командир спецгруппы «Беркута». Молча стащил намокший дождевик и уместился на стуле возле входа.

– Не робей, служивый! – окликнул его Зимбер. – Подгребай поближе! Я тут в серванте коньячок видал. Тебя как звать-величать?

– Андреем. На службе не пью, – пробормотал кэп, подсаживаясь к столу. – Я извиниться хотел. Не просек ситуацию. Будто обухом по башке шандарахнуло. Следак, наверняка, гипнозом владеет. До сих пор поджилки трясутся и в ушах свистит.

– Не парься! Сами неслабо перетрухали, – унял его Пуртев.

Сидевший перед коммутатором оперативник доложил:

– Депутат на месте. Какая-то нештатная ситуация.

Затаив дыхание, все как один прислушались к радиопереговорам.

– Третий, ответь первому! – донеслось из динамика.

– Третий на связи! Я не на месте. У нас изменения ...

– Где объект?! Какие изменения ...?! Что за дела ...?! –

разорвался в эфире Брут.

– Третий – первому! Объект перехватили неизвестные на мотыках. Преследуем. Они в квадрате семь.

– Что за ...?! Я первый! Штурмовую группу в седьмой квадрат!

– Третий – первому! Отбой! Мы в квадрате семь. Скорую сюда!

– Понял! Не понял!! Почему ... отбой?! Кому скорую? Бандита ... взяли?!

– Третий – первому! Депутат забрал женщину с ребенком! Они в безопасности, похоже, спят. Преступник не обнаружен.

– Искать ...!! Прочесать завод! – неистовствовал генерал. – Следственную бригаду на место.

На милицейской волне велись не менее занимательные переговоры:

– Первый – гранитам! Предельное внимание!

– Седьмой – первому! Секретность нарушена.

– Не понял, седьмой! Доложите обстановку!

– Спецы дают отбой. Запросили скорую и следственную бригаду.

– Не понял! Почему ... отбой?!

– Все живы!

– Хорошо, а бандит задержан?

– Нет там никого.

Спецоперация на территории заброшенного завода закончилась неожиданно и негаданно. То есть все запланированные мероприятия были реализованы, но захват похитителя по неизвестной причине не состоялся.

Я слушал эфир, недоумевая:

«Каким образом Бокальчук набрел на дочку с внуком? Похоже, Нюра подсуетился. Мог бы мне маякнуть. Теперь совсем неясно, что задумал пучеглазый. Был ли он вообще на заводе?».

– Чего сидим?! – разорвался Зимбер. – Погнали туда!!

– Сядьте, не отсвечивайте, – спокойным тоном урезонил его Молодыев. – Или я перестану с вами рыбачить на Лонжероне.

– Ой, страху нагнал! Пожалуйста! Это не станет трагедией всей моей жизни!

– Вот и ладно!

– Тогда не фони!

– Поговорили...

Диалог на нервной почве завершился. Весь день мы находились в состоянии психического напряжения, но благодаря безобидным перепалкам – живо и безболезненно приходили в норму. Профессиональный навык, наработанный годами.

Дабы не теряться в догадках, смекалистый капитан переговорил с кем-то по телефону и доложился:

– Оперов переиграли пацаны на скутерах. Депутат только заехал на завод, а они тут-как-тут. Перехватили и сопроводили в отдаленный цех. Там он нашел своих. Предполагают, что их усыпили.

После паузы заговорил Летописец:

– О чем думаете, бывалые сыскари? Прошу высказываться.

– Какая-то хрень! – констатировал Зуй.

– Моральный садизм, – уточнил Репа. – Пучеглазый поизмывался над Вадимом и спецов уделал на раз.

Пришла моя очередь озвучить ход соображений:

– Делать выводы без конкретики все равно, что гадать на кофейной гуще. Для начала пусть прочешут местность, соберут вещдоки, отыщут очевидцев – тогда покумекаем. Понятно, что серийник привез похищенных после того, как милиция эвакуировала с завода ниссан. Следы по любому должны остаться. И нужно дождаться вывода медицинского обследования – узнаем, какой химией их усыпили. Дочка Вадима скоро оклемается и расскажет, как было дело. Думаю, маньяк не собирается долго держать нас в неведении. Скоро придет депеша с пояснениями – вот увидите.

Зашипела радиостанция на плече капитана. Сквозь помехи послышался деловитый басок Брута:

– Я первый! Всем отбой! Возвращаемся на базу. Предель-

ное внимание по маршруту!

– Мне пора, – подскочил кэп, взглянув на часы: 23.05.

Одесситы снова заскучали, развалившись на диване. Дабы отогнать сон я пустился вкруговую по залу, но пиликанье радиостанций и шум дождя убаюкивали даже на ходу.

Вскоре со двора послышался рокот автомобильных моторов и невнятные окрики. Через минуту гостиную заполонили разгоряченные и промокшие оперативники.

Глянув на встрепенувшихся пенсов, Черноух молча развел руками. Генерал стащил дождевик и громогласно объявил:

– Всем по сотке коньячку! Мне, естественно, больше, – продефилировал к буфету, извлек хрустальный штоф и водрузил на стол. – Олигарх, думаю, не обидится. Банкуйте, кто желает! Заодно растолкуйте мне ход мыслей в башке у пучеглазого.

– Сам объяснит. Дождемся письма, – подсказал я и спросил. – Бокальчук со своими в больнице?

– Естественно. Эскулапы заверили, что родичи в полном здравии, только под воздействием снотворного. Дочке вкололи, а дитя, похоже, напоили. Главное, что живы. Покуда можно расслабиться.

– Вряд ли получится, – заартачился Репа. – От этого уroda всего можно ожидать. Просчитать бы его следующий шаг.

– Бесполезно! – насупился Брут. – Шизонутые не поддаются анализу. Лично у меня пазлы не складываются. Я вооб-

ще не планировал впутываться в ритуальную серию, но партию отыграл чисто без запинки. Правда, с коротким антрактом из-за Штейна. Этот головняк тоже напомнит о себе. Не правда ли, Серго?

– Может так, а может, нарисуеться новый персонаж под водительством того же кукловода.

– Ага! Значит, принял мою версию?!

– По-другому не срастается. Понятно, что все эпизоды связаны. Четыре убийства, разбой с тяжкими последствиями, киднеппинг. Пять уголовных дел в разных областях. Нужна единая следственная бригада.

– Намекаешь, чтобы я похлопотал? Лады! Напрягусь. По приезде затребую меморандумы по всем делам и попрошусь с челобитной к адекватному прокурору.

– Кстати о законниках! Вам бы поостеречься. Штейн злопамятный...

– Пошел он! – Никифорыч опрокинул стопку и подобрел. – С обезбашенными пенсами не страшна мне даже сотня важняков. Поведай, Слон, чем займетесь в дальнейшем.

– Помыслим, прикинем, попробуем предугадать ...

– Горбатого мне не лепи! Понятно, что будете выискивать укротителя. Хорошо бы разжиться фотомордой злодея, – он обернулся к Молодязеву. – Вы уверены, что располагаете всеми фотографиями курсантов?

– Вроде бы да. Перешерстили весь выпускной альбом.

– То-то и оно! Вы собрали фотки тех, кто выучился и по-

лучил погоны. Неужели не было потерь?! Никого не отчислили за время учебы? В альбоме вряд ли есть фотка этого ... как его ... Прихода.

– Дохода, – подсказал Пуртев и поменялся в лице. – Азохен вей!! Надо ж так лохануться?! Вот почему я не дослужился до генерала. Живо припоминайте всех, кого отчислили!

– Прыткий какой! Склероз куда девать? – проворчал Реппа. – Рекомендовала мне моя Зоя хоть изредка почитать Ломброзо. Даже не знаю, скольких выгнали. Навскидку – больше дюжины за два года. Наш взвод в этом отношении образцово-показательный. С первого курса отчислили одного Боровика, а Недоходова турнули накануне защиты диплома.

Показалось, будто в лицо пахнуло раскаленным воздухом африканской пустыни. Неведомая сила подбросила меня над диваном, а статический разряд ударил по темени и пронзил все тело. Потеряв самообладание заорал:

– Гриб!! Федьку Боровика Грибом звали!

Одесситы переглянулись, а Брут нетерпеливо рыкнул:

– Не томи, Серго! Вишь, флотоводцы зависли.

Словно замороженный, я повторил слова жены Кухаренко, сказанные в кабинете Черноуха:

– Я на море. Если кто спросит – скажешь, что у меня грипп.

– Так гораздо понятнее, – саркастично обронил Зуй.

– Что непонятного?! – взвился Юнкер. – Не Грипп, а Гриб! Мы думали, что Слоник захворал, а он напоролся в Малореченском на Боровика и попытался нас предупредить через благоверную. Правда, малеха перемудрил...

– Точно Гриб, пацаны! – подхватил Молодыезев. – Ориентировку помните? Высокий лоб, узко и глубоко посаженные глаза. В юности были не на выкате, но это дело времени.

– Значится, я молодец! – восторжествовал Брут. – Опыт, господа, великое дело!

Наконец-то мне удалось справиться с эмоциональным шоком. Облизав пересохшие губы, пробормотал:

– Где же искать фотоморду Боровика?

– Водички попей, – присоветовал Репа и погрустнел. – Фотку отыскать не проблема. Я о другом думаю. Вот, други мои, чем обернулся суд Линча спустя столько лет.

Сразу после Нового года у первокурсников стали пропадать личные вещи и деньги. Персональный скарб можно было сдавать на хранение в каптерку, но мы предпочитали иметь под рукой – в тумбочке или в чемодане под кроватью.

Поначалу исчезала мелочевка – ремни, расчески, туалетные принадлежности, канцтовары. Со временем размер хищений увеличился. У Слоника сгнули новые джинсы, и в тот же день с прикроватной вешалки улетучилась моя люби-

мая куртка.

Не просто куртка, а шедевр индпошива в авторском исполнении моей мамы! Приступая к работе, она проштудировала подшивку польских журналов мод, после чего перешла для любимого сына офицерский френч, позаимствованный у отца из резервов обмундирования. Приталила, настрочила полдюжины карманов, приладила шевроны и нашивки, которые сама же воссоздала по картинкам образцов форменной одежды армии США. В итоге получился моднячий по тогдашним временам прикид в стиле хаки-милитари.

Вскоре обнаружили другие пропажи. Терпение лопнуло после того, как у командира взвода Вишенцева испарился кассетный магнитофон «Весна» – роскошь в период тотального дефицита.

Начальник курса созвал тайное совещание. Пока личный состав конспектировал лекцию по олимпийской тематике – в кабинете Новохатова собралось полдюжины курсантов, которым можно было доверять. Легендарный одесский сыщик высказал предположение, что похищенные вещи спрятаны на территории школы. Обосновал тем, что последние кражи совершены в период, когда увольнительные были запрещены. Той же ночью мы обыскали все помещения – подвалы, бытовки, кабинеты, аудитории.

Тайник выявили на чердаке административного корпуса – на стропилах за кирпичной кладкой хоронился вместительный саквояж. В нем обнаружили джинсы Слоника, магни-

тофон Вишенцева и другие пропавшие вещи. Жаль, только моднячая куртка не нашлась.

Новохатов сообщил о находке начальнику кафедры криминалистики, который предложил вернуть саквояж на место, установив внутри химическую ловушку. То есть, как только воришка вскроет портфель – струя несмываемого красителя малинового цвета разукрасит его бессовестную физию.

Так с помощью негласных методов советской криминалистики был изобличен наш сокурсник – Федор Боровик. Кару он понес изуверскую, но общепринятую все по тем же советским меркам. Руководство школы не стало выносить сор из избы – обошлись заседанием товарищеского суда и приказом об увольнении Боровика из органов внутренних дел. Одновременно было дадено молчаливое согласие на свершения акта воспитательной работы с применением рукоприкладства.

Федю излупили до беспамятства в аудитории нашего взвода. Поколотили так, что оказался в больнице, но жаловаться не стал.

Весьма скоро инцидент забылся из-за того, что предолимпийская подготовка вошла в завершающую стадию.

– Кто кошмарил Гриба? Скоренько вспоминайте всех по-

именно, – подстегнул Молодязев. – Лично я не участвовал по морально-этическим соображениям. Пытался урезонить остальных. Чуть по шее не надавали, – подняв на меня глаза, спросил. – Ты где был?

– Дневалил в гараже на пару с Летописцем. Помнишь, Семен?

– Не помню, как дневалили. Помню, как потом жалел, что не приложился к вороватой роже.

– У меня тоже руки чесались, – подхватил Зуй. – В тот день я сачковал – простуду имитировал.

Черноух вздохнул и признался:

– Боровика не бил, но участвовал. На шухере стоял за дверью. Сколько же времени минуло?! Неужто он и вправду с катушек слетел?!

– Вполне вероятно, – пробухтел Репа. – Вот к чему приводят садистские методы. Гриб скопил столько обиды, что крышу напрочь снесло.

– Теперь все сходится, – подытожил Пуртев. – Федьку лупили курсанты из разных взводов. Валька Сарычев точно участвовал. Сам мне хвалился.

– Надо припомнить всех и предупредить по-быстрому! – настоял Юнкер и обернулся на стук в дверь.

В гостиную заглянул Борила и, заметив меня, уведомил:

– Иваныч! Там папин казачок объявился с дамой сердца. К вам просятся.

– Запускай! – распорядился и объяснил Бруту. – Юный

помощники. Дальняя родня Бокальчука.

– Командуй, Серго, командуй, – Никифорович устало зашаркал к выходу. – Медведи, ребятня, грибы – то ваша ту-совка. Желаю поживать! Посему до утра не лишать покоя! Застрелю!

Отворив дверь, впустил в гостиную вымокших до нитки молодоженов. Отвесил поклон и, хохотнув, удалился.

– Только из больницы, – объяснил Нюра, приняв из рук Борилы полотенце. – Папа остался до утра, а у нас к вам срочный тайный разговор. При всех поговорим или ...

– Выкладывайте.

– Тогда сначала о мажоре, – анонсировала Даша. – Говорят, он важный следователь. Чудной тип, непредсказуемый и опасный.

– Интеллигентная ищейка, но только с виду, – подправил Паша. – Мы с утра были в дозоре неподалеку. Видали, как он улепетывал. Решили маленько попасти. Мажор всю дорогу кому-то названивал. Дошагал до выезда из поселка, а там его хаммер дождался без номеров. Мы по эстафете передали пацанам на скутерах, а те сели на хвост. Довели до окружной в сторону Одессы и отстали. На скутере за джипом не угнаться.

– Надо было мне позвонить.

– Я папу известил, а он послал. Далекое! Сказал, что не до этого. Через пару минут перезвонил и наказал прочесать завод.

– Мы догадались, кто нашел заложников.

– Наша работа! Сначала убедились, что кроме ментов на заводе никого нет. Потом осмотрели место, где нашли ниссан и ближайший цех. Сразу наткнулись. Оставили все, как есть и погнали навстречу папе. Перехватили на въезде и напрямиком туда.

– Короче, отобрали лавры у генерала, – заключил Репа и спросил. – Дальше-то что?

– Конец первой части, – хихикнув, уведомила Даша.

– Вторая вам вряд ли понравится, – предупредил Нюра. – Папа сразу материться начал.

– Мы люди воспитанные, – уверил Зуй. – Интеллектуалы и эрудиты высшей пробы.

Паша отмахнулся и подметил:

– Все одно будете ржать, как кони.

– Ни в коем разе! – обаялся Пуртев. – Разве что, как пони.

– Ладно, слушайте. Короче, Дашка – дама со странностями. Как бы подходчивее выразиться? Иногда видит то, чего другие не видят. С детства такой феномен.

Он замолчал, дабы оценить реакцию и, убедившись, что одесские аристократы внимают с серьезными минами – попросил Дашу:

– Сама объясни! Моего словарного запаса не хватает.

– Понимаете, это не глюки, – смутившись, затараторила девушка. – Такие невидимые картинки, возникающие перед

глазами поверх человека. Мультяшная иллюстрация того, кем он является на самом деле. Каков этот человек внутри, а не снаружи. Понятно?

Седовласые головы дружно закивали, выказывая безоговорочное понимание и расположение. Хотя сосредоточенные физиономии стреляных сыскарей напоминали лица светил психиатрии в разгар врачебного консилиума.

– К примеру, глядя на вас, я вижу кота Матроскина, – указав на Зуя, молвила Даша и сразу зажмурилась от громкого хохота.

Зимбер выпучил глаза, будто ему сообщили о внебрачном ребенке, а Репа не упустил случая подначить дружка:

– Мяу! Кис-кис, полосатенький!

В гостиную заглянул озадаченный Борила, после чего гогот перерос в истерику.

– Да ну вас! – насупился Нюра. – Мы серьезно.

– Отставить шабаш!! – приструнил пенсов Летописец.

Дождавшись тишины, Даша заговорила увереннее:

– Хочу охарактеризовать мажора. Помните, мультик о приключениях Алисы Селезневой? Тайна третьей планеты называется. Там есть персонаж – директор музея доктор Верховцев. Интеллигентный дядечка в шляпе. Так вот – его обличье принял инопланетный бандит Глот. Сотворил оболочку, похожую на профессора и влез в нее.

– Видал я этот мультик, – высказался Юнкер с умиленным лицом. – Не пойму только, причем здесь мажор?

– Это и есть оболочка. Внутри сидит инопланетный бандит с перекошенным от злости фэйсом.

– Какую пользу мы возымеем от данной информации? – поинтересовался Пуртев.

– Огромную! Получим недостающее звено, – заверил Репя. – Я все гадал, чего не хватает в нашей истории? Не достаёт в ней мистики, господа! Теперь все на своих местах. Коллективно выходим за грань материального мира!

– Зря иронизируешь, – подоспел я на выручку Даше. – Когда-то давно наш эксперт показал мне странную фотографию. Готовил по ней заключение для суда, а впоследствии сохранил. Знал, что на слово не поверят. На черно-белом снимке была запечатлена компания молодых людей на лесной поляне. Подвыпившие парни стоят, обнявшись возле расстеленного покрывала, заставленного бутылками и тарелками с закуской. На первый взгляд – все обыденно, но если присмотреться, то у каждого над головой, будто в тумане, проглядывается звериная морда. Над одним нависла осклизшая волчья пасть, рядом – злая морда медведя. Чуть поодаль морщит пятак самодовольный кабан и щурится лукавый лис. Неясно, каким образом, но фотография проиллюстрировала звериные наклонности этих парней. Все они были боевиками в известной группировке и погибли в разборках. Вот такая мистика...

Глава десятая

ГРИБ

Смолоду приключалось всякое. Я жаждал и выискивал авантюры на разные части тела, провоцируя опасные жизненные обстоятельства. Правда, курьезных случаев выдавалось больше.

С годами накопил некоторый опыт, долей которого стало самопознание в рамках концепции мистицизма. С данной колокольни пытался истолковывать немногочисленные, но яркие эпизоды, выходящие за пределы ординарного понимания.

Достаточно упомянуть, что после одного достопамятного события я завязал с усугублением спиртных напитков. Не в том смысле, что бросил пить вообще, но кардинально изменил отношение к самому процессу. Прежде всего, перестал принимать внутрь так называемые шибко градусные жидкости. Все оттого, что воздействие продуктов перегона на мозги стало напоминать реакцию, происходящую внутри самогонного аппарата. То есть дошло, наконец, отчего слетают крыши у алкашей.

Наряду с этим сохранил в рационе качественные сухие и полусладкие вина, но прекратил заливать их в себя галлонами и с целью окосеть.

До этого исповедовалась доктрина, что горилка – необходимый анальгетик для снятия стресса и расслабления нервной системы. Надираться нужно было для того, чтобы ис-

ключить в дальнейшем астенический синдром ввиду бесконечных засад, опасных погоней и неравных схваток.

Оттого отказывался понимать, что возможно пригубить чуток для удовольствия, а не доводить себя до поросячьего визга. Не говоря уже о том, что человеку важно научиться получать удовольствие от самой жизни, а не прибегать к искусственной стимуляции и самогипнозу.

В довершение настало прозрение, что от эгоистичной доктрины страдают близкие люди, а дети, словно губки напитаются алкогольными парами, перенимая пагубную привычку родителя.

Пагубную из-за того, что проще простого пересечь незримую грань, отделяющую бытовое пьянство от алкоголизма.

Цепочка неординарных эпизодов с мистической подоплекой, произошедших некогда за одни сутки, не позволила преодолеть точку невозврата.

В середине девяностых годов прошлого тысячелетия случилась история с продолжением, выходящая за рамки обычного.

Поздно вечером экипаж патрульной машины нашего управления пытался усмирить дебош в общежитии, где обитали молодые милиционеры. Ситуация выдалась непростой, потому на место происшествия вызвали ответственного по

РУВД – то есть меня. Не иначе, само Провидение повелело, чтобы я дежурил в тот день.

Выяснилось, что два кума-гаишника после службы упились в хлам, а в разгар вакханалии возвратилась с работы супруга одного из них и учинила скандал.

Не представляю, до какой степени нужно было нализаться блюстителем порядка на дорогах, чтобы единогласно диагностировать у справедливо разгневанной женщины наличие порчи и сглаза!

Также неведомо, откуда им были известны столь изощренные методы снятия упомянутых недугов. Как бы там ни было, а неменяемые экзорцисты принялись изгонять бесов, приковав бедняжку наручниками к батарее отопления. Провели ритуал огненного очищения – подожгли тряпье и окуривали подопытную едким дымом. Устрашенная вусмерть она вопила так, что обходчики расположенной неподалеку железнодорожной станции вызвали милицию. Даже грохотавшие по стыкам рельсов поезда не заглушили истошный ор.

В конце концов, избавленную от порчи женщину пришлось отправлять в больницу для проведения интенсивной шокотерапии, а очумелых балбесов сопроводить под конвоем в «обезьянник».

Поутру прибыл начальник районного отдела ГАИ и увез нерадивых подчиненных на экзекуцию. Я же благополучно отчитался за дежурство и примкнул к остальным сменив-

шимся офицерам, замыслившим ритуал снятия стресса.

В комнате отдыха организовали застолье, в процессе которого все изрядно набрались. Заодно перемысли косточки отличившимся гаишникам и подискутировали на тему экзорцизма. Результатом полемики стала знаковая фраза, прозвучавшая из уст прапорщика Володи-Цицерона, сменившегося после дежурства за радиопультотом:

– Напрасно ржете! Моя соседка ясновидящая. Эльвирой себя величает. От импотенции заговаривает, от пьянства и хреновины всякой. Поехали – организую сеанс!

– Сам чего не подшился? – подначил кто-то из присутствующих.

– Я ж не придурок! Она меня от другого недуга лечит.

Посмеялись, пошутили, и вышло так, что Вова все же угорил меня нанести визит ясновидящей. Позвонив Эльвире, договорился о встрече, а мне пообещал после сеанса продолжение банкета у себя дома.

Доехали на такси до Позняков и поднялись лифтом на последний этаж шестнадцатизэтажной высотки. Массивную бронедверь отворила пышногрудая намакияженная брюнетка моего возраста в расписном атласном халате до пят.

– Присядьте тута, – обронила хрипловатым баском, указав на стулья, стоявшие в холле. – У меня клиентка. Обождете минут десять. Туалет возле кухни.

Отвесив поклон, дебелая сомнамбула прошелестела полами халата в комнату. Прикрывая дверь, обернулась и кокет-

ливо стрельнула глазами в Цицерона. Вова довольно крикнул и заерзал на стуле.

– Гром-баба! – зашептал мне в ухо. – Сразу видит, кто и зачем пришел. Ты от пьянки будешь кодироваться?

– Думаешь, прошибет? Я ж бухой.

Внезапно и широко распахнулась дверь комнаты, за которой скрылась Эльвира. В холл прошкандыбала сутулая тетенька, похожая на мультяшную бабу Ягу – низкорослая, сухопарая, с орлиным носом и выступающим подбородком. Будто на плечиках в шкафу, болталось на ней старомодное черное платье, расклешенное к низу, с воротом под горло и рукавами-фонариками. На ногах – штиблеты мужского фасона под цвет прилизанных лоснящихся волос, собранных на затылке в пепельный узел.

– Доброго дня, – поздоровалась и остолбенела. По телу пробежала сильная дрожь, руки изогнулись в локтях, пальцы скрючились, а располагающая улыбка сменилась звериным оскалом. Послышался скрежет зубов и гортанное завывание, будто в каминной трубе.

В следующую секунду странная тетечка задрала подол и отчебучила перед нами классический канкан.

– Слон надумал бросить пить! – пропела, неистово отплясывая. – Смехота, но так и быть! Подустал козу водить – будет женушку любить!

Прапорщик Вова вцепился мертвой хваткой в рукав моего кителя, ошалело наблюдая за мельтешившими перед лицом

худыми ногами в сморщенных колготах.

Зажигательный танец с улюлюканьем длился около минуты и прекратился так же внезапно, как начался. Будто переключился тумблер в черепной коробке танцовщицы. В одночасье она обрела нормальность – поправила прическу, одернула подол и молвила человеческим голосом:

– Извиняюсь! Со мной сегодня что-то не так.

– Бывает, – просипел протрезвевший Цицерон, после чего тумблер в голове у певички снова переключился.

Возобновив пляску с подвыванием, она вприпрыжку выскочила из квартиры, а просеменившая следом ясновидица быстро притворила дверь.

– Шо это было?! – пробормотала, глянув в дверной глазок. – Хоть бы соседи ментов не вызвали.

Вова подскочил, будто ужаленный и попытался прорваться к выходу.

– Пора нам, честно! – пробухтел, пытаясь дотянуться до дверной ручки.

– Сидеть!! – рывкнула Эльвира, преградив путь к отступлению. – Не пуцу в стрессовом состоянии! Кофею попьем, побазарим – тогда пойдете.

Спустя неделю братья по оружию взбудоражено обсуждали известие о моей завязке. Цицерон ходил с высоко поднятой головой, приписывая заслугу себе, хотя сам не собирался расставаться с пагубной привязкой.

Для многих сослуживцев данный феномен остался нераз-

решимой загадкой, а для малого числа адептов – назидательным примером.

В гостиной властвовала тишина. Над камином светились цифры: 00.50.

Сидевший за столом дежурный оперативник задремал, уронив голову на грудь. Похожим образом были переведены в режим сна радио, телефонные и компьютерные средства связи.

Молодожены дрыхли без задних ног на диване, а бывшие сокурсники обосновались на стульях и в креслах вокруг сервированного журнального столика. Наговорившись за вечер, Зимбер с Пуртевым почивали, а неугомонный Черноух перешептывался с Молодязевым.

Поглядывая на сотоварищей, я тихо радовался, ощущая атмосферу согласия, уважения и взаимовыручки.

«Сколько лет минуло, а дружба не угасла, – думалось в полубезытье. – Для воссоединения не понадобилось ни призывов, ни лозунгов. Уверен, что каждый по-своему понимает и истолковывает дружеские отношения, но основополагающие принципы тождественны. Иначе нас бы здесь не было».

В жизни порой выходит иначе.

Один понимает дружбу, как наличие в мобильнике непо-

мерного количества телефонных номеров важных, нужных и полезных людей. При таком подходе жизнь истекает в ожидании праздников и шумных застолий, приуроченных к знаковым датам. На сходках и вылазках заключаются сделки, решаются вопросы трудоустройства и учебы в престижных вузах. Порой – ломаются судьбы. Причем в душу друг другу никто не заглядывает, а просьбы о помощи касаются лишь хлеба насущного, материальных ценностей, консультаций у знатных докторов, и зачастую – методов выстраивания коррупционных схем.

Другой трактует дружеские отношения, как процесс собирания вокруг себя любимого толпы благодарных слушателей. То есть друзья должны внимать молча, открыв рот, принимая любые слова, как безоговорочную истину. При этом ни в коем случае не перечить. Бездумно кивающими марионетками управлять легко, а если найдется смельчак, который сделает замечание или покритикует – враз окажется в статусе недруга. Будет осужден за неблагодарность и неприятие заботы, замешанной на братской любви.

Есть и другие интерпретации, но, на мой взгляд, дружеские отношения невозможны без чувства неподдельной сердечной теплоты. Без этого тяжело сблизиться с человеком, особенно, если испытываешь желание его изменить, усовершенствовать по своему образу и подобию.

Дружить – значит думать о человеке хорошо и принимать его таким, какой он есть. Даже если прознаешь нечто отврат-

ное.

С другом можно поспорить и не побить горшки оттого, что обоим даровано право мыслить по-своему.

Друзья могут много лет не встречаться и даже не общаться, но в трудную минуту не раздумывая придут на помощь.

В глубокой древности мудрые правители не держали вокруг себя большого войска. В мирное время они предоставляли придворным рыцарям возможность заниматься обустройством родовых поместий, обучением молодых воинов. Таким образом, рыцари формировали боеспособные дружины, а в случае войны – сплачивались вокруг короля, образуя могучую рать. Если же акт агрессии был направлен против имени придворного рыцаря – на помощь спешили остальные во главе с монархом.

Похожим образом в советские времена объединились «корабли» ментовского «Седьмого флота» под единым штандартом правосудия. Обрели боевое оснащение и навыки ратного мастерства. После чего разошлись по портам приписки, где умножили огневую мощь и профессионализм.

Спустя тридцать лет прозвучала команда: «Полундра! Свистать всех наверх!» и немедля были покинуты тихие гавани.

Наверное, это и есть дружба.

Негромкий голос Пуртева возвратил в текущий момент: – Я тут прикинул сквозь дрему. Похоже Гриб – лишь види-

мая часть айсберга. Вряд ли он действует в одиночку. Честно признаться сомневаюсь, что родичей Вадима захватил Боровик. Если действительно он натворил делов в Крыму, то физически не смог бы так быстро переместиться в Николаев. Кто-то усердствует, чтобы мы приписали все Грибу, а сам под шумок движется к намеченной цели.

– Какой цели? – спросил Черноух. – Походу все замешано на мести.

– Тогда почему он не захватил Бокала? Почему играет с нами в кошки-мышки? Чьих топтунов пытается разговорить Самчуков? С какой стати важняк генпрокуратуры повел себя, как подельник серийника?

– Голова пухнет от этих вопросов, – согласился Юнкер.

– Во-во! – посетила меня идея. – Мозгам нужен отдых. Погнали, пацаны, на конспиративную хату! Там места – завались! Тишина и покой!

– Чего сидим?! – изрек пробудившийся Зуй и ткнул Репу локтем в плечо. – Рота, подъем!

– Прими снотворного, Витя, – пробубнил Юрий Всеволодович. – Запей слабительным и вали дрыхнуть в ниссан Летописца.

– Детей разбудите, обалдуи! – шумнул на них Пуртев и засобирался. – Поехали! Надо бы Вадиму сообщить.

– Уже! Отправил смс, пока некоторые дурью маялись, – уведомил я, направляясь к выходу. – Бокал отписался, что согласен. Охранники нас проводят.

Вскоре из депутатского поместья вырулила колонна, состоявшая из четырех машин. В авангарде гудел покрывками по асфальту «мерседес» с Борилой и Лютиком на борту. За ним неотступно следовала «мазда» Черноуха, которому я охотно составил компанию. Далее колесил пуртевский «ниссан», заполненный одесситами, а замыкал процессию микроавтобус спецгруппы «Беркут». Капитан пожелал окончательно реабилитироваться и отконвоировать колонну.

Оказавшись в квартире, компания рассредоточилась по комнатам, а спустя несколько минут отовсюду слышался богатырский храп и размеренное сопение.

Вначале десятого я был нещадно разбужен трелями дверного звонка. Прошлепав босиком в прихожую, глянул в глазок и отворил дверь.

– Босс кличет завтракать, – уведомил с порога Борила. – Ожидаем на улице.

– Щас, только сыграю остальным побудку, – пообещал и, прикрыв дверь, посеменял в клозет.

Мало того, что будить никого не пришлось, но и заведения общего пользования оказались занятыми.

Ровно через час энергичные пенсы рассаживались за столом в альтанке. Восторгались предложенным ассортиментом и отпускали комплименты повеселевшему хозяину по-

мести.

– Ни фиги себе! – дивился Зимбер, сглатывая слюну. – Барское угощение! Когда успели?!

Ему вторил Летописец:

– В натуре! Я рассчитывал на бутерброды и кофе, а тут форменный праздник живота!

– Бокал решил продлить нам командировку, – растолковал Репа, потерев ладони. – Типа, обожремся и никуда не поедем.

Довольный Юнкер пробубнил в усы:

– Самый раз мне на дорожку! Можете объедаться, а я перехвачу и айда на полуостров!

Вооружившись вилками, все как один накинлись на здоровущую гору вареников с картошкой, громоздившуюся в центре стола на подносе. Слюнодавительный аромат жаренного на шкварках лука разливался по саду, смешавшись с запахом мясо-сырной нарезки и овощного салата.

– Бухать не будем, – предупредил Бокал. – У меня дел полно, а вам в дорогу.

– Нехорошо корешей выставлять, – промямлил Зуй с набитым ртом. – Разве опасность миновала?

– В ближайшее время бандит ко мне не сунется. Будет выжидать, пока шум поутихнет. Но думаю, продолжит зачищать список.

– Сто процентов! – подхватил Репа. – Первым делом нужно обложить Боровика. Помнится, он из забитого села под

Одессой.

– По трассе на Белгород-Днестровский, – подсказал Летописец. – Моя задача – предупредить всех, кто может оказаться в его списке. Адреса и телефоны есть в компьютере. По любому пора двигать в Одессу.

– Я пошарю по учетам ГАИ и МРЭО. Отберу синие нивы, зарегистрированные в том районе, – уведомил Зимбер и обернулся к Бокальчуку. – Как дочка, как внучок?

– Порядок. Ира проснулась рано утром и рассказала, как все было. По дороге в больницу ниссан тормознул гаишник. Внаглую уселся рядом, достал ствол и наказал ехать, куда укажет. Внук даже не проснулся. Всю дорогу проспал в детском кресле на заднем сидении. Бандит отобрал сумочку с телефоном, а когда заехали на завод – сделал дочке укол в предплечье. За минуту Ира отключилась.

Подняв руку, я уточнил:

– То есть в операции участвовали как минимум два гаишника. Другой мурыжил охранников.

– Всего было трое, – Вадим показал на пальцах.

– Скорее всего, оборотни, – предположил Репа.

– Несомненно! В управе ГАИ нет инспекторов с похожими приметами. Ни в городе, ни в области. Дочка и охранники пересмотрели все базы фотографий.

– Приметы пучеглазого тоже не подходят? – поинтересовался Черноух.

– Нет. И ничего странного в этом я не усматриваю.

– Значит, мы зря сушили мозги и просчитывали, как он мог очутиться в Николаеве.

– Похоже, не было здесь Гриба, – высказался Семен. – Наверняка действуют раздражители. Уводят нас по ложному следу.

Молодызев запил узваром очередной вареник и дополнил:

– По всем прикидкам раздражители и чистильщик работают вместе. Думаю, орудует банда. Синдикат. Мафия!

– Каким боком вписать в коза ностру Штейна? – спросил я и заметил вышедшего из-за дома Брута. – Щас, пацаны, генерал нам все растолкует.

Никифорыч выглядел усталым, но старался не подавать вида, изображая на подмятом лице саркастическую улыбку.

– Водку спозаранку пьянствуете? – прогудел, подсаживаясь к столу. – Жаль, не могу присоединиться. Обстановка напрягает. Важняк до сих пор не отыскался.

– Отвалил на хаммере в сторону пальмиры, – уведомил Репа. – Вчера помощники Слона пропасли его до выезда на шоссе.

– Будто я не в курсе?! – раздухарился Брут. – Менты по моей команде до утра отрабатывали трассу аж до самой Одессы. Хаммер как в воду канул и прохиндей Штейн заодно.

– Чую копчиком, что он всех нас развел, – проворчал Бокал. – Никакого дела генпрокуратура не возбуждала. Важняк отрабатывает чьи-то бабки. Прикрылся ксивой и полномо-

чиями, настрашал, чтоб не мешали.

– Дело возбуждено, я проверил, – Никифорыч взялся за вилку, но поморщился и отодвинул в сторону. – С утраца побеспокоил заместителя генпрокурора, который утвердил постанову. Нормальный оказался мужик. Признался, что инициатива всецело принадлежит Штейну. Тот приперся прямо к нему домой и запудрил мозги. Прокурор сам не понял, как подмахнул постановление.

В альтанку заглянул подполковник Слепчук.

– Прошу прощения, Борис Никифорович, – отчеканил, подавая сложенный лист бумаги. – Почта для Бокальчука.

Брут развернул депешу, сморщился пуще прежнего и продемонстрировал содержание.

В очередном послании снова фигурировал улыбочивый олимпийский мишка. Под рисунком красовалась надпись: «Слишком просто убить твое тело. Лучше постепенно сгубить твою душу».

– Сволочь! Измывается! – взвился Зуй и в самом деле стал похож на кота Матроскина.

– Тихо ша! – прикрикнул на него Молодязев, но согласился. – Налицо моральный садизм.

– Хитроумная угроза, – спокойно заметил Вадим. – За подобные слова к уголовной ответственности не привлечешь. Но я доволен. Главное – нет угрозы родным. За душу как-то смогу постоять. Чтобы сгубить, в нее еще залезть надо!

– Не мешало с Батоном перетереть, – предложил Летопи-

сец.

– Само собой...

Меня же заклинило от прокравшейся гадостной мысли:

«Письмо пришло почти одновременно с появлением Брута. Не его ли это происки?! Генерал странно себя ведет. Стоп!! Что за бредятина лезет в голову?! Откуда взялась подозрительность и недоверие? Может оттого, что Никифорищ спасовал перед Штейном? Я сам спасовал! Вот и нечего гнать пургу!».

Словно издали прозвучал безмятежный голос Брута:

– Пора прощаться. Содержание письма свидетельствует, что опасность не миновала, но перешла в вялотекущую фазу. Посему желаю откланяться. По прибытию в столицу займусь плетением оперативных интриг. Общими силами укротим любителя олимпийской символики, – он перевел взгляд на Черноуха. – Вы домой, полковник?

– Со скоростью звука! Забросали эсэмэсками. Начальство грозитя разжаловать в рядовые, а благоверная обещает намылить шею. Если серьезно, то возьму на контроль следствие по делам Кухаренко и Сарычева. Предчувствую, что Киев спуску не даст, благодаря вашим стараниям.

– Даже не сомневайтесь! – генерал выбрался из-за стола и, уходя, проронил. – Айда, Серго, проводишь.

Остановился на углу и дождался, пока подойду.

– Береги себя, Кучер, – заговорил вполголоса. – Чую, кулеш только заваривается. Не припомню, чтобы за полтора

дня случалось столько ненормального. Подозрительность в край одолела – кто свой, кто чужой!

«Ты-то сам кто? Кому в натуре служишь? – снова закралась думка, но я был во всеоружии. – Не поведусь на вражьих происки! Без подтверждений или контрафактов это всего лишь бредни уставшего мозга».

Тем временем Брут продолжал:

– Ненавижу плакаться, но тебе скажу. Никогда так сердце не трепетало. Прилечу в Киев, поднапрягусь с делом маньяка и прямиком в госпиталь. Не забывай о кадровом предложении, пока я при полномочиях. Мало ли что...

Последнюю фразу он обронил, умащиваясь на заднем сидении служебного «фольксвагена». Спустя минуту генеральский кортеж в сопровождении микроавтобуса спецгруппы «Беркут» скрылся за поворотом.

Подходя к альтанке, я услышал заверения депутата:

– Не переживайте, парни! Езжайте спокойно. Здесь охраны – целая рота. Занимайтесь Боровиком, а я кое-кого здесь потрясу – есть соображение. Вечером отправлю подальше родичей, а с утрачка подамся в Одессу. Совместно дождем это дело! Найдется для меня пристанище?

– Можете не сомневаться, пан олигарх! – с хулиганским апломбом забалабонил Зуй. – Извиняюсь, конечно, но ваш уютный домишко по сравнению с моими хоромами – избушка садовода-любителя. А чтобы взять штурмом мой замок, не хватит гарнизона одесской милиции. Короче, мило-

сти прошу! В доме ни души – семейство греет кости на северном побережье Красного моря. Слона тоже разместим по высшему разряду.

– Премного благодарен, но во дворцах маюсь бессонницей. Хочу в каморку на улицу Красных зорь. Там диванчик, вентилятор и море рядом.

– Удел пролетариев, – подзудил Летописец.

– От слова «пролетать», – уточнил Репа.

– Не обращай внимания, Серый! Сами они маргиналы, – Вадим протянул на прощание руку. – Паша с Дашей уже убыли. Присматривай за дитятками.

Ласковая волна омывала купальщика, избавляя организм от физического и психического напряжения. Чем дальше я заплывал, тем легче становилось на душе, а с упразднением дурного предчувствия улетучились навязчивые помыслы о лазутчиках и предателях.

Наплававшись вдоволь, уселся на мокрый песок и стал наблюдать за юными ныряльщиками с пирса.

«Может, сигануть за компанию? – подумалось ненароком, но вмешалась закомплексованность. – Детишки обсмеют. Подумают – дядька впервые на море и упился на радостях вдрызг».

Солнечный диск опустил за прибрежные сопки, уступив

главенствующую позицию свежему ветру с моря.

Собрав вещички, подался восвояси, но по дороге перекусил в пиццерии. Когда же добрел до владений Марии – приметил цветастые Пашины шорты, сохнувшие на бельевой веревке. Предупредительно кашлянув, постучался к молодоженам.

– Входите, заждались уже! – откликнулась Даша. – Вы кушать пошли, а мы бегом домой.

– Могли бы подать знак, что присматриваете, – добродушно проворчал, осматривая убранную комнатушку. – Хорошо хоть с пирса не нырнул. Поиздевались бы над пенсионером.

– Ни в коем разе! – уверил вошедший следом Нюра. – Не до того нам было. Злодеев высматривали. Слежки вроде бы не было.

– Лады. Забрел сообщить, что готов поучаствовать в вечерних посиделках.

– Окей! Я за вином сбегаяю.

Постояльцы минипансионата оккупировали садовую беседку с наступлением сумерек. Новый собутыльник был принят с распростертыми объятьями ввиду того, что щедро представился.

До глубокой ночи под виноградными лозами царил закон отдохновения, накладывающий запрет на раздумья с погружением в себя, философские диспуты и деловые пересуды.

В результате я знатно расслабился и приобрел ошутимый

заряд позитива.

– Молоко! На Кордонном – свежайшее молоко! Только что из коровы! – эхом разносилось по сонной округе.

Утро в очередной раз выдалось жарким и солнечным.

Пока приводил себя в Божеский вид, Даша сварила кофе и предложила постирать что-нибудь из вещей. Оказалось, как нельзя кстати.

Поход на пляж решил отложить до вечера. Критическим взглядом осмотрел свою запыленную машину и отказался от идеи поколесить по городу. Не хотелось выискивать автомойку. К тому же подошло время утренних телефонных брифингов. Соблюдая секретность, вышел на Фонтанскую дорогу и прогулялся по аллее сквера.

Первым делом осчастливил супругу и выслушал нравовучение о том, как должен себя вести любящий муж, слинявший в одиночку на курорт. Так уж повелось в нашей семье, что без надобности Оля не докучала дозвонами и расспросами. Я же нагло воспользовался бесконтрольностью, и последний раз позвонил ей из Крыма. Посему критические замечания и просьбу сосуществовать в дружелюбии воспринял безоговорочно.

Затем перекинулся парой слов с Панфиловым. Сергей Давидович знал о злоключениях в Крыму и Николаеве, так как

с утра находился на кафедре Молодязева. По делу Недоходова новостей не было.

Следующий разговор состоялся с Брутом. Как и обещал, Никифорыч сдался на милость докторам – проходил медицинское обследование в столичном госпитале МВД. Несмотря на отлучку, держал ход расследования под неусыпным контролем.

– Представляешь, Серго?! – трубил раздраженно. – Отослал запрос на Боровика, а доблестный информационный центр выдал нулевую информацию. Глухо! Какой-то лазутчик подчистил учетные карточки всего семейства. Люди вроде бы значатся в базе, а данных нет. Кибернетика оказалась бессильной. Так что напрягай своих мореманов! Пущай шевелят батонами, клешнями и бестолковками!

Одну из своих коронных фраз Брут высказывал в том случае, если качество собранной сыщиками информации оставляло желать лучшего. Заводился с пол-оборота, когда в материалах оперативной разработки находил одни только справки, распечатки, ксерокопии.

– Сверни в трубочку и засунь ... сам знаешь куда! – распекал молодых оперов бывалый сыщик. – С людьми надо работать, а потом с бумажками. Думаешь, разослал запросы и все?! Дудки! Напрягай бестолковку и шевели клешнями с батонами! Штудируй науку общения и ораторское мастерство.

Предпоследним собеседником был Репа. Дознавшись о

фиаско в информационном центре МВД и напутствии генерала шевелить батонами, Юрий Всеволодович деловито завил:

– Не вижу проблемы! Самчуковская флотилия курсирует в данном направлении. Я тоже подключил всяческие возможности. Всех, кто может быть в списке Гриба – предупредили. Летописец обзвонил кого смог, остальным отправил письма по электронной почте. Будь уверен – от нас Боровик не скроется!

Заключительный разговор состоялся с Юнкером. По делу новостей не было, но зато он в кратчайшие сроки навел мосты взаимопонимания с женой и начальством.

На этом утренний перезвон закончился.

Хоронясь от палящего солнца в тени платанов и акаций, потащился восвояси. При этом диагностировал полный раздрай. Казалось, был переполнен силами и одновременно с трудом двигал ногами. Нечто похожее происходило с чувствительностью и мышлением.

«Однако тревожный сигнал! – подумал, пытаюсь взглянуть на себя со стороны. – Ломка трудоголика, что ли? Ну и видок! Дебелый дядька в состоянии полуобморочного тремора. Даже башка колыхается, будто у китайского болванчика. Кичится тем, что вычислил Гриба и надул губы, как только друзья отстранили от дел. Теперь не знает, чем заняться в то время, как сотоварищи сбились с ног. Цени момент, Слон! Заваливайся в каморку под вентилятор и молись, чтобы ни-

кто не пострадал. Чтобы все поскорее разрешилось».

Прошкандыбав во двор, заметил в беседке Ньюру. Помощник нехотя двигал челюстями, прихлебывая из кофейной чашки. Словно замороженный я подался на аромат кофе.

– Присоединяйтесь, – завидев понурого босса, Паша кивнул на тарелку с бутербродами. – В эту жару в рот ничего не лезет, но хоть что-то поесть надо.

– Согласен, – обронил, подсаживаясь к столу. – Новости есть?

– Папа прибудет к вечеру.

– Добре. С хвостами глухо? – поинтересовался, апатично пережевывая бутерброд.

– Юннаты на местах. Пока тишина.

– То-то и напрягает. Затишье перед бурей.

– Меня тоже колбасит. Нервы вздыбились. На Дашку утром накинулся.

– Объяснимо. Пост стрессовый синдром. Старайся не поддаваться, а то засосет.

– Как барона Мюнхгаузена? Предлагаете хвататься за косячок и вытаскивать себя из болота вместе с конем? Лады, попытаюсь. Мысли дурацкие в голову лезут. Подозрительный стал.

– Не ты один. Думаю, мы столкнулись с темной силищей, которая стремится влезть в мозги и посеять вражду. Страхи всякие, колебания. Надобно максимально мобилизовать волю. Даше объясни, что с тобой происходит. Поймет – она у

тебя уникам. Ладно, пойду собирать себя до кучи.

Развалившись в одних труселях на скрипучем диване, вытаращился в потолок, наблюдая за сонной мухой. При этом силился собраться с мыслями. Конвульсивно дребезжавший вентилятор едва опахивал спертым воздухом, завывая, будто кукурузник на взлете.

Черепная коробка казалась пустой, напрочь лишенной мозгового вещества и нейронных узоров. Ни тебе мыслей с рассуждениями, ни эмоций с переживаниями.

«Тайм-аут ввиду перегрузки, – поставил диагноз. – Всего за пару суток анализатор перелопатил месячную норму информации. Оттого и завис бортовой комп. Состояние, сравнимое с дефрагментацией, очисткой и форматированием жестких дисков. Когда соответствующие программы известили пользователя о критическом состоянии компьютера, застопорили работу системы и навели порядок в автоматическом режиме. Но ботаник никак не уймется. Открывает папки одну за другой, а там полный порядок – информация тематически разложена и откорректирована, временных и ненужных файлов нет. Правда, кое-где недостает данных, но запросы посланы и вскоре ожидаются ответы. Перешерстив все папки, умник подбирается к системным файлам, и тут компьютер может послать его куда подальше. Зависнет и будет требовать перезагрузку до тех пор, пока пользователь не одумается».

Неожиданный телефонный звонок вернул к действитель-

ности. Подскочив с дивана, мигом сосредоточился, будто в одночасье обновился пакет мозговых драйверов.

Приложив мобилку к уху, услышал деловитый басок Репы:

– Через пять с половиной минут Зуй подберет тебя на углу возле мусорных баков. Проф скомандовал свистать всех вверх!

Спешно оделся, предупредил Нюру и зашагал к Фонтанской дороге.

«Не забыть бы разузнать у Самчукову о паспортистах, – наказывал сам себе. – Кто такие, чего рылись в моих вещах. Ниточка должна потянуться, ведь с ними была местная паспортистка».

Встал на повороте, выставив на обозрение узнаваемую персону. Вскоре к бордюру подрулила черная «Тойота Камри» – новехонькая, намытая, отполированная.

– Привет, Слон! Падай! – позвал Зимбер, опустив стекло пассажирской дверцы.

– Неужто Гриб нарисовался? – спросил, умащиваясь рядом.

– Таки да! От Профа не скроешься. Хоть в Греции, хоть на Мадагаскаре.

Свернув на пятой станции с Фонтана, вихрем пронеслись по Французскому бульвару. Вырулили на Канатную и помчались в сторону парка Шевченко.

– На первом курсе снимал угол в этом доме, – я указал на

старинный фасад с лепниной. – Оля приехала на новый год. Еще не были женаты.

Действительно, из-за отсутствия штампа в паспорте пришлось тогда поволноваться. Хозяйка квартиры – сухонькая старушенция с чисто одесской внешностью и говорком встретила квартирантов настороженно. Отрекомендовалась членом партии коммунистов с несусветным стажем и запросила документ, подтверждающий акт бракосочетания. Без колебаний сунул ей милицейское удостоверение, и моралистка враз поменяла концепцию. Приветила нас, как дорогих гостей, даже скостила оплату. Ничего удивительного в том не усматривалось. Для одесситов, переживших разгул бандитизма послевоенных лет, работники правоохранительных органов были особо почитаемой кастой.

Хотя бдительность советских граждан того поколения, чтивших нормы коммунистической морали до маниакальной подозрительности – мягко говоря, настораживала.

Не доехав полквартила до поворота к парку Шевченко, Витя зарулил в подворотню. «Тойота» вкатилась во двор трехэтажного особняка дореволюционной постройки и встала у заплетенного геранью парадного.

Присутствие охранника и консьержа, ухоженные клумбы, идеальная чистота – все свидетельствовало о проживании в доме отнюдь небедных горожан.

Поднялись лифтом на третий этаж, и вышли на лестничной площадке с аркой, ведущей в квартиру. Отворив массивную дверь и поманив за собой, Зуй прошмыгнул через овальный холл.

Прошагав следом, очутился в уютной гостиной с бесчисленными растениями, произраставшими в напольных горшках и подвесных вазонах. На диване и в мягких креслах разместились поборники «Седьмого флота» – тайный отряд решительно настроенных сыскарей старой закалки.

Достигший пенсионной выслуги, но продолжавший трудиться на ниве борьбы с преступностью Александр Сергеевич Самчуков курсировал перед окном, занавешенным прозрачным тюлем. Изучая на ходу документы, подшитые в канцелярской папке, прислушивался к радиопереговорам, приблизив к уху компактную радиостанцию.

Поручкавшись с соратниками, я негромко спросил:

– Чьи хоромы? Неужто конспиративная хата?

– Это ж тебе не Киев! – отозвался Летописец. – В пальмире быть ментом престижно.

– Ша, Сеня! – шумнул на него Проф и объяснил. – Апартаменты со статусом дипломатической неприкосновенности. Кореш уехал работать консулом в африканскую глубинку. Попросил цветочки поливать. Теперь заткнитесь, пожалуйста!

Я уселся на поручень кресла, в котором развалился Репа и, глянув свысока, вопросительно поднял брови.

– Топтуны взяли след Боровика, – объяснил Юрий Всеволодович, деловито облизывая пальцы. – Хватай вкусняшки, а то не достанется! Семен с утраца психанул. Сгонял на Екатерининскую и выгрёб весь ассортимент.

Он кивнул на журнальный столик, уставленный картонными коробками с вензелями кондитерской «Сластена» и погрозил кулаком Зимберу, который успел прихватить пару эклеров и корзиночку.

– Шо такое! – пробурчал отставной гаишник. – Я не позавтракал.

– Выгоню всех на кухню! – предупредил Проф.

Угостившись безе с лимонным кремом, я спросил у Репы:

– Как там роботы? Батарейки вставили?

– Бесплезняк! Целый консилиум заседает в дурке на Воробьева.

– Ша, я сказал! – рыкнул Самчуков и обратился к рации. – Второй, ответь Линкору! Как обстановка?

Зуй поперхнулся от смеха, а Молодязев охнул и закрыл ладонями лицо.

– Шо вы ржете, дурни?! – пряча улыбку, осведомился Проф. – Нормальный позывной. Мы же флот!

Рация зашипела в ответ и уведомила механическим голосом:

– Линкор, я второй! Мы на месте. Осматриваемся. Пока тихо.

– Конец связи, – асс оперативных комбинаций сунул в

карман рацию, прокашлялся и огласил. – Имею намерение ознакомить коллег с меморандумом, – раскрыв папку, полистал документы. – По архивным данным и донесениям источников вырисовывается следующая картина. После исключения из школы милиции Федор Боровик в течение года подрабатывал на сезонных работах в родном районе. Жил у матери на хуторе вблизи Маяков. Это в десяти километрах от Белгород-Днестровска в сторону Татарбунар. Потом уехал на заработки в Молдавию и выпал из поля зрения на два года. Появился неожиданным образом, встав на военкомовский учет. Служил прапорщиком в тираспольской танковой бригаде.

– Где бы ни работать, лишь бы не работать, подворовывая, – резюмировал Пуртев.

– Попрошу без комментариев, – заметил докладчик и продолжил. – Когда началась заваруха в Приднестровье, танковая бригада осталась в ведении российского министерства обороны. Боровик прослужил там полтора года. Потом, согласно архивным данным Южного округа – был откомандирован в мотострелковую часть, которая дислоцировалась на границе с Чечней. После этого затерялся на долгие годы в горячих точках бывшего совка. Данную информацию нарыл наш бывший каптерщик Продан. Помните Вову-молдавана из третьего взвода?

– Еще бы! – протянул Зуй. – Корифей вещевого обеспечения!

– Теперь генерал, да будет вам известно! – уведомил Летописец. – Замначальника одного из управлений МВД Молдовы.

– Вот вам и Вован-молдаван! – подметил Репа. – Со второго курса чуть не турнули за неуды. Если не ошибаюсь, он тоже Гриба колотил.

– Оттого и помог без колебаний, – подтвердил Проф. – Дальше слушайте! Семейное положение Боровика неизвестно. Из родичей – только мать. Лет десять назад купила дом в Маяках и съехала с хутора. Давно на пенсии. По данным разведки Гриб объявился полгода назад. Якобы постоянно живет в России, а в родные края приехал погостить. Поселился отдельно от матери в старой хате на хуторе. К ней навещается изредка, постоянно уезжает по делам. Именно так объяснил ей отлучки.

Я поспешил озвучить примечание:

– Если он россиянин, то в паспортном отделе есть отметка о смене гражданства. Вряд ли возможно быть военным в России и оставаться гражданином Украины.

Самчуков кивнул и пояснил, тыча пальцем в папку:

– В паспортной форме №1 последняя запись произведена в девяностом году. То есть еще при совке. Написано – убыл в Молдавскую ССР для прохождения службы в рядах Советской Армии. Думаю, Гриб получил гражданство России, учитывая послужной список. Запрос отправили, но ...

– Ответа можно не дожидаться, – закончил фразу Летописец.

сец, пристально глядя на Профа. – Может, хватит нас пичкать архивными данными? Тебя, Шура, выдает блеск в глазах. Колись, чего еще нарыли!

– Есть маленько. Отыскался свидетель – бывший одноклассник Боровика. Месяц назад он возвращался в Маяки со свадьбы. Племянница вышла замуж за хлопца из Белгород-Днестровского. Наутро после гулянки вышел на трассу, чтобы тормознуть маршрутку или попутку. Насторожило его, что одна из проезжавших мимо легковушек вместо того, чтобы остановиться – резко прибавила скорость. В салоне – два мужика. Тот, который сидел за рулем даже смахивал на Боровика.

– Стремный очевидец, – засомневался Зуй. – С бодуна ему могла привидеться родная теща.

– Да хоть Матроскин на пару с Шариком, – отмахнулся Самчуков. – Дело не в мужике за рулем, а в машине. То была синяя нива.

– Линкор, я второй, – послышалось из его кармана. – Мы на хуторе. Синяя нива здесь примелькалась. Последний раз видели неделю назад. Объекта на месте нет.

Александр Сергеевич выхватил рацию и скомандовал:

– Организовать засаду! При задержании соблюдать осторожность! Выезжаю! – направляясь к выходу, крикнул. – Чего сидим?! Желающие могут поучаствовать!

Я уместился на заднем сидении «тойоты» Зимбера, а пас-

сажирское кресло занял Молодяжев. Зуй, не отставая следовал за «шкодой» Самчукова с мигалкой на кабине и Сеней Летописцем в качестве штурмана.

Удача нам сопутствовала – утренние заторы на дорогах практически упразднились. Около часа добирались до выезда на шоссе в сторону Белгород-Днестровского. Когда же миновали лиман – свернули на проселочную дорогу, тянущуюся меж холмов среди выкошенных полей. Проколесив полдюжины километров, увидели постройки небольшого селения, уютившиеся на лесистом пригорке. За ближайшим поворотом потянулись фруктовые сады, чередовавшиеся с баштанами.

«Шкода» с мигалкой притормозила и съехала на обочину, окутавшись клубами придорожной пыли. Зуй повторил маневр, после чего резко затормозил, разглядев сквозь завесу флагманский бампер и вышедшего на дорогу Профа.

Выбравшись из прохладного салона, я погрузился в раскаленную среду без малейшего намека на колебание воздуха. Невдалеке виднелась развилка двух проселочных грунтовых дорог. На обочине одной из них стояла бежевая «девятка», от которой в нашу сторону шагали трое крепких парней.

– Тыловой экипаж, – объяснил Самчуков. – Еще два машины на хуторе.

– Может зашухиримся? – предложил Зимбер. – Отсвечиваем, как... хотя уже поздно. Гляньте, пацаны!

Из-за ближайшего поворота по направлению к развилке

выехала желтая легковушка. Вскоре стало понятно, что к нам приближается жигулевская «копейка» с водителем в салоне.

Не доехав десяти метров до развилки, подержанный шедевр советского автопрома замер посреди дороги. Оперативники развернулись и рассредоточились по проселку.

После того, как окутавшая жигуленок пыль осела – выпала возможность рассмотреть физиономию водилы. Приметы пучеглазого из Малореченского подходили идеально. Сомнений не осталось – бывалых сыскарей рассекретил Боровик.

– Это Гриб! – крикнул Самчуков, выхватил из кобуры пистолет и нацелился на легковушку. Опера последовали примеру шефа, неторопливо приближаясь к объекту.

– Стоять!! – заорал водила, высунувши из окна плешистую голову. – У меня граната! Всех подорву!!

Движение прекратилось. Проф опустил на корточки, отдавая распоряжения по рации, а пенсы укрылись за машинами, опасливо переглядываясь.

Жарища вдруг ощутилась в пятикратном размере. Казалось, будто раскаленный буравчик просверлил мне темя и прошелся огненным смерчем вдоль позвоночника, превратив в статую. Только ступор продлился недолго.

– Кучер, ко мне!! – надрывно завопил Гриб. – Остальные на месте! Не очкуй, Слон! Разговор есть!

Оглядев опешивших сотоварищей, я перевел дух и пош-

кандыбал к развилке. Когда до жигуленка оставалось десять метров, Боровик продемонстрировал зажатую в руке гранату.

Я прокричал, не оборачиваясь:

– У него лимонка! Такая, как в Малореченском!

– Ай, молодца! – развязно прогнусил террорист. – Скажи спасибо, что одну гранату к растяжке привязал. Была еще парочка. Порвало бы вместе с Юнкером в ключья! Ладно, садись!

– Откуда столько злобы, Федя? – спросил, повалившись на раскаленную сидушку.

– От верблюда! К тебе претензий до этого не было. Зачем влез в наши дела?!

– Тебя не спросил! Что значит, в наши?

– То и значит. Дверцу закрой, только не хлопай! Чинить потом ...

– Ты серьезно?! Тебя сейчас пристрелят.

– Кишка тонка! Слон большой – спрячусь за него.

– Не поможет. Попить дай, а то сердце встанет.

– Когда-то точно встанет. Водку будешь?

– Издеваешься?! Говори, зачем звал!

– Спешешь?

– Хочу избежать теплового удара, – ответил, помыслив:

«Какой-никакой диалог удался. Теперь главное, не сбавлять темп. Если динамика разговора замедлится – Гриб занервничает. У него и так нервы на пределе. С психикой явно

нелады. Может случится аффект, и ситуация выйдет из-под контроля».

Боровик покосился в мою сторону и заговорил примирительным тоном:

– Ценю, что вступился за корешей. Правда, попортил малеха планы. Не беда. Сам попортил, сам выправишь.

– Кончай вещать загадками, Федя! Для чего звал?

– Жалко тебя стало. Мозги, небось, пухнут? Ладно, спрашивай! Готов дать пресс-конференцию. У тебя пять минут.

– Ты явно не здоров! Столько людей положил...

– Не пыли – не страшно! – гаркнул Гриб и приблизил к моему лицу гранату. – Ты не в том положении, хотя не приговорен. Виновные приговорены.

– Точно спятил! – я ощутил накатившуюся волну негодования. – Кто ты такой, чтобы вершить правосудие?! Столько лет копил злобу! Зачем?!

– Затем, что вы на Олимпиаду укатали, а я в колхоз – дерьмо месить. С отбитой почкой, между прочим! Так ты будешь спрашивать?

Я силился собраться с мыслями, понимая, что подобный случай вряд ли представится. Наметив ряд вопросов, начал с уточнения:

– Вишенцева ты не трогал – так ведь?

– Не успел. Приехал, а он уже помер. Я только коробок на могилку подбросил.

– Почему Недоходова оставил в живых?

– К Лёнчику имею отдельную предьяву! Он больше всех надо мной издевался. Пусть теперь мучается всю жизнь из-за своей бабы!

– Про домик Слоника в Малореченском как узнал?

– Не скажу.

– Сам его выслеживал или подельники подмогли?

Боровик грязно выругался и процедил сквозь зубы:

– Не разводи меня, ментяра! Другие вопросы задавай!

– Лады! Кто навел на Сарычева? От кого узнал, что он на даче ночует, а утром поедет на работу?

– Доиграешься у меня! Щас чеку выдерну!

– Валяй! Только поведай про Николаев. У кого разжились ментовской формой?

– Похоже, это ты спятил, а не я! Какой еще Николаев?! – неистовствовал Гриб, потрясая гранатой. – Пошел ... отсюда!!

– Уйду. У меня еще полминуты, – изведав азарт, рискнул покуражиться. – Последний вопрос. Кто надоумил оставлять метки с медведями? Коробки, электронные письма?

– Никто! Сам пожелал, чтоб окрас был ... этот как его? Ритуальный. Чтобы понимали за что ... Погоди! Какие еще электронные письма?!

– Которые Бокалу посылал, – ответил и неожиданно понял, что Боровик не ломает комедию.

Передернув плечами, он выпучил глаза и проскрежетал:

– Ты глянь на меня, Слон! Какая электронная почта?! Где

я, а где интернет?!

– Но Бокал ведь приговорен?

– С какой стати?! Вадим был тогда со всеми, но уговаривал их не калечить меня здорово. Короче, не гони про Николаев!

– Тогда расскажи про Пуфика...

– Хорош! Мы закончили! Выходь из машины!

Уяснив, что собеседник непоколебим, выкарабкался наружу, причем не ощутил ни малейшего температурного отличия. Старался размеренно шагать, но выходило худо. Казалось, к ногам привязаны пудовые гири и теперь их приходится волочить за собой по бугристой грунтовке. Зато мыслительный процесс протекал стремительно:

«Однако парадокс! В школе Боровик крысятничал, то есть воровал у сотоварищей. В результате поплатился, но затаил на них обиду и накопил злобу. Наверное, имел на то основания, хотя сотоварищи, учинившие воришке темную, также располагали мотивацией. Проще говоря, Гриб спровоцировал их действия, но долю своей вины не признал. Данное неприятие наблюдается у людей с маниакальными расстройствами и склонностями. Психопаты причиняют человеку боль и ему же начинают мстить, получив отпор. Нечто похожее творится в мозгах узурпаторов и диктаторов. Напялив личины интеллектуалов, они пафосно рассуждают о морали и общечеловеческих ценностях, а в кулуарах плетут интриги и планируют акции по устранению оппонентов. Налицо

разрыв, образовавшийся в закаменелом сознании, который подталкивает к деградации. Рано или поздно в него обязательно хлынет всякая нечисть, скопившаяся за века в загрязненном эфире окружающего мира. Такая вот мистика!».

Заметил, как Самчуков присоединился к пенсам, укрывшимся за машинами. Оперативники обошли «копейку» с флангов, нацелив пистолеты на водителя.

Время, казалось, остановилось.

Я понимал, что плетусь не только вдоль линии огня, но и в эпицентре вероятного взрыва. Оглянувшись, с изумлением отметил, что отошел от жигуля лишь на десять метров. Попробовал ускориться и услышал за спиной истошный вопль Боровика:

– Ложись!!

«Сейчас испытаю ощущения Юнкера, – подумалось с небывалым спокойствием. – Надобно сигануть как можно дальше. В конце концов, хотел же понырять с пирса?».

Прибегнув к невероятному усилию, справился с гравитацией. Оттолкнулся обеими ногами от земной тверди, перелетел на бреющем через обочину и вошел в крутое пике над поросшим присохшей травой кюветом. Полет проходил нормально и занимательно, будто в режиме замедленной съемки. Даже удалось запечатлеть момент, когда с оглушительным треском и воем разлетелась на куски злополучная «копейка».

Перед заходом на посадку был подхвачен взрывной вол-

ной и перенесен через кювет. Приземление прошло в штатном, слегка неконтролируемом режиме. Новоявленный акробат успел зажмуриться, но не сумел сгруппироваться. В итоге грохнулся, шмякнулся и бабахнулся, словно мешок с кукурузными початками, брошенный в телегу.

– Отныне буду видеть сквозь стены, – пробормотал, выплевывая травинки. – На худой конец – чуют копчиком, как Черноух...

Глава одиннадцатая

ГЛОТ

– Серый, ты цел?! – будто со дна колодца долетел отзвук знакомого голоса.

Приподняв голову, определился, что вследствие эффективного приземления возлегаю ничком на краю неглубокой рывины. Кто-то пытается меня оттащить, ухватившись за обе подмышки. Поучаствовав в потугах, перевернулся на бок и сел. Первым делом ощупал черепную коробку. Из-за свиста в ушах, звяканья в голове и скрежета песка на зубах казалось, будто граната разорвалась в мозгу.

– Вроде живой, – пробормотал, приглядываясь к озадаченным минам одесситов. – Нимбов и крыльев у вас не наблюдаю – значит, порядок.

– Те, что с крыльями кружат над воронкой, – отозвался Молодязев, указав на место, где стояла «копейка». – Черню-

щие, однако у них крылья, шо у воронов.

– Это я должен видеть, – попытался сострить, удостоверяя целостность ребер. – Юнкер хвастался, что после контузии открылись сверх способности. Вот и у меня должны ...

– Вам бы шутки шутить! – проворчал запыхавшийся Самчуков. – Хорошо, хоть целы. Сваливайте отсюда поскорее! Мешаете думать. Не вам же отписываться за фейерверк!

– Тебе, Шура, раз плюнуть! – раскуражился Зимбер. – Хочешь, мы малявы настрочим? Типа приехали в колхоз оказывать шефскую помощь, а тут мужик на копейке. Как заорет – Аллах Акбар!

– Очень смешно! – раздухарился Проф. – Уматывайте, чтобы духа вашего не учуяли! Скоро здесь такое начнется! На трассу прямиком не суйтесь. Езжайте на хутор и дальше через поля.

Я покашлял, обращая на себя внимание, и просипел:

– Не хотите послушать прощальные откровения Гриба?

– Пряма-таки, откровения! – усмехнулся Летописец. – Лапши тебе навешал.

– Потом поспорите! – замахал руками Александр Сергеевич. – Местные менты наскочат с минуту на минуту.

– Шура не кипишуйте! Нас уже нет! – крикнул Зуй, потрусив к «тойоте». – За хутором куда сворачивать?

– Навигатор купи, деревня! – посоветовал Самчуков и указал ленинским жестом на близлежащий пригорок. – В сторону моря повернешь. По любому на трассу выедешь.

Дальше по указателям на Каролина-Бугаз.

Усевшись на заднее сидение рядом с Пуртевым, убедился, что кроме ссадин на локтях и коленях других видимых повреждений нет. Зато брюки и рубаша с изодранным в клочья передком ремонту не подлежали.

Миновав развилку, а вскорости – придорожный хутор, «тойота» понеслась по проселку через поля. Я же успел поведать о пререканиях с Боровиком.

– Он напрочь отмороженный! – резюмировал в итоге Пуртев. – Подумаешь, намяли бока! За дело же! Зачем было злобу копить столько лет?

– Жалко, что не приложился тогда к его морде, – сокрушался Зуй. – Угодил бы в черный список. Щас потягались бы с Грибом!

– Ты шо, тю-тю?! – Репа покрутил пальцем у виска. – Потягался бы он! Батону пришлось бы отпевать геройски сгинувшего Зимбера. Я вообще против насилия! Видите, чем закончилось? За воровство отбили почку и мозги. Федя сбрендил и затаил злобу, пока окончательно не слетел с катушек. Людей сгубил, себя заодно. Вопрос к знатокам – на кой ляд такая воспитательная работа?!

– Ты прав, Юра, – согласился Зимбер. – Не приучили его с малолетства чужого не брать.

– Похоже, у Боровика на роду было написано, – подсказал я, обмакивая платком саднившие колени. – Есть такая болячка в мозгах – kleptomания. Передается по наследству.

Однажды самолично убедился. Помните, как после развала совка бандюки делили зоны влияния?

– Ты у нас об этом спрашиваешь?! – посмеиваясь, обернулся Молодязев. – В Одессе велись полномасштабные бои. Американским гангстерам не снилось!

– Ага! Итальянская мафия тоже не конкуренты, – поддакнул Летописец, отыскав в автомобильной аптечке бинт и флакончик с йодом.

Напитав тампон, протянул мне. Собравшись с духом, я прижег ссадину на колене и процедил сквозь зубы:

– Беспредел полнейший ... творился. Пока не пришло указание МВД зачистить криминальную верхушку. Многих авторитетов тогда приземлили. Некоторые вовсе канули в лету.

– Испытанный одесский анфлераж, – заумно подсказал Семен. – Маршал Жуков после окончания второй мировой наказал похожим образом обезглавить местную братву. Ничего не путаю, Слон?

– Точно в масть. Методика большевистского террора. В девяностых тоже шороху навели на весь бывший совок. Наши сыщики припутали под новый год московского авторитета по кличке Пахом. Он кутил с корешами в ресторане на Крещатике, а кто-то из добровольных помощников сыска опознал и вломил. Оказалось, на Пахома выставлена розыскная карточка в МУРе. Запросили конвой из Москвы, а его упрятали в КПЗ. В тот день я дежурил по управле-

нию. Ночь выдалась спокойной, потому решил пообщаться с залетным бугром – вдруг проскочит полезная информация. Испросил у него согласия, потому как ночные допросы запрещены. Короче, расположил к себе. Интересный оказался собеседник. Сам неказистый, щуплый, пенсионного возраста. Плешивый, да еще и картавый. Поначалу я недоумевал – как такой заморыш может быть уважаемым среди воров человеком? Правда, ситуацию выправляла белоснежная сорочка Хьюго Босс. В изъятых вещах – три такие же в упаковках. Воровской шик!

– Хьюго Босс! – повторил Зуй, присвистнув. – Роскошь по тем временам.

– Тем не менее, мужик оказался беспонтовый. Попытался я подъехать на кривой козе, а он мигом раскусил ментовской подвох. Чтобы как-то ублажить начальничка, поведал историю своей родословной. Прадед Пахома служил на Балтике, когда в России случился октябрьский переворот. Моряки влились в сухопутные отряды для выполнения наказа Ильича – мир хижинам, война дворцам. Грабили и убивали буржуев, жгли поместья. Матросик тот вырос в богобоязненной крестьянской семье, потому знал, что за разбой Боженка покарает. Только деваться было некуда, оттого грабил и убивал, как все. После демобилизации обзавелся семьей, а спустя годы одна из его дочерей стала многодетной мамашей. В тридцатые годы жила на Поволжье, и чтобы уберечь семью от голодной смерти, таскала пшеницу из колхозного

амбара. В итоге по доносу односельчан оказалась в сталинских лагерях. Конечно, кражу из-за голода можно оправдать, но фактически она присваивала чужое так же, как папенька. Только боялась уже не Божьего суда, а суровых законов эпохи военного коммунизма. Потом была война и победа, а в середине пятидесятых после смерти Сталина в стране Советов началась первая оттепель, породившая воровской беспредел. Сынок сгинувшей в лагерях женщины оказался в составе крупной московской банды, промышлявшей квартирными кражами и разбоями. Это и был Пахом, который вскоре заделался уважаемым вором.

– Понятно, о чем ты, – вставил Репа. – Бандитская романтика, передаваемая в генах.

– Так и есть. Как известно, криминальным авторитетам запрещено обзаводиться семьей, но так уж вышло, что у Пахома родился внебрачный сын. Коронованный папаня взял над ним тайное шефство, и спустя годы пригрел у себя в группировке. Сынок уверенно пошел по стопам отца – заслужил авторитет, отмотал пару сроков. Пахом мне так и сказал – дескать, воровской кураж у нас в крови и ни я, ни мой сын – мы ничего и никого не боялись.

– Бесстрашные упыри, – резюмировал Пуртев. – Я тоже знаю парочку таких династий.

– Насчет бесстрашия не торопись. Сынка Пахома короновали, а вскоре начался передел зон влияния. Новоиспеченный авторитет принял сторону законников по примеру отца.

Естественно оказался в оппозиции к беспредельщикам новой волны. Завязались разборки, и однажды ночью его вывезли в лес. Отдубасили для острастки и заставили рыть для себя могилу. Пахом плакал, рассказывая об этом. Сказал, что сынок впервые в жизни помолился, стоя в той яме. Похоже, Всевышний услышал молитву – в последнюю минуту концепция поменялась. Вступился бугор из совета коронованных и казнь отменили. Позже Пахом намеревался порешить обидчиков, но сын уговорил не развязывать войну. Мало того – начисто вышел из дела.

– Завязал, что ли?! – поразился Зуй. – Небывалый случай! В натуре могли похоронить за такое.

– Папаня отмазал на самом высоком воровском уровне. Убедил совет, что после того случая у наследника поплохело с головой. В итоге сынок затихорился в каком-то захолустье, организовал легальный бизнес, женился. Пахом даже навещал братве лапши, будто сын от него отказался.

– Рисковый авторитет, – подметил Репа. – Потому и разоткровенничался с первым встречным ментом.

– Я тоже удивился. Спросил об этом, а Пахом отмахнулся и заявил, что с недавних пор сам стоит в самолично вырытой могиле. Как узнал, что у него рак, так и задумался – какой ответ будет держать перед Создателем.

«Тойота» помчала по окружной дороге, минуя портовый город Ильичевск. В прохладном салоне воцарилась тишина. Пассажиры отмалчивались, и казалось, будто собирались

дремать.

Подсушенные йодом ссадины ныли, но все же удалось ослабиться. Сонливость пошла в наступление.

Внезапно ощутил тошнотворную волну, которая зародилась за грудиной и растеклась по внутренностям. Дремотное состояние враз улетучилось. На смену явился конвульсивный спазм, сковавший судорогой мышцы пресса.

Показалось, что у Зимбера сходные симптомы – он резко подался вперед, вцепившись обеими руками в рулевое колесо. Завертел головой, всматриваясь в зеркала заднего вида.

– Наше вам здрасте! – запыхтел, ерзя на сидении. – Не ждали, пацаны, халепы?!

Летописец обернулся к заднему стеклу, а Репа спросонья непонимающе уставился на шофера.

Оглянувшись по примеру Семена, я увидел в метре от заднего капота никелированную вороненую решетку с выпученными по бокам фарами. Громадный черный «хаммер» без переднего номерного знака норовил протаранить нас с тыла.

– Торопятся, что ли? – предположил Молодязев, глядя в боковое зеркало. – Прижмись к обочине, Витя. Думаю, не стоит тягаться ...

– Гляньте, он думает! – разорался Зуй. – Эти клоуны не собираются нас обгонять! Щас долбанут в зад и сметут с трассы! Место выбрали правильное – пусто, как в тундре! Километров семь до ближайшего села.

– Заправка на горизонте, – подсказал Пуртев. – Прибавь

газу и сворачивай!

– Ты шо, Сема, странный?! Вдруг палить начнут? Там же горючее!

Тем временем преследователи передумали идти на таран. «Хаммер» перестроился в левый ряд, поравнялся с «тойотой» и угрожающе завилал.

Вероятно, не зря Зуй-Матроскин прослужил полвека в ГАИ. Отставной полковник решил продемонстрировать навыки высшего пилотажа.

– Держись, мужики!! – завопил и ударил по тормозам.

Я успел упереться руками в переднюю сидушку, потому увечий не добавилось. Заметил, как черная махина пролетела мимо, после чего наш водитель вывернул руль влево и стартанул, как заправский гонщик. Стремительно набирая скорость, «тойота» понеслась в обратном направлении, а Зимбер азартно подметил:

– Поглядим еще, кто шофер, а кто наездник!

«Хаммер» тем временем развернулся и довольно скоро пристроился к заднему бамперу. Повисев минуту на «хвосте», поравнялся и стал прижимать к обочине. Пуртев созвонился с Профом, запросил подмогу и убедился, что по его смартфону отслеживается геопозиция.

– До разворота мы проезжали стройку, – припомнил Молодязев и ткнул пальцем в лобовое стекло. – Вон желто-синий забор и ворота! Давай туда!

– Западня! – опротестовал Зуй, но быстро согласился. –

А шо делать?! Была-ни-была!

– Оружие в машине есть? – поинтересовался Летописец.

– Обижаешь, Сема! Волына на лодыжке, в багажнике помповик.

– Пора!! – заорал Репа. – Резко сворачивай! Шоб хаммер мимо проскочил! Успеем занять оборону.

– Ворота закрыты! – процедил сквозь зубы шофер, закладывая крутой поворот. – Тачка новье! Теща меня грохнет!!

Пассажиры хором выкрикнули разные неприличные слова, пытаясь держаться за все, что находили под руками.

Привиделось, будто дощатые ворота с амбарным навесным замком, ужаснувшись, взмыли ввысь. Раздался оглушительный треск и скрежет, но в непроглядных клубах пыли невозможно было что-либо разглядеть. Тем не менее, Зуй сноровисто объезжал пирамиды кирпичей и штабели досок.

Наконец «тойота» остановилась. Шофер передал Летописцу короткоствольный револьвер и крикнул, распахивая дверцу:

– Все из машины! Прикроешь, Семен! Я за ружьем.

Пассажиры дружно десантировались и затерялись в пылевом смоге. Я добежал до бытового вагончика и укрылся за ним. Успел заметить, как порывом ветра развеяло облако, после чего воцарилась гнетущая тишина.

– Что ж вы творите, ироды?! – послышался гневный окрик.

Выглянув, рассмотрел седовласого мужика, показавшего-

ся в дверном проеме недостроенного здания. Опираясь на увесистую палицу, он пошкандыбал к «тойоте».

Из-за поленницы выглянул Репа.

– Проваливай, дед! Щас стрелять начнут! – проорал и прибавил для острастки пару матерных слов.

– Грех тебе в Божьем храме выражаться! – просипел сторож, размахивая дубиной.

После упоминания о церкви я обратил внимание на характерную форму и витиеватую кладку будущего фасада.

«Уж не тот ли это храм, который Батон достраивает? – пронеслась в мозгу череда разрозненных вопросов. – Ворота хоть можно починить? Капот Матроскин здорово помял? А почему так тихо? Где хаммер?».

Потряс головой и оглянулся, увидев Зимбера с помповым ружьем наизготовку. Он крадучись ступал по искореженным створкам ворот, валявшимся возле проема. Невдалеке семенил Пуртев, прикрывая сотоварища с фланга. Дойдя до забора, оба замерли и осмотрелись.

– Никого! – крикнул Семен, неспешно выходя на шоссе.

– Снова зехеры! – рыкнул Зуй, сплюнув под ноги. – Как в Николаеве. Измываются, гады!

Мимо стройплощадки проезжали, как ни в чем не бывало легковушки, фуры, автобусы. Ничего кроме поверженных ворот не напоминало о недавней погоне.

Со стороны города слышалось завывание сирен. Летописец пошел встречать подмогу, и вскоре по створкам ворот

проехала гаишная «десятка». Еще через минуту на стройплощадку зарулил микроавтобус с затемненными стеклами. Взвод автоматчиков в камуфляже живо рассредоточился по территории.

Примчавшиеся на выручку гаишники признали бывшего коллегу и обрадованно поручкались с Зимбером.

– Приняли ориентировку и галопом сюда, – пробасил тучный старлей. – Хаммера по дороге не видали. Похоже, укатил на Ильичевск.

– По любому где-нибудь отыщется, – вторил напарнику белобрысый старшина. – Хоть и без номеров. В области всего десяток таких монстров.

«Кто знает? – подумал я, осматривая покореженный передок «тойоты». – Не для того эти монстры нагоняют страх, чтобы потом нарываться на гаишников. В Николаеве они показали норы. Скорее всего, это тот же хаммер. Думаю, скоро убедимся. Жаль тачку Матроскина! Хорошо, что не я подал идею таранить ворота...».

Ближе к вечеру взбудораженные пенсы добрались до Зимберовского замка. На сей раз благополучно. Хоромы отставного полковника и впрямь впечатляли вычурностью и помпезностью.

Кованые врата отворил здоровяк в фиглярских шортах и

растянутой майке-алкоголичке. Вытаращился на вмятый капот хозяйского седана, но не проронил ни слова. Дождался, пока авто зарулит во двор, прикрыл ворота и отошел в сторожку.

Выкарабкавшись из салона, я обзрел поместье с отвисшей челюстью. Трехэтажный особняк, выложенный из шоколадного кирпича, напоминал знаменитый столичный дом с химерами. Немного меньших размеров и с причудливыми башенками на черепичной крыше вместо жутковатых скульптур. Зато в окружении сосен и платанов, произраставших в ухоженном палисаднике, который был отгорожен от внешнего мира высоченным каменным забором.

Саднившие колени вернули к действительности. Осмотрев боевые ранения сквозь дыры в штанах, помыслил:

«Репа расплатился за идею, отлистав сторожу две пятихатки на ремонт ворот. Мою одежонку, сколько не заплати – чинить бесполезно».

– Ну и видок у тебя, Шарапов! – подначил Летописец и посмотрел на Зимбера. – Может, поищешь во что Кучера переодеть?

– Глазомер поправь! Мы же в разных весовых категориях. Хотя это не повод для грусти. Щас организуем!

– Привратник подойдет по ранжиру. Предлагаю позаимствовать одежонку, – высказал идею Молодыезев, пока хозяин поместья усердствовал с мобильником.

Закончив минутные переговоры, сообщил:

– Немного терпения и будет нам счастье! Ключника трогать не советую – мастер спорта по боксу. Нашу проблему разрешит именитый пересыпский лавочник и мой персональный модельер Моня Кравец. Пообещал прибыть в течение часа. Пока прошу всех в дом!

Домовладелец продемонстрировал гостям просторный холл, напоминавший каминный зал в особняке Бокальчука. Оттуда провел по террасе во флигель, где располагались гостевые апартаменты. Мне и Молодязеву выделил угловую комнату с полукруглым балкончиком, после чего удалился. По праву раненного я удостоился безочередного омовения в душе, а Репа с блаженным видом растянулся на кровати.

Минуло не более получаса, и запыхавшийся Зуй сообщил о прибытии передвижной одежной лавки.

Продефилировав через двор в длинном махровом халате и шлепанцах, я подошел к распахнутой дверце белого минивэна «пежо». Похожий на Зимбера краснолицый пузач в спортивном костюме копошился в салоне, выкладывая на тротуарную плитку обернутые в целлофан стопки рубашек, брюк и нижнего белья.

Всего за пару минут и по сходной цене Моня сторговал мне серые шаровары с накладными карманами и молочного цвета тенниску.

– Кепи не хватает, – подметил Семен, дождавшись, пока ключник-боксер затворил за автолавкой ворота. – Вылитый Шура Балаганов.

– Иван Поддубный! – подправил Зуи и заторопился. – Айда, пацаны, в дом! Треба ужин шаманить. Кухарка в отпуске, а Бокал уже отзвонился. Известил, шо до Одессы полтора часа езды.

Упоминание о еде спровоцировало сильный приступ голода. Припомнил, что ранним утром заставил себя уплести бутерброд, а в полдень полакомился двумя пирожными из «Сластены».

– Может, пиццу закажем? – предложил, проглатывая слюну. – Штук десять, думаю, хватит.

– Ополоумел, что ли?! – всполошился одесский латифундист. – Депутат в гости едет! Я ему замок разрекламировал, а ты – пицца!

– Точно гембель случится. Вареники боком вылезут, – поддержал друга Летописец и скомандовал. – Веди в лабазы, буржуй! Будем экспроприировать хавчик.

Гости оккупировали просторную кухню, а Пуртев назначил себя шефом. Поручил каждому, что-то чистить, шинковать, нарезать. Сам же, подвязавшись фартуком, выстукивал деревянным молотком по увесистым свиным биткам. При этом не забывал придирчиво оценивать работу.

– Мельче нарежай! – указывал Молодязеву.

– Если шо, пальцы пришьешь? – пробухтел Репа, уминая пригоршню нашинкованной капусты. – Вообще-то, пацаны, усматриваю в нашем действе нечто церемониальное. Сами мужики без милых дам. Процесс идет слаженно, умиротво-

ренно. Вечеря получится отменной без привкуса меланхолии.

– Сходка мафиозо, – высказал видение Семен. – Помните, как в черно-белых фильмах про гангстеров? Главари кланов куховарят, попивая кьянти. Колдуют над соусами, варят ведрами спагетти. Сходится братва...

– ... и решают, кого мочить, – закончил предложение Зуй.

– Снова все опошил, – выдохнул Репа. – Придется пересмотреть график наших утренних пробежек по Лонжерону. Отныне буду гонять тебя в Аркадию.

– Хоть за Лузановку! – парировал Зимбер и приложил к уху запиликавший мобильник. – Шо, приехали? Запускай!

Позабыв о кухонном таинстве, мафиози высыпали во двор, дабы встретить депутатский кортеж.

Бокал самолично управлял тривиальным «Фордом-Мондео», а сопровождавшие его лица или попросту Борила с Лютиком – блюли патрона все на том же «мерсе».

Впоследствии были переданы на попечение привратника, а депутат в окружении кулинаров продефилировал в замок. Вскоре завершились приготовления, и был накрыт пышный стол. За ужином обсудили жуткий финал происков Боровика и опасную гонку с преследованием.

– Похоже, тот же хаммер, на котором скрылся Штейн, – предположил Бокальчук и поделился новостями. – Когда я сопоставил факты и понял, что Гриба в Николаеве не было – обрадовался. Лучше иметь дело с конкурентами в бизнесе,

чем с обезбашенным серийником.

– Думаешь, кто-то из соперников тебя заказал и подергивал Федьку за веревочки? – уточнил Семен.

– Кто знает? Могли же они прознать, что Боровик затаил злобу на сокурсников, среди которых значился ваш покорный слуга?

– В том-то и дело, что тебя в списке не было, – подсказал я. – Гриб утверждал, что Бокал чуть ли не вступился за него тогда.

– Не совсем так, ну да ладно! По любому тупик! Хотя информация о конкурентах поступила из надежного источника. И довольно об этом! Давайте вещайте за жизнь! Сколько лет не виделись!

Проговорили до глубокой ночи, слопали съестные припасы, опустошили бар и разбрелись по комнатам.

Поутру были жестокосердно разбужены шибутным Матроскиным.

– Батон всех кличет на завтрак! – разорвался домовладелец, барабаня в двери гостевых комнат. – Очень даже кстати. У меня шаром покати – все выпили и сожрали! Езжайте сами, а я – на СТО. Пообещали по быстрому замарафетить авто.

– Я тоже не поеду, – уведомил Репа, потягиваясь на постели. – Сегодня две защиты на кафедре. Кстати, Панфилов рожает кандидатский минимум.

Из соседней комнаты послышался заспанный голос Летописца:

– Мне домой надо. Куча электронной переписки. После обеда обещал жену в село отвезти. Короче, буду на связи.

Трапезничать к Саечкину по факту отправились только мы с Бокалом. Разумеется, в сопровождении Борилы и Лютика.

Так же как накануне, стол был накрыт на поляне в монастырском леске. Батон потчевал гостей пшеничной кашей с жареными бычками, капустным салатом и чаем со сдобными булками.

Откуда ни возьмись, нарисовался взъерошенный Доход и накинулся на меня, словно бык на красную тряпку. Сгрэб в охапку и завопил:

– Дякую, брат! Если б не ты, кранты мне на киче! Прости за все засранца!

– Отпусти, придушишь! Тоже меня прости.

Отстранившись, Ленька повернулся к Бокалу и, потупившись, пробубнил:

– Благодарю, Вадим. Век не забуду!

– Пустое! Для того и друзья.

– Хорош лобызаться! – поторопил Сан Саныч. – Еда стынет! Рубайте и повествуйте о мятежных буднях.

Потребовалось не менее часа, чтобы поделиться новостями и позавтракать. Я рассказал о злоключениях в Крыму, а Бокальчук изложил хронологию николаевских событий. После кратких комментариев Саечкина эстафета снова перешла ко мне. Детально описал возникновение Гриба на пустынном тракте, его признание и гибель. В довершение поведал о погоне.

– Не тот ли это хаммер, шо я намывал в Лесках? – будто бы у себя спросил Недоходов.

– Ты же говорил, джип! – услышав известие, я едва не поперхнулся.

– По мне хоть узик, хоть хаммер – все джипы. Думал, для следствия неважно.

– Неважно, когда фурункул на заднице, – проворчал Владимир. – Мы тоже не лучше. В последний момент просекли, кто такой пучеглазый.

– Не думал, что я у него враг номер один, – пробормотал Ленька, пошкрябав пятерней затылок. – Хотя понятно. Покувился со мной за издевки и унижение. Только Люда причем?! Из-за меня ведь сгубил! Как с этим жить?!

– Праведно, – еле слышно обронил Сан Саныч.

– Демагогия! – рыкнул Бокал. – Обоснуй, отче, как это понимать?

– Лучше сердцем, нежели башкой. Изо дня в день слезы лить, моля Бога о прощении. Только без видимых соплей и отпеваний самого себя. Просто жить, как подобает совестли-

вому человеку.

– Проповедовать, наверное, легко, – не унимался депутат. – Как на практике применить твое нравоучение? Лить слезы, но без соплей – это как?

Батон усмехнулся, подлил спорщику кипятка из чайника и растолковал:

– Проповедовать точно несложно, но я стараюсь делиться опытом. К примеру, рассказываю, как мучает совесть из-за того, что сам мерзко поступал с близкими людьми. Как из-за этого болит душа. Кстати, не меньше, чем у тебя сейчас. Порою мы не замечаем, сколько страданий приносим другим.

– На кого намекаешь?! – вознегодовал Вадим, но тут же обмяк. – Наверное, ты прав.

– Всегда больно, когда вину признаешь, – продолжил Сачкин. – Поначалу тебя разрывает в клочья, и ты не знаешь, как все выправить. Сидишь в ступоре с мордой зареванной. Со временем начинаешь соображать, как обустроить жизнь, чтобы подобное не повторялось. Коль заживешь праведно, то бытие вскоре наладится, только больно будет всегда.

– Утешил! Не хочу, чтобы болело всегда! – проворчал Дюх. – Давай другую доктрину!

– Селяви, Леня! Альтернативы нет! Как нет человека, которому удалось прожить без боли?

– Такого не бывает, – согласился Бокал. – Рождаемся в муках и умираем так же.

– Ты о боли телесной сказал, а я акцентируюсь на душев-

ных страданиях, – уточнил Сан Саныч. – На переживаниях, сострадании, угрызении совести, муках творчества, в конце концов. У одного душа болит только за себя. У другого – из-за поступков других. Боль ведь тоже бывает разная. Например, у Боровика душа болела по изменному, что и побудило его к местничеству. Это самоистязание, ведущее к самоликвидации. Человек вроде бы живет на земле, а сам уже в аду. Если же болит из-за своих огрехов или за ошибки других – то боль уже не боль, а чувство, без которого жизнь не имеет смысла.

Вадим кивал, разглядывая яблоки, нависавшие над головой, а Недоходов слушал, не моргая с приоткрытым ртом. Сама же проповедь проистекала под аккомпанемент птичьего пения, доносившегося из лесной чащи.

Неожиданно на тропинке появился Самчуков.

– Похмеляетесь, что ли? – спросил, оглядывая стол. – Алкоголя вроде бы нет. Значит, кощунственно поедаете бычки без пива!

– Чего ж не принес? – отбрил Батон. – Ладно, садись, общайся.

Обнявшись с Бокальчуком и сдержанно поздоровавшись с Недоходовым, Проф уместился рядом со мной.

– Не голоден, но рюмку чаю хряпну, – уведомил, раскрывая неизменную папку в кожаном переплете. – Заодно доложу обстановку. Начну с осмотра хаты Боровика. Должен заметить – пещера неандертальца уютнее. Не понимаю, как в

21-м веке можно существовать в таком убожестве?! Из мебели только вшивый матрас на полу. Из бытовой техники – ржавый чайник и буржуйка.

– Зато тачки менял, шо перчатки, – подметил я, криво усмехаясь.

– Оружием тоже не брезговал, – продолжил Александр Сергеевич. – Под полом нашли тайник. Два макаровых, парабеллум, имитационные гаубичные патроны, коллекция десантных ножей. Полдюжины гранат в ведре под картошкой. Спичечных коробков с медведями – полный короб из-под обуви. Теперь о диковинном...

– Типа до этого все было в порядке вещей, – вставил Недоходов.

– Ваше дело слушать, Леонид Викторович, и не перебивать старшего по званию. Всё, что связано с Грибом – противоестественно! Но когда в смрадном хлеву от раздолбанной розетки подзаряжается новейшая цифровая рация – это, ни в какие рамки не лезет. Я такие только на канале дискавери видал. Волновая настройка, естественно, закодирована.

– Частоту не вычислить, – деловито резюмировал Сан Саныч.

– Соображаешь, отче! На закуску о том, что превращает серийника в суперагента, – докладчик выудил из папки десяток примятых листов и разложил на столе. – В матрасе нашли. Ничего не напоминает?

С немалым удивлением я рассмотрел схемы дворов, квар-

тир, распечатки топографических карт, текстовые графики. Присвистнув, резюмировал:

– План-задание для разведывательно-диверсионной группы.

– Похоже. Или справочная документация киллера, – уточнил Самчуков, выложив веером фотографии, отпечатанные на принтере. – Ознакомьтесь с объектами заказа.

– Лучше лицезреть рожу заказчика.

– Скоро увидишь, Слон. Кормой чувствую!

Испытав неприятное сдавливание за грудиной, я усмотрел на одном из снимков Вишенцева, сидевшего на пляжном топчане. На другом – улыбающийся Костюченко шел к машине.

– Вот же тот хаммер! – крикнул Доход, ткнув пальцем в крайнюю фотку. – Меня бухого засняли с ведром, а на заднем плане передок того джипа.

– Толку мало, номера не видно, – проворчал Бокальчук, взяв со стола несколько снимков. – Слоника еле узнал, а кто этот дядька в тельняшке?

– Сарычев, – подсказал Батон и протянул мне два фото. – Зацени, Кучер! Тебя вели по всем правилам наружного наблюдения.

На одном увидел себя, входящего в здание симферопольского главка. На другом – неизвестный папарацци запечатлел момент переговоров с бомжами на кладбище в Скадовске.

Безрадостно пробурчал, припомнив версию Брута:

– Боровиком точно управлял компетентный кукловод. У него под началом целое разведподразделение. Гриба обрабатывали так, что даже перед смертью не назвал главного зачинщика.

– Моей физиономии почему-то нет, – насупился депутат, перебирая снимки. – Даже обидно.

– Зато есть наиболее знаковые, – подобно фокуснику, Проф выуживал из папки все новые сюрпризы. – Знакомые лица, Слон?

– Еще бы! Александр Петрович Штейн собственной персоной. Снимали возле генпрокуратуры. На другом фото – генерал Брут. Поворачивает на Банковую к администрации президента.

– Непонятка полная! – недоумевал Вадим. – Почему нет ни одной фотки из Николаева?! Должна быть целая куча, судя по масштабам акции. Гриб точно не врал – не было его там.

– Скоро выясните, – уверил Саечкин. – Кипишевать бесполезно. Послушайте лучше мою версию. Постараюсь изложить доступно. Кукловод, о котором упомянул Кучер, либо по собственной инициативе, либо по заказу спланировал и частично реализовал широкомасштабную многоуровневую операцию. Стратегическое направление – бизнес-империя Бокальчука. Устранение Вадима, как олигарха, плюс дискредитация его, как народного избранника. Остальные тактические ходы для того, чтобы увести ментов по ложному следу.

– Хороша гипотеза! – раздухарился бизнесмен. – Получается, из-за меня столько крови пролилось?! Премного благодарен, отче!

– На тебе иная доля ответственности, а за убийства и увечья подсудны недочеловеки. Для них людская жизнь копейки не стоит. Важна итоговая сумма прибыли и число завербованных приспешников.

– Демонический синдикат, – вставил Доход.

– Молоток! В точку! – похвалил подопечного Батон. – Тайная структура, выполняющая масштабные заказы. Думаю, клиентов подыскивают сами и навязывают свои услуги. Федя Боровик – пусковой механизм для реализации их выгодного контракта.

– Была у меня такая гипотеза, – признался Бокальчук. – Отбросил без рассмотрения! Решил, что дутое величие олигарха и депутата навеяло манию преследования. Даже успел забыть, так батюшка напомнил.

– Версия вполне реальная, сын мой! Приступив к выполнению заказа, кукловод изучил твою биографию и дознался об инциденте в школе милиции. Порешил разыскать Боровика и подтолкнуть к отмщению бывшим сокурсникам, чтобы своими действиями тот отвлек следствие от главного фигуранта. Только не учел, что лично к тебе у Гриба нет претензий, оттого вышла у стратега нестыковка. Несмотря ни на что он продолжил реализовывать план действий, только слегка подкорректировал. Вот почему заложников отпусти-

ли без обмена. Дескать, пускай менты мозги сушат и разыскивают серийника, а мы чуточку обождем и шандарахнем с неожиданной стороны.

Оживившись, я подался вперед и попросил:

– Подскажи, Саня, с какой!

– Были соображения, но концепция поменялась со вчерашнего дня. После того, как Боровик поквитался с жизнью. Думаю, недруги предпримут что-нибудь этакое. Хочу заметить, что они используют нестандартные методы кукловодства и научены манипулировать людьми посредством вторжения в психику.

– Мистические навороты! – отмахнулся Вадим. – Уверен, что все проще и банальнее!

– Зря сомневаешься, – пробормотал Недоходов. – Я по жизни неверующий, а на киче вдруг архангел в полусне заявился и подсказал, как поступить! По трезвяни, между прочим! А когда бухой был в хлам – посреди ночи голые девки в том хаммере привиделись. С клыками и рогами. Едва не обмочился!

– То белки прискакали в маскарадных костюмах, – подначил Проф.

– Смешно, Шура. Аж до слез! – насупился бывший арестант.

На полянке воцарилась тишина. На сей раз Батон подался вперед, заглянул мне в глаза и спросил, хитро сощурившись:

– Тебя разве не плющило, Серго? Навязчивая подозри-

тельность не донимала?

– Откуда узнал про Серго?!

– По глазам прочел, – он оглядел вытянутые лица сотоварищей и пожал плечами. – Ничего мудреного. Будто сами никогда не угадывали чужие мысли? Похожим образом можно распространять изнутри себя яд недоверия или иные дурные ощущения. Чаще всего это делается, чтобы подорвать слаженную работу команды. Чтобы перессорить людей. Так прав я, Серго?

– На все сто!

– Лично я Кучера подозревал, – признался Бокал. – С того самого момента, как объявился Штейн. Думал, вы заодно.

– Эка невидаль! – протянул Доход. – Я тридцать лет подозревал Слона в стукачестве.

– Былое меж собой перетрете, – присоветовал Саечкин. – Хочу заметить, что вражьей силе не выгодно, когда мы действуем слаженно и сообща. Из-за того они начали ошибаться. Надеялись, что испугаемся и разбежимся кто-куда. Не ожидали, что дружно возьмемся за дело и просчитаем Боровика.

– Тем не менее, у них почти получилось, – заартачился Вадим. – Людей сгубили, психику многим подранили. Меня грозятся морально добить.

Сан Саныч покачал головой.

– Далекое не все у них вышло. Тебя могли устранить физически и Слона с Черноухом. Гриб до сих пор зачищал бы

свой черный список. Вчера мне позвонил Женя Лотяну из Килии. Помните курсового киномеханика? Намедни к нему Боровик подбирался. Лотяну заправляет охранным агентством, а тот заявился проситься на работу. Напялил парик – думал, опытный сыскарь его не признает. Кстати, мог не признать, если бы не получил предупреждение от Летописца. Гриб, небось, возвращался из Килии, когда на вас вчера нарвался. Делаю вывод, что после его гибели в лагере недругов творится смута поболее, чем после провала миссии важняка. Скоро что-то удумают.

Вновь наступила молчаливая пауза. Проф с Бокалом пересматривали фотографии, а Доход отошел вглубь лесопарка на перекур.

Неожиданно распиликался лежавший на столе смартфон депутата. Около минуты Вадим молча слушал, удерживая его возле уха, после чего сунул в карман и индифферентно уведомил:

– Таки удумали, отче. Заявились вязать Слона. Нюра сообщил, что на хате засада. Со слов хозяйки – те же, что приходили с паспортной проверкой. Кстати, возле дома стоит черный хаммер без номеров.

– Борзота невиданная! – выкрикнул Самчуков, выуживая из кармана рацию. – Я им покажу охоту на Слона! Отправляю на адрес штурмовую группу.

– Погоди, Шура! Захват ничего не даст, – поспешил остудить его пыл. – В дурке увеличится число роботов с подсев-

шими батарейками. Кукловод решил играть в открытую. Если версия Саечкина верна, то попытается через меня подобраться к Бокальчуку. Так ведь, Сан Саныч?

– Возможно. Неужто он держит тебя за слабое звено?!

– Обломается! – отрезал и обернулся к Вадиму. – Накажи Бориле с Лютиком отвезти меня на адрес. Пусть только на рожон не лезут. И вы покуда не суйтесь. Все это – недалекая дипломатия маргиналов! Разберемся.

– Чего раскомандовался?! – возмутился Проф. – Без прикрытия никуда не поедешь! Подтяну к адресу топтунов и поставлю на низкий старт захватчиков. Пока доберешься, округу перекроют. Запомни! Если запахнет жареным – поднимешь левую руку. Это сигнал, чтобы всех повязать. Я сам там буду.

– Вместе со мной! – настоял Бокальчук.

– Я тоже поеду! – заерзал на лавке Доход.

– Отставить! – осадил подшефного Саечкин. – У тебя благословение белить изгородь. У меня – молиться.

– Вот-вот! Молись за нас, батюшка, – попросил я, поспешая за Самчуковым.

– Будь уверен – не переставал.

Вороненая громадина перегородила улочку Красных зорь, изучающе пялясь по сторонам бесчисленными фарами, га-

баритными отражателями и неоновыми подсветками.

Стоявший у распахнутой дверцы худосочный юноша в белоснежной сорочке и наутюженных серых брючках заценил мой босяцкий прикид и заговорил с часами на руке. Через пару секунд к нему подбежали двое парней в аналогичных нарядах и, повинувшись начальственному кивку, зашагали навстречу переговорщику.

Поравнявшись, молча сопровождали меня к «хаммеру», от которого разило раскаленным железом и кипящим маслом. Оттого припомнились адские котлы и сковороды, изображенные на фресках Кирилловской церкви.

– Прошу в машину, – подростковым тенором проблеял худосочный. – Наш руководитель попросил уделить ему несколько минут вашего драгоценного времени. Для встречи необходимо проехать в центр.

Я кивнул и поразмыслил:

«Кабы не вчерашняя погоня – решил бы, что черный монстр приписан к дипломатической миссии, а юноши в белых рубашках – референты консула».

Забравшись в прохладный салон, уместился на диване, обтянутом лоскутами черно-кумачовой кожи. Истекавшие из встроенных колонок аккорды космической фуги, болезненно сдавили черепную коробку. Померещилось, будто очутился в кабинке ночного клуба накануне Хэллоуина.

Провожатые уместились по бокам, после чего махина тронулась с места.

Угрюмо подумалось:

«Хоть бы не услышали, как зубы стучат. Еще мурашки по спине разбегались, и мотыльки в животе порхают. Наверное, зря не подал сигнал. Вот и не зря! Сколько можно отсрочивать развязку? Неужто мало смертей?!».

После тренинга по умножению решимости мозговой анализатор взял тайм-аут. Эмоциональность угасла, течение времени застопорилось.

Прострация длилась до момента, когда кроссовер замедлил ход и плавно остановился. Встряхнувшись, разглядел за окном фасад пассажа на углу Преображенской и Дерибасовской.

Сидевший справа референт распахнул дверцу, выпрыгнул на тротуар и, обернувшись, учтиво молвил:

– Ценим понимание! Вас ожидают в горсаду на стуле. Можете идти, – дождался, пока я вывалюсь из салона, боднул головой и метнулся обратно.

В тот же миг «хаммер» сорвался с места. Мне же оставалось и далее теряться в догадках, ковыляя по раскаленной брусчатке к оговоренному месту.

Для несведущих поясню, что стул в горсаду – есть дань уважения одесситов творчеству писателей-сатириков Ильфа и Петрова. Памятник в виде элемента гарнитура генеральши Поповой установлен у входа в Городской сад. В любое время года к нему выстраивается очередь – каждый уважающий себя приезжий жаждет запечатлеться верхом на знаменитом

стуле или присесть, чтобы загадать желание.

Издали заприметил на нем человека, замершего в позе пианиста.

«Неужто памятник дополнили скульптурой Кисы Воробьянинова?!» – подумалось ненароком, настолько угловатая фигура сочеталась с постаментом.

Зато одеяние «статуи» казалось современным и отнюдь небедным – темно-серый костюм с отливом, безупречно белая рубаша, блестящий терракотовый галстук и остроносые лаковые туфли. Рядом – компактный чемодан на колесиках с выдвижной ручкой. Седок походил на респектабельного иностранца, сошедшего накануне с трапа океанского лайнера.

Вскоре удалось идентифицировать интуриста.

Минувшие годы почти не изменили внешность Андрея Птицына – парторга нашего олимпийского курса. Те же охристые вихры и прилизанная на бок челка. Выдающиеся скулы, ящикообразный подбородок. Длинный нос, напоминавший корабельный форштевень, искривленные поджатые губы.

Андрей Владимирович получил оперативный позывной по фамилии и стал откликаться на Птицу, хотя за глаза курсанты обзывали его Дятлом. Таковой выдалась сжатая характеристика курсового подхалима, заносчивого служаки и высокомерного долдона.

Теперь все эти качества отобразились в позе, отчего топ-

тавившиеся в очереди экскурсанты недоуменно таращились на изваяние, возмущенно переговариваясь. Некоторые пожимали плечами и уходили прочь.

Конечно же, я обо всем догадался – недостающие пазлы заполнили прорехи в картине расследования.

Подойдя, заговорил первым:

– Слазь с пьедестала, не зли людей! Дождешься, что кто-нибудь заедет в морду. Пошли в тень.

– Не посмеют, бандерлоги! – процедил сквозь зубы Птицын и расправил плечи, позируя хмурому фотографу из очереди. – Видишь, я пользуюсь популярностью.

– Кончай балаган! – внезапное раздражение выбило меня из колеи. – Жаль тратить на тебя время! Меня уверили, что беседа будет недолгой.

Статуя ослабилась, хотя наморщенная гримаса скорее напоминала маску африканского божка из коллекции Бокала.

– Беседы не будет, пан Кучер, – прогнусила, сощурившись. – Достаточно одного твоего слова. Готов заключить выгодный контракт?

– Здесь говорить не буду.

– Напрасно. Кивнул бы и баста, – Птица поднялся и чинно поклонился очереди. – Спасибо, граждане, за внимание!

Одернув пиджак, подхватил чемодан и покатил по аллее. Я подался следом, озираясь с надеждой разглядеть прикрытие иль на худой конец – Борилу с Лютиком.

Бывший парторг отыскал малолюдное место в тени и остановился. Развернувшись, приблизился вплотную, заглянул мне в глаза и выпалил скороговоркой:

– В кейсе десять лямов бакинских. Кивнешь, и они твои. Я мигом исчезну, но и ты навсегда улетишь с поля нашего зрения. Рекомендую уподобиться Штейну. Александр Петрович поступил разумно и не прогадал. Даю минуту на размышление.

Оторопев от внезапности, я отвел глаза в сторону. Вспомнилась фраза из какого-то фильма: «Нужно давать столько денег, чтобы невозможно было отказаться. Не получится купить – всегда можно будет продать».

Не стану утверждать, что после предложенной мзды воспламенился праведным гневом неподкупности. Отнюдь! Из-за мозгового ступора здорово себя материл, но вскоре переключился на соблазнителя, испытал брезгливое омерзение. И тут приключился мистический эксцесс.

Глянув на слащавую физию, разглядел проявившийся меж нами облик Фемиды с повязкой на глазах. Видение напоминало мираж – в пульсирующей дымке возникла слаженная статья богини правосудия и заслонила прообраз Кисы Воробьянинова. Перед собой удерживала весы. В левой чаше высилась гора денежных пачек, в правой – толпились люди. Множество людей.

В первом ряду я узрел свое семейство. Оля растирала слезы по щекам и старалась улыбаться. Дети ободряюще кивали.

Чуть поодаль стояли плечом к плечу Сарычев, Вишенцев, Костюченко. Саечкин в облачении прикрывал собой остальных и крестил серебряным крестом денежный ворох в левой чаше весов. Куча банкнот конвульсивно подрагивала, превращаясь в мерзкую сущность с потусторонней рожей. Поначалу чудище скалилось и рычало, но потом стало съезжаться, пока не обратилось жалким червяком. После этого видение пропало.

Проморгавшись, выдохнул с презрением:

– Эх, Птица, Птица! Попугай ты, полинезийский! Раньше был гнидой беспринципной, коих хватало среди партийцев. Теперь и вовсе упырем заделался. Пошел ты ...

Запнулся, ощутив негодование, которое грозило перерастить в неуправляемую ярость. Сжал кулаки и подался вперед, но услышал за спиной истошный крик:

– Не надо!! Дядя Сережа, не надо!

Оглянувшись, увидел бегущую по клумбам Дашу. Размахивая ручонками, она перепрыгивала через ограды, всхлипывала и повторяла:

– Не надо!! Не злитесь на него!

Искуситель содрогнулся и зарычал по-звериному. Физиономия снова превратилась в окостеневшую маску с перекошенной пастью и вылупленными зенками.

Даша подбежала и встала меж нами. Хрупкая девчушка заслонила собой Птицына, уперлась худыми ручонками в мой живот и, что было сил, оттолкнула.

– Вам нельзя на него злиться! Не надо!! – умоляла сквозь рыдание. – Успокойтесь, возьмите себя в руки! Это Глот!!

Обессилев, присела на корточки и уткнулась лицом в колени.

Только после этого я заметил сновавших повсюду людей. Главным образом то были не случайные прохожие. Без лишнего шума и неприметно для окружающих проходила милицейская операция по задержанию с поличным. Двое дюжих молодцов удерживали Глота под руки. Четверо – прикрывали коллег, образуя условный периметр. Меж ними метался худощавый юноша с видеокамерой на вытянутой руке. Запечатлев перекошенное лицо злодея, нацелился на чемодан. Действиями оператора руководил Самчуков, одновременно отдавая приказы по рации.

Из глубины парка подрулил микроавтобус с отодвинутой боковой дверцей. В салон усадили Птицына, заблаговременно сковав наручниками запястья, и вскоре увезли. Совокупно с Дятлом запропали обещанные им несметные богатства.

Неизвестно откуда явился Нюра. Опустившись возле Даши на колени, бережно обнял за плечи.

Подойдя, я присел рядом и пробурчал:

– Спасибо тебе, дочка. Признателен вам обоим.

Паша кивнул, собираясь ответить, но за спиной раздался недовольный окрик Самчукова:

– Шо за дела?! Чья дивчина? Налетела, как торнадо! С переляку я чуть спецназ не задействовал.

В его руке зашипела радиостанция, и послышался сиплый басок:

– Линкор, я второй. Потеряли! Ушел через Куликово поле по пешеходной зоне. Как в воду канул!

– Ищите! – гаркнул Проф. – Перехват введен по городу и области. Конец связи.

– Хаммер снова пропал? – высказал я догадку. – Вчера на трассе растворился, до этого – в Николаеве. Третий раз уже.

– Арифметике научен! Отсылай по домам детей и погнали в управу. Пора Дятла колоть до характерного треска.

Охлаждаясь под кондиционером, я обозревал просторное помещение, предназначенное для проведения следственных действий. Самчуков расположился на длинной лаве у стены и спешно черкал в блокноте.

Вскоре привели Птицына и усадили на железный стул, привинченный к полу. Задержанный окаменел, как давеча в горсаду, буравя взглядом чемодан, лежавший перед ним на столе. Держался уверенно и с виду казался спокойным.

Конвоиры удалились, пропустив в помещение статного майора с канцелярской папкой подмышкой и бумажным пакетом в руке. Следом возник знакомый юноша с видеокамерой и проводил к лаве двух бородачей, смахивавших на хиппи.

– Понятых привел, – доложил, усмехаясь. – Художников прихватил на Соборке. Скучают, клиентуры нет, жара задолбала. Сразу согласились. Права и обязанности зачитал по дороге.

Майор водрузил пакет рядом с чемоданом и отрекомендовался, вытянувшись перед Самчуковым:

– Следователь Герук. Разрешите приступить?

Проф кивнул и, подойдя к столу, вытряхнул содержимое пакета.

– Во время личного досмотра ничего примечательного не выявлено, – внятно проговорил, обернувшись к понятым. – Смотрите в оба, мужики! У задержанного изъято портмоне с крупной суммой в гривнах и долларах. Номера банкнот будут вписаны в протокол. Также – банковские карточки, паспорт гражданина Украины, наручные часы с браслетом. Похоже, швейцарские, целые, на ходу. Брючный ремень, расческа, ушная клипса от телефона. Самого мобильника не наблюдаю. Похоже, скинул по дороге.

– Говорит, потерял, – уведомил майор, раскрывая папку. – Отражу в протоколе, но сначала формальности.

Заполняя бланк, стал задавать типовые анкетные вопросы. Птицын отвечал, не задумываясь, при этом недовольно гримасничал. Комментируя род занятий, высокомерно объявил:

– Старший офицер МВД в запасе.

Художники удивленно переглянулись. Следователь нето-

ропливо записал и продолжил:

– Это ваш чемодан? Что в нем?

– Мой. Внутри личные вещи.

– Возражения против осмотра имеете?

– Толку с того. Валяйте.

Майор расстегнул замок и принялся выкладывать содержимое. На столе выростала стопка аккуратно сложенных брюк, рубашек, нижнего белья. Вскоре чемодан опустел, и стало понятно, что обещанными миллионами даже не пахнет.

Я вопрошающе глянул на Самчукова, но тот сидел, потупившись, мерно покачивая головой. Тогда перевел взгляд на Птицына и узрел надменную усмешку на застывшей маске.

Получив протокол на подпись, он подмахнул, не глядя, и снова окаменел. Следователь упаковал и опечатал чемодан, после чего позвал понятых. Подписавшись в протоколе, хиппи удалились вместе с завершившим видеосъемку оператором. Через минуту ушел следователь Герук, укатив злополучный кейс.

– Побазарим, Андрюха? – компанейски предложил Проф, подсаживаясь к столу. – По-людски без протокола. Мы ж свои ...

– Прошу без фамильярностей! – отрезал Птицын. – Обращайтесь ко мне на «вы» и по имени-отчеству. Между прочим, я вышел в отставку почти генералом. Целый год горбатился на генеральской должности. Представление затеря-

лось в . . .

Он осекся на полуслове, будто подчинился неслышимой команде невидимого суфлера. Едва заметно вздрогнул и зажмурился.

– Опасаетесь потусторонней затрещины, почти генерал? – не упустил я случая подначить. – Кого так боится высокий чин?

– Сам теперь ходи и оглядывайся, Слоняра!

– Не пугай пуганых! Дятел Слону не товарищ!

– Достаточно! – шумнул Самчуков и заговорил миролюбивым тоном. – Что ж, поговорим на официозе, Андрей Владимирович. Ответьте, пожалуйста, с какой целью вы назначили пану Кучеру толковище в горсаду?

– Вы ошибаетесь. Утром я приехал в Одессу на автобусе. Решил недельку позагорать, покупаться. В ожидании поселения в гостиницу пошел прогуляться по Дерибасовской. Завернул в горсад. Гляжу – навстречу топают Слоны. Сколько лет, сколько зим! Обрадовался, сил нет!

Пытаясь унять приступ дурноты, я отошел к зарешеченному окну и проворчал:

– Позагорать он приехал. Шут гороховый!

– Как балакаешь с почти генералом?! Рамсы попутал?! – приструнил меня Проф, заглядывая Птицыну в глаза. – Вы наверняка знали, что за хаммером будет хвост. На что рассчитывали, Андрей Владимирович?

– На ментовскую нерасторопность, – уставившись в пото-

лок, проблеял задержанный и снова его передернуло. – Не понимаю, о каком хаммере идет речь.

«Дятла кто-то дергает за веревочки, – прибавилось уверенности. – Стоит попробовать запудрить мозги ему и суфлеру».

Прокашлявшись, я заговорил поучительным тоном:

– Предлагаю проанализировать произошедшее с точки зрения юриспруденции. Дать юридическую оценку, убедиться в полноте состава преступления, определить судебную перспективу. В конце концов, рассмотреть вопрос участия адвоката.

– Кончай выпендриваться, Кучер! – проскрежетал зубами почти генерал, но быстро опомнился. – Как вам будет угодно, Сергей Иванович.

«Работает! – порадовался, стараясь не подавать вида. – Птица только с виду безмятежен и чванлив, а на поверку плывет, как нашкодивший недоросль. Кажись суфлер тоже пробуксовывает. Значится, продолжим заумный развод!».

Подсел на край стола и учтиво поинтересовался:

– Такая бестактность с моей стороны вас не шокирует?

– Хоть с ногами залезь! – рявкнул бывший сокурсник и покосился влево, будто ожидал подсказку.

Проследивши за взором, я усилил умственный прессинг, вставляя словечки, не свойственные деловому слогу:

– Как юрист и в недалеком прошлом – высокий чин правоохранительного ведомства, вы, конечно же, понимаете,

что дебильно обставленный гармидер в горсаду не может быть квалифицирован по статье уголовного кодекса. Потому так вызываясь себя ведете. Но с этого момента попрошу прекратить тупо фасонить, максимально сосредоточиться и внимательно меня выслушать.

– Хорош в мозгах ковыряться!

– Только начинаю. Предмет моей предьявы – кровавая вакханалия, учиненная Боровиком в Одессе и Крыму по вашей наводке. Приплюсуем акт физического и морального садизма по отношению к семье Бокальчука. Полагаю, данное действие вы лично провернули в Николаеве с подельниками. Посему сочту своим долгом безотлагательно уведомить известных вам господ о том, что именно Андрей Владимирович Птицын является организатором и куратором упомянутого беспредела. Уверен, что благовоспитанные господа будут крайне возмущены и, позабыв о манерах, захотят порвать вас на мотлох. То есть прибегнут к действиям, несовместимым с концепцией законопослушания. Иными словами – жизнедеятельность уважаемых господ превратится в некий комплекс широкомасштабных мероприятий, направленных на то, чтобы, живя на земле, вы ощущали себя в преисподни.

Умышленно прибегнув к сюрному словоблудию, внимательно отслеживал реакцию собеседника. Параллельно в мозгу проигрывалось наставление Даши: «Нельзя на него злиться!».

Почти генерал делал вид, что внимательно слушает, но не справлялся с телодвижениями. То косился на Самчукова, подергивал плечами или бездумно пялился в потолок, чудно гримасничая. То опускал глаза, изучал свои модные туфли и беззвучно шевелил губами. Потом его взгляд стал медленно затухать, будто одолевала дрема, что послужило для меня сигналом сменить тактику.

– Послушай, ты, высокомерная мразь! – неспешно и внятно выговорил, сдерживая эмоции. – Лично мне ты ничего плохого не сделал. Попытку подкупа не учитываю. Зато есть люди, жаждущие закатать тебя в асфальт. Ты их знаешь – они это сделают! Я тоже не собираюсь стоять в стороне. Поэтому заруби себе на носу – если отмажешься на сей раз, то в дальнейшем твоя жизнь уподобится пытке на дыбе. Не я, а ты будешь шарахаться от любого звука до тех пор, пока не окажешься в дурдоме с диагнозом – мания преследования.

Птицын пискляво чивикнул и надменно расхохотался. Хотя, гортанное присвистывание трудно было отождествить с радостью. В детских куклах, напичканных электроникой, есть функция веселья, которая активируется после того, как кукла насытится или испражнится. Подобным образом злорадствовал наш Дятел.

– Пытка на дыбе, мания преследования, – повторил с издевкой и посерьезнел. – Что вы об этом знаете?! Быть может, мне по нутру, когда невмоготу? Вот и не страшайте сходняком марзматикиков, назвавшихся седьмым флотом. Тоже мне

– ассоциация графьев Монтекристо! Курам на смех! Наш флот мощнее. Сунетесь и враз потоните!

– Твой флот шестой, – спокойным тоном резюмировал Проф и, не сдержавшись, выкрикнул. – Шестерки вы поганные! Понял, ты, петух общипанный?!

– Нельзя на него злиться, Шура! – довелось повторить злободневный пароль.

– Пусть-пусть! – подначил Птица. – Коль есть желание – двиньте мне в челюсть. Отбейте почку, как тогда Боровику.

– Не дождешься! – Самчуков поднялся и пересел подальше на лаву. – Известно, чего добиваешься! Пытаешься спровоцировать, раз не вышло со Слоном. Я ж тебя насквозь вижу! Ты стрелку с Кучером забил, чтобы отвлечь нас от Бокальчука. Ваша главная цель – Вадим. Я прав?

– Не понимаю, о чем ты.

– Брехня! Ты знал, что Гриб заведется с пол-оборота, припомнив старую обиду. Превратится в послушный инструмент для отвлекающего маневра. Вы тем временем заделаетесь его подражателями и устраните Бокала. Ведь так?! Колись! Разговор не записывается.

– Мне до лампочки – хоть в прямом эфире транслируйте, – изменившимся голосом проскрежетал Птицын. – Ладно, слушайте, бывшие кореша. Насчет Гриба все верно судачите. Федя мигом заглотил наживку. Кстати, моя заслуга! Разглядел в нем удобный механизм с множеством доступных кнопок управления.

– Считаешь себя непревзойденным кукловодом? – спросил я, усаживаясь на место Профа. – Может, поделишься опытом?

– Легко! Игрушку тамагочи помнишь? Принцип действия – интерактивное наблюдение за питомцем. Запустить программу взращивания зверька можно с помощью скрытой кнопки. Зверек начинает расти – лишь бы кормили вовремя. У любого человека можно нащупать парочку таких кнопок. Одни легкодоступны, другие – заблокированы хитроумным кодом. У некоторых пароль легко взломать, с иными придется повозиться. Встречаются неуправляемые индивидуумы. Помню, был случай ...

Птицын в очередной раз осекся и закрыл глаза.

– Лечиться тебе надо, Андрей, – со вздохом заключил Самчуков. – Проблемы с психикой налицо.

– Отчего же? Вполне разумно рассуждает, – я решил понажимать доступные кнопки бывшего партийца. – Бесценный навык в работе шпионской структуры. Правда, Птица? Кстати, неплохо бы узнать о твоей команде. Вакансии есть?

– Поезд ушел! Нужно было в парке договариваться.

– Расскажи хоть, какую возможность я упустил. Интересно же.

– Здорово прогадал! Подо мной такие профи ходят! Жалование в мешках получают.

– Мог бы мне предложить, – подыграл Проф. – Даже обидно.

– Еще не поздно, – разошелся Птицын, забыв о суффере. – Структура у нас приватная, но имеет поддержку на высшем держаном уровне. Зарегистрирована в дальнем зарубежье, потому вычислить принадлежность или отследить финансовые потоки невозможно. Представляет собой разветвленную коалицию. Разбита на сектора по отраслевым направлениям деятельности. Мой сектор занимается тайным аудитом и юридическими экспертизами частных предприятий. Находим слабые места в уставах, документации, уплате налогов и подыскиваем заинтересованных клиентов. Предлагаем им свои услуги по рейдерскому захвату прсмотренного бизнеса. Устраняем конкурентов, дискредитируем и разоряем собственников. Текущая операция проводится по заказу важного человека из столицы. Кодовое название: «Разбей Бокал».

– Пафосно, – протянул Самчуков.

– Под Вадима подбирал. Он любит патетику. Цель операции заложена в названии, а методы уникальны. Мы не пользуемся услугами криминальных структур, наша поддержка гораздо мощнее. Ни один сыщик не отыщет концов! Ко всему – редкостная проработка вариантов. Временно не сработало с Бокалом, и мы отступили, а чтобы не терять время запустили резервный вариант. Акция называется: «Купи Слона». Я сам придумал!

– Гениально, – зааплодировал Проф и подметил. – Вот только не продался Слон. Прокололась ваша хваленая коа-

лица! Все вы там – почти.

– Шура, спокойно, – напомнил, упреждая очередной эмоциональный срыв. – Разозлимся, и наши кнопки станут доступными.

Внезапно запиликал его мобильник. Приложив к уху, Самчуков выслушал полуминутный доклад и, ухмыльнувшись, распорядился:

– Пропусти под мою ответственность. Все равно не отвяжутся, – сунул телефон в карман и подмигнул задержанному. – Суши весла, Дятел! Прибыла огневая поддержка.

Птицын окаменел, напялил на физию отмороженную личину и вытарачился в пол. Заскрежетав зубами, процедил:

– Ты же обещал, что я уйду, если отвечу на вопросы. К чему этот цирк?

– Неужто сдрейфил, мой генерал? – спросил я с издевкой.

– Скоро сами обмочите штаны в агонии! Всех порешим! – гаркнул недавний моралист, опасливо косясь на дверь. Передернулся всем телом, поскреб скрюченными пятернями по столу и зашаркал туфлями, будто пытался бежать.

Дверь отворилась, и в проеме показался Бокальчук. Оглядевшись, посторонился и впустил Саечкина, облаченного в мирской наряд.

Птицын грязно выругался, обернулся к Самчукову и, выдвинув челюсть, прорычал:

– Кто сюда звал святошу?! Сейчас же отпусти меня! Слышишь, ты?!!

Злобный рык совместился со взором ненависти, образуя симбиоз потусторонней вражьей силы. Будто бы из глубин запредельного мира выплеснулась тягучая зловонная масса и растеклась по комнате.

Бокал присвистнул и проворчал:

– Хороша встреча старинных друзей. Мы тоже рады тебя видеть, – изменился в лице и угрожающе двинулся на задержанного. – Клюв закрой, пернатый! Враз обломаю!

К счастью я успел встать между ними. Вадим гневно зыркнул из-за моего плеча, отошел к лаве и уселся рядом с Профом. Саечкин уместился напротив Птицына и тихо молвил:

– Не могу сказать, что рад встрече. Тем не менее здравствуй, Андрей.

– Наше вам с кисточкой, тятенька! Век бы тебя не видать!

– Только один вопрос. Что если бы Слон согласился взять деньги?

– Получил бы сполна все, чего хотел. Штейн давеча согласился и не прогадал. Гриб тоже не остался в накладе.

– Что ты несешь?! – рявкнул Бокальчук. – Прямо осчастливили Федьку! Чего ж он в ключья разорвался от привалившего форта?!

– Это вы виноваты! Не дали человеку пожить! – он указал заскорузлым перстом на Батона – Поп все замутил! Лезет куда не попадая со своими молитвами!

– Такова миссия, – спокойно заметил Сан Саныч, глядя Птицыну в глаза.

Казалось, два противоположных мира изучают друг друга. Темный дожидается удобного момента для нападения, а светлый – готов его принять, если потребуется отразить и за- точить агрессора в логове.

– Хорош пялиться! – сдался Птица, отведя глаза. – Со- весть мою тебе не пробудить. Нету ее!

– Знаю. Твое нутро бесчеловечно.

– Ишь ты, узрел! Ну и ладушки! Все одно будет, как книж- ка пишет – и мы последнего попа его же собственной киш- кой удавим!

– Надо же?! Пушкина цитируешь. Неужто у вас библио- тека имеется?

– Пошли, покажу! Только дай согласие.

– Сам туда иди, Андрей Владимирович.

– Андрюха давно там, – механическим голосом отозвался бывший парторг. – Базар окончен, господа. Устал я...

Зажмурившись и опустив голову на грудь, он порывисто вздохнул, поскрипел зубами и утихнул. Полуминутная ти- шина показалась многочасовым вакуумом.

– Ушел, – голос Саечкина прозвучал, словно выстрел. – Глот отозван, а Птицын скончался.

– Ты пошутил? – настороженно прошептал Проф.

– Не до шуток. Подобное случается, тетка. Сердце оста- новилось.

– Может, реанимацию?

– Скорую вызывай. Сам знаешь, нужно, чтобы доктор за-

свидетельствовал смерть, – Батон поднялся и зашагал к выходу. – Слон, Бокал – за мной! Нечего в ментовке отсвечивать.

– Я с тобой в монастырь поеду, – засобирился Вадим.

– Меня не забудьте, – подался я следом.

– Отставить! – Сан Саныч задержался возле распахнутой двери. – Я в обитель к Доходу, а вы оба отправляйтесь в людное место. Туда, где шумно и весело. Можно в цирк.

Глава двенадцатая

ГАВАНЬ

Перенасыщенный событиями день клонился к вечеру. Изматывающая жара потихоньку отступала, благодаря легкому сквознячку с набережной.

На пару с Вадимом мы брели вниз по Дерibasовской, хорясь в тени старинных домов. Перед тем, как внять наставлению Батона и двинуть в увеселительное заведение, обоим захотелось пройтись по знакомым местам. Очевидно из-за того, что в противовес уличной толчее – внутри ощущалась муторность и опустошенность.

Позади, сохраняя дистанцию, плелись угрюмые бодигарды. Конкретный Борила и разбитной Лютик после нагоняя от шефа имели пришибленный вид. Преследуя «хаммер», братки нарвались на гаишников, и вместо того, чтобы откупиться по быстрячку – ударились в полемику, едва не лишив-

шись транспортного средства. В итоге обошлось, но randevу с Птицыным мне пришлось начинать без прикрытия.

Оглянувшись, ободряюще подмигнул Борису Николаевичу и глянул искоса на Бокальчука. Депутат ступал размеренно, временами вздыхал, уставившись под ноги. Напоминал человека, внезапно потерявшего память, который безусловно о том не догадывается и силится собраться с мыслями.

Миновали Ришельевскую, обозревши отреставрированный фасад оперного театра, и спустились на Пушкинскую к музею флота. Сплетенные кроны вековых платанов превратили старинную улицу в лесистый тоннель, наполненный прохладой, нагнетаемой с Приморского бульвара.

Направившись к вокзалу, прошли по музейному кварталу и, не сговариваясь, завернули на Греческую. Остановились у знакомого крыльца.

В округе мало что изменилось за прошедшие годы – тот же арьергард с железными воротами на подворотне, покатым тротуар, испещренный асфальтными заплатами. Неизменное крыльцо с надписью «Salve» – напоминание о том, что при последнем государе-императоре в здании размещалась именитая табачная фабрика. Только дубовые оконные рамы были заменены на пластиковые стеклопакеты.

Именно в этих стенах перезнакомились тридцать лет назад участники теперешних событий. Возле знакового крыльца снимались эпизоды сериала «Выгодный контракт» с участием курсантской массовки. На этом же месте Слоник за-

печатлел будущую семейную пару в день первого приезда Оли на побывку к жениху. Пожелтевшая фотокарточка по сей день хранится в выпускном альбоме.

Осмотревшись, Вадим уселся на мраморный парапет – излюбленное место курсантских перекуров. Хитровато сощурился и огласил:

– Не сыграть ли нам полундру?! Коль сказано, шумно развлечься, значит надобно свистать всех наверх.

– Не возражаю. Флот, поди, не в курсе трагикомичной развязки.

– Вызванивай Зуя с Репой, а я наберу Летописца.

– Дохода позовем?

– Почему нет? Саечкин точно отмажется, а Леньке увольнительная не навредит. Мы ж ему не нальем. Или есть возражения?

– Наоборот! Думал, ты презираешь Недоходова.

– Не парься! Он, такой как все.

– Я виноват перед ним. Если бы тогда еще разрулил...

– Фигня! Доход самолично записал себя в лузеры. Скопил дрянной потенциал и оправдывал им всю жизнь пьянку.

– Не он один...

– Я что ль безгрешный?! – отмахнулся Бокал и подманил охранников. – Оба рысью на Преображенскую! Успеете за десять минут пригнать сюда машины – амнистирую.

Воспрянувший духом Борила намеревался двинуть заверительную речь, но передумал, узрев недобрый взор патро-

на. Развернувшись, потрусил за Лютиком, который успел тормознуть попутку.

Первым на Греческую примчался Пуртев на такси, и почти одновременно подкатили охранники, перегнав от милицейской управы «мерседес» сопровождения и депутатский «форд». Следом подоспели Зимбер с Молодязевым на отрихованной и зашпаклеванной «тойоте» без переднего бампера. Последним прибыл Недоходов на монастырском бусе.

Несмело поручкавшись с однокурсниками, проямлил:

– Батон велел передать – козь у употреблю хоть каплю, он всем бошки поотрывает.

– Заметано! – обязался Бокальчук и поведал собравшимся последние новости.

Спустя четверть часа шумная компашка провела экспресс-совещание и рассредоточилась по машинам. Процессия двинула вниз по Греческой и повернула на Канатную. Миновала переулок Нахимова, тенистую Маразлиевскую и по главной аллее парка Шевченко выехала на площадь у аллеи Славы.

Разместив авто на стоянке под присмотром бодигардов, прошли через сквер Паустовского и направились к пляжу «Лонжерон».

Курсанты школы милиции нарекли этот маршрут «дорогой жизни».

Раз в неделю нас поднимали спозаранку по тревоге и в полном боевом снаряжении прогоняли по шестикилометровому отрезку пересеченной местности от Лонжерона до Аркадии.

Глядя на конвульсивные потуги будущих сыщиков, начальник кафедры физподготовки подначивал:

– Разрешаю меня посылать куда угодно. Можете рискнуть побить, но не советую. В любом случае потом спасибо скажете.

Действительно, не раз за годы службы я с благодарностью вспоминал его пророчество. Так же, как в тот день – шагая плечом к плечу с поседевшими стайерами.

– Шибче, друганы! – раскомандовался шебутной Зимбер. – Хавчик стынет! Отвечаю, шо «Глечик» – самое оно! Шумно, весело, а кухня – пальчики оближешь! Мой корефан недавно в администраторы выбился.

Пузатенький молодящийся брюнет в льняной вышиванке и белых брюках-дудочках встретил компанию на крыльце и проводил через зал на летнюю площадку. Усадил за празднично сервированный стол, акцентировав внимание на ланд-

шафте:

– Пейзаж в стиле Айвазовского, господа! Располагает к отдыху, множит аппетит. Меню подбирал самолично по высшему разряду!

– Спасибо, Эдик, тебе зачтется! – потирая ладонями, замурлыкал Зуй. – Кланяйся маме! Тетя Липа возгордиться сынком, как узнает, шо сливки одесской аристократии перекусывали в его харчевне.

Улыбчивые официантки в национальных костюмах завершили последние приготовления – расставили тарелки с холодными закусками и графины с узваром. Водрузили в центр стола поднос с жареными бычками и подали каждому гостю горшочек с поджаркой из ягненка с грибами и картофелем.

Едоки, в свою очередь, единогласно отказались от крепких напитков, отдав предпочтение сухим винам. Недоходову подливали исключительно минералку.

Вначале Леня отмалчивался, опасаясь возможного «разбора полетов». Со временем осмелел и патетично заверил:

– Даю зарок, мужики! Отныне в пожизненной завязке. Если бы вы знали, насколько вкуснее еда без горилки!

Бокал присвистнул и подначил:

– Не ты ли говаривал, что только собаки любят мясо без горилки?

– Было дело, – отмахнулся новоиспеченный послушник и посерьезнел. – По гроб жизни всем вам обязан! Раньше я просто знал, что есть люди, с которыми когда-то учился и

жил под одной крышей. Правда, жаба давила, когда узнавал, чего вы достигли в жизни. Обиды и желчи накопил – дальше некуда! Вот и заливал водярой надуманную скорбь. Особо на Слона обижался.

Замолчал, опустив глаза, после чего я принял эстафету:

– Слон и вовсе не интересовался, кто из друзей чего достиг. Равно, как не задумывался, какое место в жизни каждого отведено его персоне. Теперь до меня дошло, что неверно это. Спустя много лет мы снова встретились, и каждому пришлось показывать себя. Кем он стал не по рангу, а по сути. Не по ремеслу или званию, а по нутру. Один тут недавно вопил, что дослужился почти до генерала. При этом позабыл стать человеком.

– Мне тоже нечем хвастаться, – проворчал Вадим. – Депутат хренов! Изо дня в день одно и то же – бизнес, деньги, власть! Моща!! С людьми перестал считаться.

– Шо за исповедашня без Батона? – поинтересовался Проф, незаметно подкравшись к столу. – Не ждали?! Я думал, тут пляски с цыганами, а у вас групповой сеанс самобичевания.

– Шура, ты вовремя! – обрадовался Летописец. – Поспел к десерту. Обещали добить нас варениками с вишнями. Но сначала поведай, чем в управе закончилось.

– Тривиально, как всегда. Поначалу набежало начальство. Скопом грозились на пенсию меня спровадить, а как дознались, что почивший Птицын кукловодил Боровиком – по-

хвалили и разбежались. Похоже, генерал Брут навел в главке шорох. Потом подкатили прокурорские, просмотрели видеозапись и наказали передавать им материалы. Плакались, что из Киева пришло указание объединить все эпизоды и постоянно докладывать о ходе расследования.

– Интересовались, шо за посторонние на записи? – спросил Бокал.

– Мистика какая-то! – подернул плечами Самчуков. – Прикинь?! Даже внимания не обратили. Будто я один вас вижу.

– То происки Сан Саныча, – подсказал я. – Лучше поведай из-за чего Птица помер.

– Врачи и медэксперт сошлись на внезапной остановке сердца. Налицо признаки острой коронарной недостаточности.

– Родственникам сообщили?

– У него нет никого. Представляете?! Родители умерли, семьей не обзавелся. Пришлось звонить начальнику УВД, откуда Птицу на пенсию провожали. Согласился организовать транспортировку и похороны.

– Хаммер, небось, так и не нашли, – с укором проворчал Зуй. – За тачку имею личную предъяву!

– Не сыпь мне соль на раны! – отмахнулся Проф. – Перехват объявили по области, но я сильно сомневаюсь, шо будет толк. Лучше колитесь, что за толковище устроили?

– Облегчение болящих душ, – с ухмылкой пробубнил Се-

мен. – Персональное ассенизаторство.

– Тогда я в теме! За эти дни убедился, что не стал страшилом бессердечным. Не одну пачку валидола слопал! Дошло, что одним умом не проживешь, даже, если опыт имеется. Куча знаний в башке, а больше половины – мертвый груз! Страсть, как охота поумничать, научить, подсказать, ручки подложить. Хорошо, хоть в ответку часто посылают. Особенно домашние. Правильно делают, чтоб корона извилину не давила! Короче, я здорово обломался!

– Всего-то?! – подхватился Матроскин. – У меня машина обломалась, а сам я остался без чистого белья!

– Вот оно шо! – закивал Репа. – Я-то думаю, от кого такой штын?

– Не обострай, Юрок! Я фигурально о труселях выразился. Кстати о мандраже! Слону больше всех перепало. Лично я боюсь даже думать о чемодане с баксами.

– Неужто бы взял? – подзудил Пуртев.

– Сначала сам ответь, правдолюбец!

За столом воцарилась тишина. Вероятно, каждый задумался над ответом на каверзный вопрос.

Наконец, поднялся Молодязев с бокалом в руке и рассудил:

– Любопытная задачка, не правда ли? Порой непросто быть честным с самим собой! Лишь изредка я заглядываю в нутро и не потому, что некогда. Потому, что боязно! Прикрываюсь кафедрой, бытом, беготней. За последнюю неделю

многое в мозгу перевернулось. Впредь постановил не бояться самого себя! Помните, я про робота рассказывал? Вот и усек, что у меня тоже некоторые батарейки вынуты или подсели. Зато есть такие, которые нужно выбросить или переставить в нужное место.

– Я тут за чемоданчик помыслил, – подал голос Семен. – Думаю, не взял бы ни копейки. Жить потом как?! Впрочем, я не особо собой доволен. В плане семьи, конечно, порядок, а вот со взглядами – полнейший отстой. Вернее, застой! Привык прозябать в собственном мирке, как улитка в домишке. Заделался дюже умным сторонним наблюдателем. Диванным экспертом с пересохлыми мозгами! Выходит, что анализирую происходящее только со своей невысокой колокольни без учета иной точки зрения.

– Сие мне близко, – выдохнул Бокал.

– Я вообще-то тост хотел двинуть! – Репа постучал вилкой по фужеру. – Выпьем за седьмой флот! Чтобы все были живы и здоровы!

Проснулся я поздно, сожалея, что проспал креативную презентацию молочника. В который раз денек обещал выдаться знойным и безветренным.

Вышел в сад, намереваясь умыться, и наткнулся на помощников. Паша поднес к воротам спортивную сумку, об-

нял подоспевшую Дашу и, обернувшись, известил:

– Папа скоро заедет. Жаль расставаться. Успели к вам привыкнуть. Звоните, если что.

– Всенепременнейше! В радость было с вами работать.

Вернувшись в каморку, наспех уложил вещи. Когда же перетасил чемодан в машину – испытал приступ угрызения совести. Верный стальной конь, будто брюзжал с упреком:

«Эх, хозяин, хозяин! Сам в почете и лаврах, а я стою тут один-одинешенек – заброшенный, немывтый, некормленный. Постыдился бы!».

– Виноват, – проямлил вполголоса и огляделся.

«Ничего себе! Что-то новенькое! – опасливо подумал. – Раньше не практиковал беседы с автомобилем. Неужто Юнкер напроорочил сверх способности?! Стоп!! Что за ерунда? Нервишки расшалились?».

Урезонив себя, все же пообещал автомобилю оказать должную сервисную чуткость в ближайшее время.

За воротами послышался рокот дизельного мотора. Вместо депутатского кортежа на улицу Красных зорь зарулил монастырский бус. В салоне одиноко восседал Сан Саныч, облаченный в праздничную белую рясу.

Не раздумывая, я запрыгнул внутрь, радуясь возможности по-дружески откланяться.

Батон смущенно оправдался:

– При параде испытываю неудобство. Вызвали на аудиенцию к епископу.

– Надеюсь, сломанные ворота не при чем?

– Юморишь, значит в норме. Вадим уведомил, что заедет попрощаться с Кучером, а мне захотелось глянуть на ваш видок после вчерашнего.

– Да уж, оттянулись неслабо.

– Доход с утра мозг вынес. Не нарадуется! Я тоже поблагодарить хотел. Вы молодцы, слава Богу! Оле передавай большущий привет! Наш флот потому и держится на плаву, что боевые подруги молятся и ждут.

– Передам непременно. Вопрос у меня к тебе, как к бывшему оперу. Думаешь – следующим в списке Гриба был я?

– Зачем тебе знать? Дело прошлое.

– Все равно ответь. Почему-то Птицын именно меня захотел купить.

– Имеешь в виду, что твоя доступная кнопка – алчность и стремление к наживе?

– Типа того.

– Каждый из нас по-своему падок. У подавляющего большинства людей есть доступные кнопки и рычаги управления. Главное, как поведет себя человек после активации той или иной кнопки. Какой он сделает выбор. Мы же не роботы бездушные. Воля нам для чего-то дадена и сила духа. Ты же не продался! По поводу очередности в списке скажу, что Кучер не был следующим. Ты первый из нас, кто встал у нелюдей на пути. Выказал себя целью на затопление. Потому, что Слон.

– Всего лишь прозвище.

– Позывной! В нем суть сокрыта. В учебнике истории древнего мира есть картинка. Видал, небось? Облаченный в доспехи боевой слон врезается в самую гущу боя, а на спине – воины в плетеном коробе. Забрасывают неприятеля копьями и стрелами.

– То есть Слон, как непреступная крепость? Пока его не завалишь – до воинов не доберешься. Ты тоже в том коробе?

– Мой фронт тяжело изобразить на картинке. Если использовать флотскую метафору, то я – лоцман. Тот, кто встречает и провожает корабли. Он знает фарватер родной гавани и подсобляет судам выйти в море или возвратиться после тяжких баталий.

– Стало быть, мы добре потрепали вражьи корабли?

– Неслабо. Только не забывай – шестой флот остался на плаву, – Саечкин протянул на прощание руку. – Они лишь на время отступили. Бывай, Сергей Иванович! Вон олигарх подъехал. Дюже просился на минутную беседу.

«Форд» Бокальчука тормознул перед бусом, а «мерседес» с охранниками загородил поворот с Фонтанской дороги.

Пропустив Вадима в салон, я попрощался с Пашей и Дашей – молодожены укладывали пожитки в багажник «папиного» седана.

Через пару минут Сан Саныч Саечкин убыл на аудиенцию. Бокальчук поторапливал молодежь, пытаясь скрывать растроганность. Подойдя, доверительно извещил:

– Полегчало на душе! Батон все же моща! Кстати моя раз-

ведка кое-чего нарыла по делу. Перешерстили конкурентов и вычислили крутого перца из администрации президента. Полгода назад тот заинтересовался нашим курортным проектом и, по-видимому, заключил выгодный контракт с ныне почившим Птицыным. Не желаешь недельку у меня погостить и вникнуть в суть? Нюра подмогнет.

– Домой охота. Разберетесь без меня. В крайнем случае, напрягу Брута.

– Тогда до связи! Оле привет!

Он отошел, а в моей ладони неожиданно появился слоник – плюшевый с улыбкой до ушей, размером с хомячка и почему-то розовый в желтую полоску. Сувенир мне вручила Даша, сконфуженно чмокнула в щеку и юркнула в объятья благоверного на заднее сидение «форда».

Спустя минуту кортеж николаевского депутата скрылся за поворотом. Я же привалился спиной к забору, пытаюсь унять накотившиеся слезы.

Встряхнувшись, подошел к своей машине и определил новому собеседнику место на торпедо. Погрозив слонику пальцем, чуть слышно молвил:

– Не подведи! Отныне ты мой талисман.

За спиной послышалось ворчание хозяйки:

– Во невезуха! Почти все разъехались. Попрусь по жаре на вокзал отлавливать постояльцев. В гости еще пожалуете?

– Обязательно! Вместе с женой. Хорошо у вас.

Распрощавшись с Марией, уместился за рулем и, вырвав

со двора, подытожил:

«Тенденция налицо! Я таки балакаю с неодушевленными предметами. Пора к мозгоправу. Может, составить Бруту компанию в госпитале? Стоп! Со всеми поговорил, а жену известить забыл!».

Созвонился с Олей, заверив, что несусь в семейное гнездышко на крыльях любви, строго соблюдая правила дорожного движения.

Битый час волочился в заторах, пока не вырулил на проспект Грушевского, миновав дорожную развязку возле автовокзала. Транспортный поток заметно уменьшился, что позволило ускориться. Наконец, выехал на Ленинградское шоссе и «пришпорил» боевого коня.

Миновав гаишное КПП, всполошился:

«Вот дундук! Забыл поблагодарить главного виновника, которому обязан приездом в Одессу».

Панфилов отозвался мгновенно, будто ждал звонка:

– Только собрался вас набирать. Уже в курсе всех дел, благодаря Юрию Всеволодовичу. Небось, материте меня за командировку?

– Вовсе нет. Поздравляю с защитой! Кстати, сходил бы еще разок с тобой в разведку.

– Не вопрос! Ждите звонка.

– Смотри, напророчишь, тезка! До встречи!

Подъезжая к мосту через Хаджибеевский лиман, побеспокоил Черноуха.

- Вас внимательно слушают, – услышал приветливое бормотание. – Ты уже дома?
- Только выехал. Как там Слоник?
- Оклемался маленько. Сижу возле его койки. Лыбится, ручонку тянет. Трубу не дам! Пусть силы бережет. У меня к нему уйма вопросов.
- О письме спроси, после которого он в бега подался.
- Уже! Деша пришла по почте на рабочий адрес. Конверт с олимпийским медведем, текст печатный. Короче, припомнил аноним участие в избиении Гриба и огласил, что настало время расплаты. Типа, ты следующий в списке после Вишенцева, Дохода и Костюченко. Предупредил, чтоб не трепался, иначе семье – кердык.
- Понятно, почему Саня деру дал. Про грипп специально выдумал?
- Бондом прикинулся, – хохотнул Юнкер. – Опасался, что телефон прослушивают, но верил в нашу чуйку.
- Мог бы Летописцу на сайт написать.
- Побоялся хакеров. Кстати, генерал держит слово.
- Неужто прокуратура зашевелилась?
- Так точно! Забирают материалы по Малореченскому и по наезду на Сарычева. Собрались объединять. В общем, Бруту респект! Бывай!

Спидометр стремительно отсчитывал километры обновленного покрытия.

Уставший путник возвращался в родимый дом, испытывая тихую радость. Наслаждался ароматом свежее испеченного хлеба, заполонившим салон, и похваливал себя за смекалку. Из-за того, что зарулил на Новогригоровский рынок и прикупил для жены сытный пахучий презент.

Созвонился с ней из пригорода Умани, известив, что проехал половину пути.

Перед Жашковым запиликал смартфон и, глянув на экран, я с радостью принял вызов.

– Не спишь, Серго?! – послышался раздраженный голос Брута.

– В пути. 200 километров до Киева.

– Я все там же. На больничной койке задницу отлеживаю! Даже не думают выписывать, коновалы!

– Им видней. Слыхали новости? Мы вроде бы раскрыли дело.

– Располагаю сведениями.

– Вам спасибо за поддержку!

– На здоровье! – проворчал Никифорыч и перешел на шепот. – Из-за ваших медведей на меня капитально наехали. Копают круглосуточно. Генпрокуратура затребовала на проверку оперативные дела. Завтра заслушивание на самом высоком уровне. Представляешь, без главного фигуранта. Им законы не писаны. Я взбрыкнул, а мне намекнули, что при-

шло указание с Банковой. Если не буду рыпаться, оформят по-тихому пенсион.

– Ну, и фиг с ним! Здоровье дороже! Без работы не останетесь.

Брут смачно выругался и пробубнил:

– Знаешь, сколько сил приложено?! Надорвался, пока сколотил мощную команду. Теперь придет какой-нибудь ... с ручным управлением и развалит подчистую. Обидно! Думаю, ты понял, что кадровый вопрос пока откладывается?

– Не страшно. Я при деле и седьмой флот готов к новым баталиям!

– Задолбали вы – мушкетеры-мореманы тридцать лет спустя! Но красавцы! Всех бы к себе сосватал!

– Штейн не объявлялся? Прессинг – не его ли рук дело?

– Вполне возможно. Представляешь, этот мелкий плевок пошел на повышение?!

– Не удивлен и не завидую. Ни ему, ни его подчиненным. Такие, как Шурик везде без мыла пролезут, а у людей после этого нервы сдают.

– Ладно, философ, рули давай! Тихий час у нас. Медсестра бурчит. Проведать болящего собираешься?

– Хоть завтра!

– Витаминов прихвати!

После разговора остался саднящий осадок, но заприметив на горизонте околицы Белой Церкви – вновь ощутил безмя-

тежность. С каждым километром сокращалось расстояние, отделявшее путника от дома.

Потрепанный в боях корвет после нелегкого и опасного похода неся на всех парусах в защищенную от штормов и ураганов тихую семейную гавань...

Продолжение следует.